

Петер Фрейхен
ЗВЕРОБОИ ЗАЛИВА МЕЛВИЛЛА

Peter Freuchen
FANGSTMOND I MELVILLBUGTEN
Gyldendal, Kobenhavn, 1956
Перевод с датского: Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи

Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилла. Пер. с датск. Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи. М.: Географгиз. 1961. - 232 с.

OCR и корректура: Готье Неимуций (Gautier Sans Avoir). saus@inbox.ru
Оригинальная метка подразделов внутри глав, обозначенная текстовым отступом, заменена на * * *.

Иллюстрации в книге (графика; художник Г.Е. Никольский), не представляющие ни информационной, ни художественной ценности, не приводятся.

В каталог Freuchen_Faces включен для ознакомления и фотопортрет погибшего спутника Р. Пири профессора Росса Марвина. Его упорное выражение лица позволяет полагать, что рассказанное ниже в книге П. Фрейхена может быть правдой.

АННОТАЦИЯ РЕДАКЦИИ

Это повесть о полярных эскимосах северо-западной Гренландии. В мировой литературе найдется немного книг, в которых бы с такой теплотой и симпатией описывалась жизнь гренландцев - небольшого, но мужественного и стойкого народа.

Автор книги, известный датский писатель и путешественник Петер Фрейхен, много лет прожил среди эскимосов, сроднился с ними, делил с ними горести и радости. Поэтому-то со страниц книги, как живые, встают образы ее героев - смелых, находчивых, добродушных, справедливых и бескорыстных.

Но не только о жизни эскимосов рассказывает здесь автор. Основа сюжета книги - история спасения пяти моряков шотландского китобойного судна, полная приключений, борьбы со стихией, драматических ситуаций. В ткань повествования органически вплетены прекрасно написанные новеллы, потрясающие своей правдивостью и тонким психологизмом. В них рассказывается о богатой событиями жизни эскимосов, европейских китобоев и рыбаков. Запоминаются по-своему красивые картины природы самой северной страны на Земле, почти целиком закованной в ледяной панцирь.

<Зверобой залива Мелвилла> - гимн мужественному гренландскому народу, живущему в суровых условиях Заполярья и всегда готовому помочь попавшим в беду.

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Тулимак, не успев даже ничего натянуть на себя, наклонился, чтобы вылезти из хижины и схватить гарпун или что-либо другое в надежде защитить себя и свою подругу, но было уже поздно. Меквусак, возможно, не так легко победил бы Тулимака, если бы тот оказался как следует вооруженным и готовым к бою. Теперь же Меквусак напал на голого человека, как только тот вылез из [снежной] хижины. Он не дал ему даже возможности подняться, со всей силой проткнул его гарпуном и пригвоздил к снегу.

- Ты хотя бы дал мне сперва надеть штаны, - проговорил Тулимак, - и тут же умер перед своей хижинкой. Это были последние слова, произнесенные им, - сказал Меквусак, улыбаясь при этом воспоминании.

П. Фрейхен. <Зверобой залива Мелвилла>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Люди на горизонте
Глава 2. Водяной пламень
Глава 3. Их было пятеро
Глава 4. Один на один с мертвецом
Глава 5. Жизнь за жизнь
Глава 6. Вперед, и к черту в пекло!
Глава 7. Чудеса моря
Глава 8. Нет конца пути
Глава 9. Домой
Л. Файнберг. Послесловие
Н. Крымова. Коротко об авторе
Примечания

Глава 1

ЛЮДИ НА ГОРИЗОНТЕ

Когда я сидел на вершине скалы и напряженно всматривался в море и льды, надеясь увидеть корабль, Наварана подошла ко мне. Я почувствовал ее приближение, хотя она носила мягкие кожаные камики [1] и шла почти бесшумно. Я был уверен, что это она; мне даже не нужно было оглядываться: я знал ее легкую уверенную походку.

Она села рядом и взглянула на меня со смущенной улыбкой. Наварана думала, что я переживаю обиду, и пришла утешить меня. Мягким голосом она спокойно объяснила, что я не должен принимать случившееся близко к сердцу. Скоро придет корабль, я получу мои несметные богатства и тогда Арнарврике нечем будет хвастаться. Старая карга поймет, что нечего хвалиться нарвалом, который подвернулся под гарпун ее мужа лишь по счастливой случайности. Наварана уверяла меня, что Ассаюка, мужа Арнарврики, никто никогда не считал большим охотником, и именно поэтому его болтливая жена подняла такой шум, когда ему, наконец, повезло и он вытащил на сушу нечто стоящее. И с какой стати, удивлялась Наварана, он вдруг отдал своего нарвала? Почему бы ему самому не устроить пиршество по случаю удачной охоты?

- Не стоит об этом думать, Пит?! - сказала моя жена. - Когда пища вкусна, люди едят и едят. Их желудки не спрашивают, откуда взялась пища. Они только переваривают ее. Скоро все забудут об этом случае!

Я уже не думал о происшедшем, но после слов Навараны мне стало ясно, что она страдает и пришла помочь мне забыть о случившемся и привести меня в хорошее настроение. А ведь позор ложился и на нее. О милая, маленькая Наварана, ее преданность не знала границ!

Я ничего не ответил, и она решила, что я все еще огорчаюсь. Она дотронулась до моего прекрасного призматического бинокля.

- Ты только посмотри на свой бинокль, - сказала она, - разве нужно что-нибудь еще, чтобы доказать твою величие? Кто в моей стране может сделать такой бинокль? Две черные трубы и маленькие стеклышки. Посмотришь - и самые далекие места кажутся совсем близкими!

Я поднес бинокль к глазам. Я не мог признаться, что высматриваю корабль. Приходилось притворяться, что меня интересует нечто другое.

Стоял прекрасный летний день, не чувствовалось ни малейшего ветерка, и каждый звук разносился далеко-далеко. Я не считал, что взглянуть туда, откуда до меня донесся звук, - ниже моего достоинства. Быть может, вынырнул морж набрать воздуха? Наварана не могла даже подозревать, что на самом деле я надеюсь увидеть очертания корабля и мой взор быстро скользит вдоль горизонта в поисках его. Но там, как и прежде, я ничего не обнаружил и со вздохом опустил бинокль.

Наварана вдруг вскочила и стала напряженно рассматривать остров Саундерса и льды к северу от него.

- Что ты увидела? - спросил я.

- Разве женщина может заметить что-нибудь достойное внимания в присутствии своего мужа? - сказала она скромно. Тем не менее она не сводила глаз с чего-то вдали.

Мне больше не хотелось выслушивать поучения, поэтому я молча протянул ей бинокль.

- Люди рождаются с глазами, чтобы видеть ими, - сказала она спокойно и села рядом со мной. Наварана показала рукой в том направлении, куда смотрела, и я снова поднес бинокль к глазам. Я ничего не мог заметить: только лед без конца и края! На самом горизонте - огромные льдины; все остальное пространство, насколько хватал глаз, покрыто паковым льдом [2]. Я всматривался до тех пор, пока не стали слезиться глаза.

Людям, которым не приходилось все полярное лето проводить в ожидании судна, не понять, как можно спутать корабль с айсбергом. Но время от времени это случается, и случается со всеми, кто остается на зимовку.

Проходили недели. Я ждал. Сколько раз уж я видел корабль, и всегда он оказывался либо ледяной горой, либо облачком, либо просто моржом, который переваливался по льдине на своих лапах.

Бухта в Туле не замерзает все лето, но вход в нее закрыт льдами, поэтому попасть в фиорд невозможно. Льды тянутся и к северу до пролива Смита, и к югу до моря Баффина. Совершая далекие охотничьи походы, нам не раз приходилось проникать во внутреннюю часть Вулстенхолмского фиорда. И все жители поселка на лето переселялись поближе к фиорду, в Угдли, где всегда много нарвалов и можно жить в чумах.

Наварана очень гордилась нашим жилищем. По древнему обычаю полярных эскимосов постройка каменных домов считалась мужским делом, хотя женщины часто помогали, а забота о летнем жилье эскимосов - чуме - полностью возлагалась на женщин. И женщины сами решали, какой величины будет жилище. Правда, муж иногда заставляет жену сделать чум меньше, чем ей хочется. Это случается лишь когда охотника постигнет неудача в весеннем лове тюленей и шкур на больший не хватает. В нашем фиорде таких случаев не бывало. Тюленей мы всегда добывали с избытком. Если один из чумов все же оказывался меньше, то это происходило потому, что его хозяйка либо слишком ленива и ей не хочется шить большой чум, либо у нее много детей, за которыми надо присматривать, и нет времени на такую трудоемкую работу. Увеличить чум довольно сложно, да и шкур нужно много, потому что подшивают их всегда к нижнему, самому широкому краю. Но если женщина уважает себя и печется о чести мужа, она сделает все, что в ее силах, если только ей удастся достать для большого чума подходящие стойки. Особенно трудно раздобыть длинные стойки для середины.

Эти стойки - гордость эскимосов, их передают из поколения в поколение, причем они переходят от матери к дочери, а не от отца к сыну. Наварана гордилась тем, что во всем роду самые длинные стойки имела она.

В начале лета множество нарвалов приходит к берегам Вулстенхолмского фиорда. Там много палтуса, о чем мы узнали, обнаружив эту рыбу в желудках нарвалов. Нарвалы - удивительные животные, они похожи на дельфинов, но далеко не так проворны. Подобно моржам, тюленям и большим китам, они, поднявшись к поверхности залива, некоторое время лежат на воде, чтобы сделать несколько вдохов. А дельфины, едва всплыв, с силой выдыхают воздух из легких и сразу же набирают свежего. Поэтому они показываются на поверхности не больше чем на секунду. Полярным эскимосам на тяжелых каяках удается убить дельфина, если только он выныривает прямо под гарпун охотника. Преследовать дельфина нет никакой возможности. Это делают лишь южнее, например в

заливе Диско, где у охотников легкие каяки и тонкие гарпуны с копьеметалкой. У полярного эскимоса - только его рука и нет никакой копьеметалки, чтобы <удлинить> руку, да и гарпун его очень тяжел.

Нарвала ловить легче, он менее подвижен, и при охоте на него всегда много добычи. Его кожа - маттак, как ее называют эскимосы, - самое лучшее лакомство, какое только можно представить. Маттак вырезают большими кусками - сверкающими и заманчивыми. Подкожный слой жира имеет вкус густого свежего молока, а внутренний слой - молодых лесных орехов. Промежуточный жесткий слой приходится глотать не разжевывая; однако, говорят, что он восстанавливает силы лучше, чем любая другая еда. Позднее я узнал от ученых, что маттак богат многими витаминами и что он - лучшее противочинготное средство, известное в арктических районах. Маттак напоминает вкус молодой, свежей зелени; это самое вкусное из всего, что есть в Гренландии. Этого не станет отрицать тот, кто сидел вместе с эскимосами вокруг только что пойманного нарвала и ел предложенный ему кусок маттака, вырезанный еще до окончательной разделки туши.

Палтусов, попадавших в желудках нарвалов, мы варили. Они напоминали по вкусу хорошую рыбу в пикантном соусе. Палтус - довольно редкая пища, и мы наслаждались ею молча, желая этим показать наше уважение к нарвалу, доставившему нам такое прекрасное угощение.

Дело в том, что вблизи Туле рыба почти не встречалась. Однако раз или два в лето кто-нибудь из старых женщин вылавливал несколько морских ершей. Конечно, никому из уважающих себя охотников не пришла бы в голову мысль заниматься ловлей этой глупой рыбы, которая сама насаживалась на крючок!

Мы великолепно провели лето в Туле и Угдли. Это было давно, в 1911 году. Мы упорно надеялись на появление судна, хотя прекрасно знали, что оно не сможет подойти к берегу, пока перед мысом Атолл громоздится паковый лед. В самом фиорде вода не замерзала, так как от глетчеров [3] отделялись и падали в море тысячи ледяных глыб и, кроме того, сюда же впадало множество речушек, несущих талую воду со снежных полей и с небольших ледников, расположенных выше по фиорду; вся эта вода размывала лед вдоль берега.

Я думаю, что это лето было самым счастливым в жизни Навараны. В Гренландии ее признали моей женой. Она распоряжалась всем, что я имел, а в глазах эскимосов я был обладателем несметных сокровищ. А когда придет долгожданный корабль, мы станем еще богаче. Поэтому все эскимосы понимали, что с Навараной стоит поддерживать хорошие отношения.

Однако ее безоблачное счастье омрачала одна туча: ее муж не был таким умелым охотником, как большинство мужчин стойбища. Мне еще ни разу не выпала удача самому поразить гарпуном нарвала, и, следовательно, я не мог на пиршестве предложить своим гостям лакомую хвостовую часть. Именно эту часть туши приберегали для большого пиршества: она считалась самым лучшим угощением.

Я знал, что Наварана тяготится этим. Она ни в чем не желала уступать своим подругам. Ей тоже хотелось, пригласив всех на пиршество, сидеть и говорить, что она сгорает от стыда, предлагая гостям такую ничтожную пищу.

- Ах, у нас в доме нет ничего достойного таких тонких ценителей! - Это говорилось всегда, когда хозяйка подавала самые лучшие блюда. - Мой жалкий муж не знает, как надо ловить вкусного зверя. Только благодаря счастливой случайности ему удалось убить этого нарвала, и он сохранил этот ничтожный хвост в надежде, что сумеет найти кого-нибудь, кто разделит бы с ним трапезу. Но мясо подпортилось, как всегда у нас бывает; когда его прятали, то как следует не заложили камнями. Я прекрасно знаю, что вы откажетесь от такой пищи. Единственное мое утешение, что найдутся другие дома, где вы сможете утолить голод, покинув нас!

Эскимосской женщине доставляет огромное удовольствие играть эту роль, умаляя свои достоинства: чем вкуснее и редкостнее пища, которой она угощает, тем старательней хозяйка подчеркивает свое ничтожество. Аппетит гостей и их возражения против извинений хозяйки дома увеличивают славу ее мужа. Такое пиршество долгое время служит темой для разговоров в стойбище. В мире, наверное, немного таких уголков, где аппетит гостей и их похвалы вкусным угощениям помнят и обсуждают так долго, как в Гренландии.

Наварана ждала такого события. Правда, она всегда могла пригласить на чашку чаю с сахаром и даже пустить по кругу кисет с табаком - в Гренландии это все редкость и очень ценится. Конечно, такое угощение приносило ей почет, но что может сравниться с хвостовой частью нарвала, добытой ее мужем, первым вонзившим гарпун в зверя, и поданной на стол для гостей? Мы довольно часто приглашали друзей на настоящий датский обед со многими яствами, полученными из Дании, и угощали их такими деликатесами, которых они в жизни не видали. Они с чувством благодарили и ели чудовищно много, на все лады восхваляя угощение. Они поглощали столько, что ни в какой другой стране света не съели бы и трети поданного. Однако вечер всегда кончался одним и тем же: гости подходили и спрашивали, нельзя ли сварить мяса, так как они голодны и с удовольствием съели бы что-нибудь существенное, <что не так быстро улетучивается>.

В тот самый день, когда Наварана пришла на скалу утешать меня, я хотел доставить ей удовольствие, чтобы она как хозяйка могла подать хвостовую часть нарвала своей матери, которая приехала погостить в Туле. В ее честь пригласили гостей, и мне удалось достать хвост нарвала, который уже слегка протух и поэтому должен всем понравиться. Жир приобрел желтовато-зеленый оттенок, а это означало, что на вкус он будет таким острым, как положено. Мой друг Ассаук поймал нарвала в прошлом году, и я купил хвост, заплатив табаком двойную цену. Я заранее радовался триумфу Навараны, но все кончилось сплошным позором.

Когда гости собрались, Наварана повела себя согласно всем обычаям и спросила меня, не можем ли мы предложить гостям поесть и нет ли у меня чего-нибудь, чтобы утолить их голод. Я уверял ее, что совсем не подумал об этом и если у меня есть что-нибудь, то это нечто мало съедобное. Затем я медленно и нерешительно вышел. Гости сидели в молчаливом ожидании и следили, не допустим ли мы отклонения от принятой церемонии. Когда я стал втаскивать в чум большой кусок мяса, несколько молодых мужчин тотчас же вскочили помочь мне. Им пришлось нести небольшой кусок, но они стонали, словно поднимали огромную тяжесть, и жаловались, что им трудно, тем самым подчеркивая перед собравшимися значительность моего дара и мое желание угодить гостям. Ассаук находился среди приглашенных, но он знал, как себя вести, и словом не обмолвился, что именно он поймал этого нарвала. Но, к несчастью, с ним была его жена, а та не могла удержаться и намекнула, откуда

взялась такая добыча. Когда она увидела, как все вкусно, то воскликнула:

- Можно гордиться, Пит?, что жалкий кусок нарвала, которого мой незадачливый муж вытащил на сушу, пригодился на этом пиршестве!

Для Навараны все было испорчено. Конечно, среди гостей не было ни одного, кто бы не знал, что я еще ни разу не поймал нарвала, но я нигде не встречал гостей более тактичных, чем полярные эскимосы. Они готовы были ничего не замечать, чтобы не унижить меня, хотя прекрасно знали, что я угощаю их добычей другого мужчины - поступок, достойный наибольшего презрения в их среде. Но Арнарврик не смогла промолчать. Она была слишком горда или просто завидовала молодости Навараны. Бедная Наварана, у нее не осталось и тени воодушевления, когда она приглашала гостей кушать не стесняясь. В довершение всего у нас не оказалось ни кофе, ни чая, чтобы предложить гостям. Все наши запасы пришли к концу, а судна все не было. По мнению Навараны, торжество провалилось.

Когда гости разошлись, я вышел из чума. Был прекрасный вечер. Солнце висело над горизонтом - в это время года оно не заходит и ночью. Воздух был легким и прозрачным, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка - настоящее арктическое лето в его непередаваемой прелести. Я не мог заснуть и решил поохотиться на зайцев или белых куропаток, вернее я сделал вид, что иду на охоту: мне просто хотелось уйти на скалы. Я захватил бинокль и пошел.

Наварана последовала за мной, и вот теперь мы сидели рядом и смотрели на море. Льды, льды, повсюду льды! Судну не пробиться сквозь них; сильный северный ветер нагнал к нам паковый лед. Моржи в этом году рано пришли к острову Саундерса. Когда лед лежит еще прочно, моржи направляются на север от острова Хольма к мысу Йорк через открытый проход, который всегда пересекает залив Мелвилла, - <Морская пасть>, как его называют эскимосы. Моржам легко плыть по этому проходу через широкий залив, но по дороге они не встречают моллюсков. Трудно сказать, в чем дело: то ли для моллюсков здесь слишком глубоко, то ли громадные айсберги, задевая дно, вытесняют моллюсков - излюбленную пищу моржей.

В желудках моржей, которых добывают в нашей части Гренландии, всегда находят тюленья мясо. На протяжении всего пути на север им ничего другого не попадает. Поэтому моржи надолго задерживаются у острова Саундерса полакомиться великолепными моллюсками, которых здесь вдоволь. Поздней весной и в начале лета в этих местах всегда очень много моржей. Ловить их легко, так как в своих повадках они точны, как часовой механизм. Под водой они находятся семь минут, затем выныривают подышать и лежат на поверхности, пока не сделают пять вдохов; потом опять погружаются. Через семь минут они снова на поверхности; не так уж трудно рассчитать, где они покажутся, и подойти на каяке к тому месту.

Иногда бывает, что моржи заплывают в неглубокие воды, и тогда можно изучить их жизнь более подробно.

Наблюдая за ними, я понял, почему в их желудках никогда не находят остатков раковин моллюсков, которыми они питаются. От путешественников и ученых мне приходилось слышать самые нелепые объяснения этого загадочного явления. Многие считают, что моржи раздавливают раковины языком и выплевывают створки. Эта странная теория не выдерживает никакой критики. Я вырезал языки у сотен убитых моржей и убедился, что они не могут отделять тело моллюсков от раковины.

На самом деле раковины отделяются еще до того, как моллюски попадают в глотку моржа. Я узнал об этом, наблюдая за моржами на мелководье у острова Саундерса. Моржи извлекают мягкое тело моллюсков необыкновенно простым, но остроумным способом, описания которого я не встречал ни в одной книге о жизни моржей. Они ныряют на дно и <вспахивают> ил и песок своими длинными бивнями. Об этом можно догадаться по самим бивням, которые всегда сточены внизу с внешней стороны и никогда не стачиваются с внутренней. Затем морж захватывает разрыхленный грунт вместе с моллюсками своими мощными передними лапами, всплывает вверх и начинает растирать ракушки. Передние лапы обладают колоссальной силой, а их <ладони> шершавы, поэтому морж с легкостью раздавливает самые твердые раковины. После этого он, стоя вертикально, разжимает лапы. Песок, камушки и раковины быстро идут ко дну, а мягкое тело моллюска не тонет в соленой воде. Теперь морж может спокойно глотать вкусную добычу.

Мы имели обыкновение располагаться лагерем у острова Саундерса, когда с юга начинался ход моржей. Это прекрасный остров с низким и ровным берегом, над которым поднимаются высокие крутые горы. На вершинах гнездятся полярные чайки. Я рискнул взобраться на скалы пострелять их один-единственный раз в жизни. Эти птицы прилетают первыми ранней весной, задолго до того, как лед начинает трескаться. Я взобрался на гору вместе с друзьями, но внезапно налетел снежный буран, и мне пришлось провести и ночь и день на крошечной вершине скалы, такой маленькой, что нельзя было даже шевельнуть ногой. Тогда я поклялся, что если останусь в живых, то никогда больше сюда не пойду, - это было одно из немногих обещаний, которые мне удалось сдержать. На других птиц охотиться легче. Они селятся ниже и не на вершинах, а на склонах гор. Там были кайры, морские попугаи [4] и другие птицы. Мы били их во множестве и употребляли не только в пищу: они тысячами шли на изготовление одежды. Это было давно, когда в Туле еще не было настоящего магазина и эскимосы не могли купить себе ни шерстяной, ни другой одежды, которую можно стирать и легче чинить. Птичья кожа шла на рубахи, и это велось из поколения в поколение. Старые женщины хорошо выжевывали весь жир из кожи и она становилась мягкой - ведь у старух зубы стертые до десен и они не могут прокусить кожу. Как только с юга прилетали гаги, мы сразу забывали о всех других птицах. Гаги самые вкусные птицы полярного района, их жирное мясо имеет своеобразный острый и терпкий вкус. Это вкус гренландской весны, времени, когда вместе с гагами приходят и моржи. Ничего нет удивительного, что остров Саундерса мы считали весенним раем.

А сейчас мы снова были в Туле и, сидя на вершине скалы, смотрели на остров Саундерса, отделенный от нас льдами.

Сколько раз я взбирался на эту скалу, с которой открывался вид на весь залив, надеясь увидеть корабль. Я был глубоко счастлив тем, что так сложилась моя жизнь. Наварана оказалась изумительной женой, наши соседи были почти идеальны. Я был молод, силен, здоров и жил жизнью, доступной немногим. Я жил на севере и севернее всех, и именно это давало мне полное удовлетворение и тешило мое тщеславие. И все-таки!..

Я постоянно ожидал корабль, ставший для меня символом чего-то иного, еще мною не осознанного. Я почти решился провести оставшуюся часть жизни здесь. Почему бы и нет? Место замечательное, и у меня не было желания, которого я бы не мог здесь удовлетворить. И все-таки!..

Может быть, я был так счастлив в этом далеком уголке Земли, на самом крайнем севере Гренландии, только потому, что жил здесь по собственной воле. Я прекрасно знал, что если захочу, то в любую минуту могу бросить все и уехать, - вероятно, именно поэтому мне и не хотелось уезжать. Наверное, все мы устроены так. Если бы меня сослали в Гренландию и заставили жить в Туле, все обстояло бы совершенно иначе; и даже если бы все было так, как теперь, мне бы казалось, что я живу в аду, - все из-за того, что я не могу отсюда выбраться. Также происходит и с едой. Если бы мы съели весь свой запас европейских продуктов и нам пришлось бы перейти на пищу эскимосов, мы чувствовали бы себя мучениками. Но попробуйте оставить маленький запас - чашку муки, спичечную коробку чаю, четверть килограмма сахара - все совершенно меняется. Ты уже счастлив и делишь с эскимосами их пищу, прекрасно зная, что всегда можешь отведать того, что хочешь. Но когда остается лишь неприкосновенный запас, никогда до него не дотронешься. Так иногда бывает с людьми, которые умирают от голода - после их смерти всегда что-нибудь остается, - они не решаются съесть последнее, а потом уже слишком поздно!

Я не имел ни малейшего желания уехать, но страстно желал увидеть корабль. Приход судна с Большой Земли был когда-то (теперь все иначе) событием, которое трудно описать. Это огромная радость, непонятная другим. Но самым лучшим, хотя это кажется нелепым, был тот момент, когда корабль уходил обратно. Почта получена, и кончились суматошные дни, когда в поселке все вверх ногами. Да, мы всегда испытывали чувство облегчения, когда судно скрывалось за мысом Атолл, - теперь для нас наступали мир и покой на целый год. Гренландия принадлежала только нам, и чужие люди не беспокоили нас вопросами, добрыми советами и выпрашиванием того, что у нас есть.

Однако это чувство исчезало, когда возвращалось лето и появлялись первые полыньи; год прошел, и опять думаешь только о корабле.

Айсберги на горизонте появлялись и пропадали. У них были причудливые очертания и все они напоминали корабль. Я прекрасно знал, что это не корабль, что его и не может быть. И тем не менее!..

Каждый раз, когда я собирался вернуться в чум, показывался еще один причудливый айсберг, издали напоминавший корабль с поднятыми парусами. Бинобль мгновенно у глаз. Нет, не корабль! Ведь я так и знал. Но может я ошибся? И все же это корабль? Нет, не корабль!

Именно в такой день Наварана пришла ко мне на скалу. Я начисто забыл о гостях и о том унижении, которое ей пришлось пережить. Я оставался еще настолько датчанином, что, пригласив гостей и угощая их, не видел разницы между купленным мясом и мясом, которое я сам добыл; но моя милая Наварана воспринимала все совсем иначе. Для нее это был тяжелый удар, и она была явно убеждена, что я удалился сюда, чтобы пережить в одиночестве огорчение и позор - именно так поступали незадачливые охотники.

В Гренландии нет никуда негодных или просто плохих зверобоев. Все мужчины отличные охотники. Многие из них искуснейшие мастера своего дела - <большая рука>, как их называют в Туле. Считается, что тем, кому не удалось прийти с большой добычей, просто не повезло. Охотничье счастье им изменило. Их семьи и друзья сетуют по поводу невезения, но никогда не обвиняют охотника в неумелости. Правда, среди полярных эскимосов имелись исключения - двое или трое <толстокожих>, которым было безразлично, что над ними потешаются. О них сложилось общее мнение, что они ленивы и поэтому неспособны к охоте. Однако жили они ничуть не хуже, чем их друзья и соседи, хотя кормились чужой добычей. Ведь каждый человек, имеющий собак, член рода. И неужели его родные должны страдать оттого, что он плохой добытчик и не в состоянии обеспечить семью? У жен и детей таких людей всегда хватало еды, хотя, конечно, им никогда не доставались лучшие куски. Если плохой охотник хотел угостить гостей сердцем, языком или печенью, ему всегда приходилось угощать чужой добычей, и это унижало его жену.

Наварана прекрасно знала, что я могущественный человек, но как охотник я не оправдал ее надежд. Она одна среди своих сородичей понимала, что писать на клочке бумаги или читать книги - это тоже вполне мужское занятие. Другие этого понять не могли, они признавали только то, что было обычаем их рода с давних времен. Не было женщины милее Навараны, но не было и столь же ревливой к доброму имени и славе своего мужа. Она страдала, потому что мне пришлось смириться с дерзкими словами старой Арнарврик. И теперь, когда мы остались вдвоем и никто из эскимосов не слышал нас, ей хотелось высказать всю свою досаду.

- Ты ведь великий человек, Пит?! - сказала она мне. - Тебе не следовало уходить одному на эту скалу: ты показал всему роду, что чувствуешь стыд и негодование из-за слов какой-то жалкой женщины!

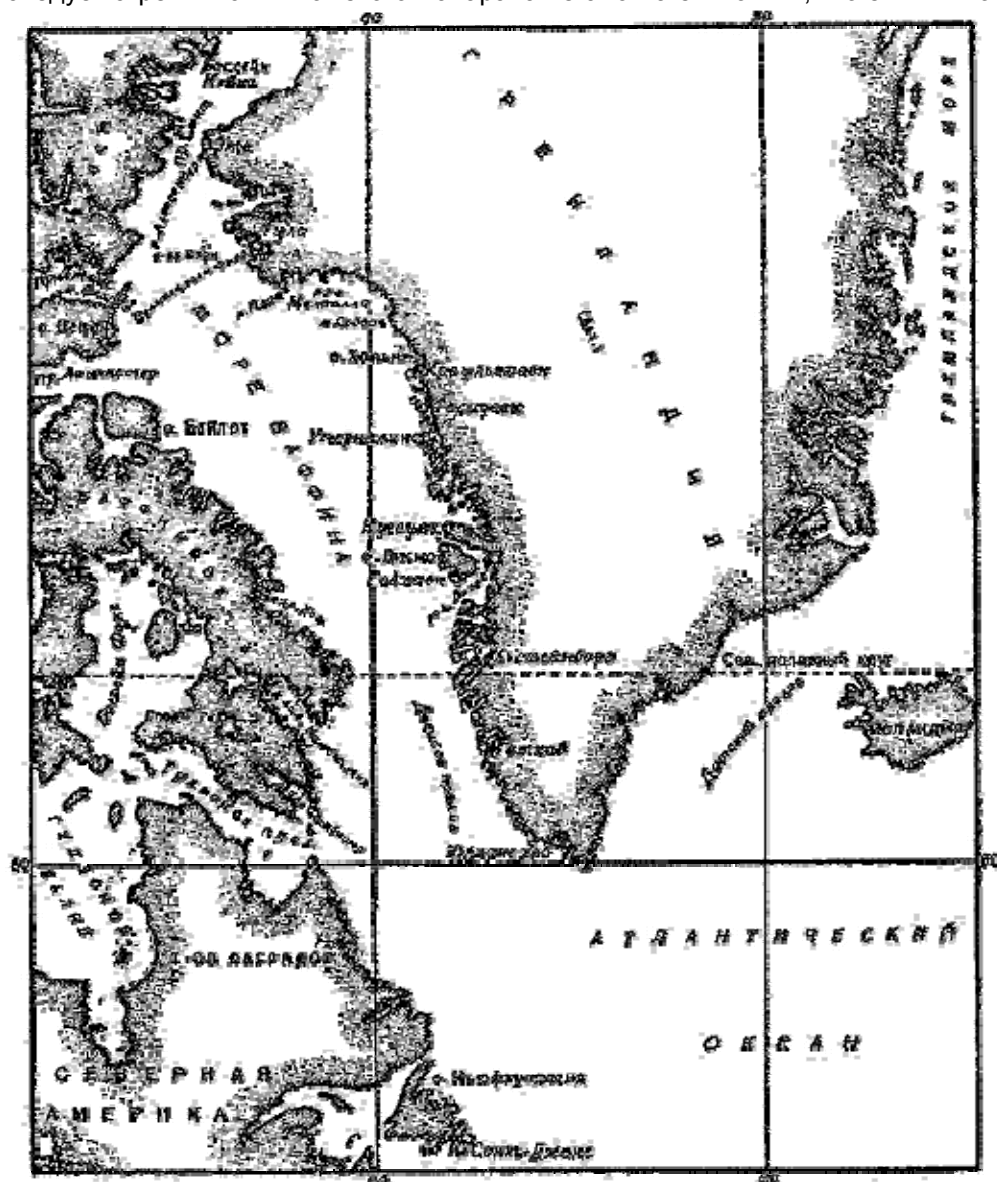
Мы долго молча сидели рядом - двое молодых людей, любящих друг друга.

Ни разные языки, ни разные расы не мешают любви, но невозможно до конца понять человека, получившего совершенно другое воспитание. Наварана была твердо убеждена, что я несчастлив, ибо как охотник я не мог сравниться с другими мужчинами рода. Мне совсем не хотелось огорчать ее еще больше, признавшись, что мне совершенно безразличны злобные слова какой-то старой карги и та ядовитая любезность, с которой она их произнесла. Если бы я сказал все это, то совершенно сбил бы Наварану с толку и разрушил ее представления об устоях жизни. Для нее самое главное заключалось в том, чтобы мужчина, которого она любит, пользовался уважением в роду и заслуживал всеобщее восхищение и почет.

Было невозможно объяснить ей, что я поднялся сюда только затем, чтобы высматривать корабль, и никакой другой цели у меня сейчас нет. Узнав, что мои мысли обращены к моей родине, она бы решила, что я недоволен и жизнью в Туле, и ею самой. И хотя в эту летнюю ночь на вершине скалы мы сидели рядом, подыскивая нужные слова, оба наполненные желанием утешить друг друга, мы на самом деле были бесконечно далеки.

Между нами всегда существовала непроходимая пропасть. Наварана знала себе цену. Несмотря на свою молодость, она была искусна в шитье и непревзойденной мастерицей в выделке шкур и добыче пушнины. Прошлой зимой она сама поймала песцов гораздо больше, чем требовалось на ее одежды. Отчим и дед

Навараны были уважаемыми людьми в роду, их мудрые слова считались почти законом. Я хорошо знал, что здесь основная цель - добывание пищи, и борьба за это никогда не прекращается, но все же полагал, что в мире существуют и другие, может быть, более важные цели, чем попадание гарпуном в нарвала, - цели, к которым и следует стремиться. А вот этого Наварана не смогла бы понять, что бы я ни говорил, что бы я ни делал.

Когда я рассказывал о Дании, где ей очень хотелось побывать, она всегда говорила, что счастлива за меня - ведь мне удалось ускользнуть из этой плоской и мертвой страны, в которой нет ни тюленей, ни моржей и где пищу нельзя добывать, а можно только пойти и купить в магазине. Страна, в которой женщина трудится и зимой и летом в одном и том же доме! Никаких перемен, никаких опасных и трудных путешествий, никаких переселений из зимнего каменного дома в веселый летний чум. Негде проявить свою ловкость, выносливость и мужество! Что может знать муж о своей жене, если у него никогда не было случая посмотреть, как она переносит снежный буран в открытом поле? Или как она шьет ему одежду и таскает его детей на спине?

Наварана при всем желании не представляла, как женщина может жить в Дании. Она могла понять, что пища произрастает на земле, что король думает за всех и поэтому пользуется наибольшим почетом. Но что будет, хотела бы она знать, если сам король не сможет обеспечить пищей все великое множество людей? Что он станет делать - сидеть и думать за всех? Но откуда ему взять опыт и умение, если он никогда не попадал в трудные и опасные положения?

Мы многого не понимали друг в друге, потому что была разница в представлении о жизни, разница в восприятии явлений - разница, которая никогда не сотрется. Но мы забыли об этом в ту ночь на скале, как забывали и в другие времена. Полночное солнце сияло над нами, и все как будто улыбалось двум людям, сидевшим в ожидании корабля.

- Пит?, ты добр к женщине в горести, ты опечален из-за нее, - сказала Наварана робко и смущенно. - Твоя мудрость велика, ты принес новые мысли в голову бедной женщины!

Мы опять помолчали. Я сидел и играл с биноклем, не сводя глаз с жены. Она пристально во что-то всматривалась, как бы пытаясь заглянуть далеко-далеко за ледяные просторы. Она смотрела за остров Саундерса, в направлении лежавших за линией горизонта островов Кэри.

Наварана еще словом не обмолвилась о том, что она обнаружила. Однако вскоре, как бы желая дать отдых глазам, она легла на мох и с удовлетворением вздохнула.

- Как хороша наша страна летом! - пробормотала она счастливо. - Долго-долго стоят такие дни - тихие и теплые, а

солнце светит все время. Одна беда, что в такую погоду люди становятся ленивыми и забывают, зачем им даны глаза, - добавила она и опустила веки, как бы желая представить себе то, что она увидела.

Я почувствовал себя немного задетым и опять поднес бинокль к глазам. Я просмотрел весь горизонт, особенно остров Саундерса и пустынный паковый лед за ним. Но я ничего не обнаружил и снова протянул бинокль Наваране.

- Люди рождаются с глазами, чтобы видеть ими, - повторила она.

Я слегка отупел от бесконечного наблюдения изо дня в день. И, кроме того, я прекрасно знал, что в тот момент, когда корабль покажется, его нельзя не заметить и глупо напрягать зрение, чтобы увидеть то, чего здесь и не может быть. У Навараны глаза, казалось, совсем не уставали, она никогда не смотрела в бинокль. Она родилась с великолепно развитыми органами чувств и умела ими пользоваться. Я не сомневался, что сейчас она что-то увидела, но не хочет приписывать себе честь открытия. Ее муж уже испытал унижение, теперь ему представился случай возвыситься в глазах жителей стойбища и заслужить их восхищение. И она ничего не хотела сказать мне, чтобы не получилось, будто она увидела что-то раньше меня.

Я мог только поражаться ее самообладанию. Взяв бинокль, я стал смотреть; больше всего она желала, чтобы я непременно сам увидел.

- Там ничего нет, Наварана, - сказал я, наконец, со вздохом. - Удивительно, что ты там могла разглядеть?

- Чуть-чуть левее грязной ледяной горы, - прошептала она, - и чуть дальше!

Теперь она была крайне возбуждена. Я снова посмотрел в бинокль. Я предполагал, что там, на льду, может быть стадо моржей или большая стая птиц, но я решительно ничего не мог обнаружить. Я наводил бинокль, прочищал стекла - все напрасно.

Это было слишком для Навараны, больше она уже не могла сдерживаться:

- Люди! Инуит! - закричала она. - Люди с севера идут сюда в гости! Они приближаются. Большие люди! Вероятно, не будет лишним созвать всех и сказать, что можно ждать гостей. Ведь сейчас почти все лежат и спят после сытного обеда!

Уважение ко мне можно вернуть, сообразила моя дорогая Наварана, если окажется, что я один бодрствовал, когда все спали, и заметил людей, идущих с севера к нашему стойбищу. Ведь ясно, что никому и в голову не придет, будто у жалкой женщины глаза лучше, чем у мужчины, и именно она сделала это большое открытие. Но я сам так ничего и не разглядел. Наваране пришлось объяснить мне более подробно:

- Смотри, там, перед Агпатом, ледяная гора чуть запачканная землей. Налево от нее, на льдине, белый снег, который сверкает на солнце. Совсем рядом два маленьких ропака [5], которые торчат, как два пальца. Ты видишь их? А перед ними, чуть правее... что-то движется. И краски там другие. Это не грязный снег, это чернее. Гораздо чернее. И все время движется. Это люди... Чужие люди, которые направляются к нам в гости. Скоро они обогнут Умивик!

В конце концов я их разглядел. То есть не их, конечно, а нечто, напоминающее крошечных муравьев на белом снегу. Однако стало ясно, что там не тюлени и не птицы, так как двигались они совсем иначе. Когда Наварана сказала, что это люди, я не сомневался в ее правоте, но сам я никогда бы их не обнаружил. Она увидела их невооруженным глазом задолго до того, как я разглядел в бинокль. Теперь, когда я, наконец, увидел эти точки, Наварана решила рассмотреть их получше. Она долго изучала людей в бинокль. Потом сказала:

- Весьма возможно, что там идут белые люди!

Тут я чуть не вышел из терпения:

- Да откуда ты это знаешь? - спросил я. - Они слишком далеко, и ты не можешь определить, что это за люди. Дай я посмотрю!

Для меня они по-прежнему оставались только черными точками на льду. Если бы они не двигались, их невозможно было бы заметить.

- Они идут совсем не так, как обычно ходят люди нашей страны, - спокойно ответила Наварана. - Но почему это должна знать твоя жена? Возьми бинокль и взгляни на них. Ты увидишь гораздо лучше, чем какая-то жалкая женщина!

Я не последовал ее совету. Мне вовсе не хотелось показывать свою полную несостоятельность. Но и позднее я так и не узнал, из чего она заключила, что по льду идут белые люди.

Пока мы спускались к чумам, я раздумывал, кто бы это мог быть. Может быть, что-нибудь случилось с нашим судном <Мыс Йорк>? Но я тотчас же отбросил эту мысль. Капитан Петер был одним из лучших в мире ледовых капитанов. Его судно никогда не затирали льды. Может быть, идут эскимосы с севера? Это было весьма вероятно, так как они тоже имели дело с нашим судном. И если уж <Мыс Йорк> застрял где-нибудь во льдах, то Петер мог послать эскимосов, чтобы известить нас и доставить почту.

Как только жители узнали, с какими новостями мы идем, все примчались к склону горы встретить нас. Наварана, естественно, приписала честь открытия мне. Я разволновался и громко кричал, а она сказала совсем спокойно:

- Там видны люди!

Но своим подругам она разъяснила, что ее муж прекрасно пользуется биноклем и лишь благодаря этому удалось обнаружить путешественников; теперь, они подошли так близко, что их можно увидеть невооруженным глазом; они держат курс прямо на Умивик и скоро скроются за выступом. Несомненно, они направляются на остров Саундерса, к месту нашей стоянки, которая расположена у моря, но отсюда не видна. Там они найдут все необходимое: мясо, гагачьи яйца и другие лакомства, например вяленых и протухших птиц.

Некоторое время мы обсуждали эту большую новость, почти такую же интересную, как появление корабля, а с точки зрения эскимосов, может быть, даже более приятную. Они получают известия от северных родичей, узнают об улове и тамошней обстановке. Всем очень хотелось встретить путников.

- Такое ощущение, словно рот соскучился и хочет съесть яйцо, - мимоходом заметил один из молодых. - При виде чужеземцев думаешь о складах, которые они там с радостью обнаружат!

- Агпат плохое место для слишком долгого хранения мяса, - сказал другой. - Часто зимний запас оставляется там

на радость медведям. Очень может быть, что весной там спрятали слишком много мяса (Агпат - эскимосское название острова Саундерса).

- Может быть, чужестранцы не подумали о том, что каяки легко повредить во льдах, - сказал Авиангернак. - Собираясь в дальний поход на каяках, люди частенько забывают принадлежности для починки. И тогда они не смогут покинуть остров, пока к ним не подоспеет помощь.

Всем эскимосам очень хотелось отправиться на остров Саундерса, чтобы встретить путников. Но они знали, что окончательное решение могу принять только я один; и хотя никто из них не высказал прямо своего мнения, все были готовы немедленно ринуться на Агпат. У меня была единственная деревянная лодка [6], которую можно тащить по льду, когда он преграждает путь. Обшивка каяков легко рвется в паковом льду и поэтому они непригодны для такого путешествия. Но если я не захочу тронуться с места и откажусь одолжить эскимосам свою лодку, некоторые из них все равно попытаются пойти на каяках, а это весьма изнурительное и опасное предприятие. Во всяком случае вернутся они лишь через много дней, и если в это время придет судно, нам не хватит людей для разгрузки; с другой стороны, если я сам отправлюсь туда, то может случиться, что <Мыс Йорк> появится в мое отсутствие.

Любознательство во мне победило. Кроме того, я был почти уверен, что если судно войдет в фиорд, мы увидим его с острова Саундерса и я тотчас же могу повернуть обратно. Может быть, мне еще больше, чем эскимосам, хотелось увидеть этих людей: ведь если Наварана права и это белые, то я должен сам позаботиться о них. Поэтому я сказал, что мы вернемся в Туле, возьмем мою лодку и, кроме нее, два каяка, чтобы поохотиться по дороге. Я произнес эти решающие слова с напускным безразличием, на какое только был способен, а эскимосы выслушали меня с подобающим бесстрашием.

- Очень возможно, что найдутся желающие поехать с Пит?, чтобы захватить несколько бивней моржа, которые мы зря там оставили, - сказал один из них.

- Весной там забыли кожаный мешок, когда уезжали с острова, - сказал Увдлуриак, мой тесть. - Было бы неплохо привезти его домой, если представится случай!

Каждый из них делал уклончивые намеки, но прямо никто не предлагал себя в попутчики, потому что, если просьба будет отклонена, это равносильно унижению, и такого человека засмеют. Чем больше эскимосу чего-либо хочется, тем спокойнее и безразличнее старается он выглядеть.

Я не хотел ронять себя в их глазах; я просто сказал, что, по моему мнению, лучше поспать перед возвращением в Туле. Разумеется, я знал, что никто и глаз не сомкнет, но мне хотелось спокойно подготовиться к предстоящему путешествию - переходу через горные вершины, через болота равнины - прямо к нашим домам. Если поторопиться, то можно управиться немногим больше, чем за полдня. И раз уж я высказал желание поспать, то теперь можно не стыдась спокойно собираться - ведь я поступил согласно обычаю эскимосов - не проявил неразумной поспешности и сделал вид, что предстоящая встреча с людьми меня не особенно интересует. Мы отправились в путь все вместе, оставив лишь нескольких старух присматривать за мясом, которое проваливалось на воздухе, и за собаками. Детишки убежали раньше. Я шел так, чтобы не только пожилые женщины, но и старый Меквусак попевали бы за нами. Меквусак, дед моей жены, был мудр и пользовался большим уважением. Его ноги уже начали сдавать, но он не хотел признаться в этом. Ему так же, как и всем остальным, не терпелось узнать, что это за люди и есть ли там кто-нибудь вообще!

- Если окажется, что в Агпате никого нет, будет над чем посмеяться много зим подряд, - сказал Меквусак. Старик хотел заранее оградить свою внучку от насмешек, если выяснится, что мы ошиблись, когда прибежали с нашим потрясающим сообщением.

Глава 2 ВОДЯНОЙ ПЛАМЕНЬ

Хотя нам предстояла нелегкая экспедиция, приготовления были несложны. Женщинам мы не разрешили ехать с нами. Это было чисто мужское предприятие, и у чужестранцев, которых нам предстояло встретить, не должно создаться впечатление, что женщина играет сколько-нибудь важную роль в этой стране. К тому же женщинам было бы нелегко ехать с нами. Весь залив был забит льдами; нам придется не раз вытаскивать лодку из воды и тащить ее по льду до следующего протока.

Мы не взяли с собой никакой провизии. Ведь все были охотниками и не допускали мысли, что не сумеют в дороге раздобыть себе пищу. Мы привыкли подолгу поститься и голода не боялись. К тому же из Туле и брать было нечего: весь наш весенний улов находился на прибрежных складах, расположенных по всему фиорду, - в тех местах, где мы свеживали добычу. Кое-что мы привезли с собой из Угдли, но все оставили женщинам, чтобы у них была еда пока мы отсутствуем. Правда, запасы эти невелики, но умные эскимосы говорят, что чем меньше пищи оставить женщинам, тем с большей радостью они встречают мужей, когда те возвращаются домой.

Отъезжающих было восемь человек; наша лодка оставляла желать много лучшего и вряд ли годилась для такого путешествия. Это был неуклюжий, тяжелый китобойный бот с четырьмя парами весел. Его не так-то просто перетаскивать по льду, но мы рассчитывали, что справимся, так как нас много.

Трое эскимосов взяли свои каяки. Они ушли далеко вперед, высматривая по пути тюленей, кроме того, они были нашими ледовыми лоцманами, отыскивая протоки, по которым мы могли плыть. Но когда проток закрывали льды и нам приходилось выбирать на лед, эскимосы на каяках исчезали из виду.

Петер Фрейхен в 1906 году

Одним из них был Увдлуриак, мой тесть, и я, конечно, не мог сказать ему, чтобы он держался поближе к боту. А уж если я предоставлял ему свободу действий, мне не подобало быть строгим и к двум другим эскимосам - Самику и Торнге. Иными словами, нас оставалось только пятеро, когда требовалось вытащить тяжелую лодку, и из этих пяти один не шел в счет. Меквусак, дед моей жены, обладал бесценными качествами благодаря своему опыту и знанию ледовой обстановки, но когда речь шла о перетаскивании лодки, то пользы от него было мало. Старый эскимос был очень приветливым человеком. Иногда случалось, что кое-кто из юношей эскимосов подсмеивался над ним; старик не мог равняться с ними в силе и быстроте, поэтому они не всегда относились к Меквусу с должным уважением, которое он, в прошлом великий охотник, вполне заслуживал. Но Меквусак не чувствовал себя задетым, их шуточки скатывались с него, как с гуся вода. У него всегда находился иронический ответ, и он обладал ангельским терпением. Если бы он хотел, то мог бы просто напомнить молодым наглецам о своих многочисленных великих и никем не превзойденных подвигах в былые времена. Но Меквусак не привык хвастаться. Сознание того, что потешающиеся над ним молодые люди родились, когда никто уже не может, как он в дни своей молодости, один спасти их отцов от голодной смерти, заставляло старика снисходительно улыбаться или бормотать про себя, что прежде были мудрые слова, но теперь мало кто их помнит, а его уши еще слышат их. К Меквусу относились с большим почтением и все его любили.

У старика остался один глаз, но он все время сидел у руля и этим своим глазом видел больше, чем наши четыре пары глаз, вместе взятые. Мы слепо доверялись ему и знали, что он найдет самый короткий и удобный путь во льдах. Временами он заставлял нас налегать на весла и нам казалось, что мы сбились с пути, иногда он останавливался и совещался с эскимосами на каяках. Часто ему приходилось признавать, что проскользнуть невозможно - надо выбирать на лед и тащить лодку, пока не откроется проток, по которому можно плыть.

* * *

Через несколько часов после выхода из Туле мы убили первого тюленя. Конечно, эскимосы сразу же захотели освежевать его. Если бы я начал возражать, это только испортило бы им настроение. Они считали, что лучше всего съесть тюленя до того как он остынет. Эскимосы уверены, что чем скорее съешь мясо после разделки туши, тем больше получишь силы и энергии. По их мнению, после сытного обеда из вареного мяса тепло никогда не исчезает сразу и можно много часов не ощущать голода, а <желудок не чувствует себя усталым, если его наполнить такой пищей!> Да и вообще-то тюлень совсем маленький, съесть его можно в один присест и, таким образом, меньше придется тащить.

Мы удобно расположились на льдине и вынули посуду. Я привез из Дании несколько медных листов, из которых мы сделали котелки, придав им форму эскимосских настенных ламп. Такие лампы, в которых обычно горит жир, очень ценились; обладателю их не приходится заниматься трудоемкой работой - высекать камень из горы на Паркер Сноу Бей. Кроме того, и путешествовать с такими небьющимися котелками гораздо удобнее. Эскимосские лампы хрупки и легко раскалываются, если их уронить на камни. Во время путешествия лампы для сохранности заворачивают в шкуры и одна из женщин несет их, навьючив себе на спину.

Мои медные сосуды были вечными. Мы захватили с собой два котелка. Для разжигания огня эскимосы взяли сухой мох, а щепки можно наколоть из сланей [7], лежащих на дне лодки. У нас были еще и спички, а тюлений жир лучшее горючее, какое только мы могли добыть. Вскоре весело запылал костер. Черный с копотью дым от такого костра виден в тихую погоду за много миль, и женщины, оставшиеся дома, заметив его, поймут, что мы добыли свежее мясо.

Приятно поесть вареного мяса, которого мы давно уже не пробовали. Все лето - почти с весны - у нас не было ничего, кроме мяса нарвалов, а оно не годится для варки. Оно великолепно на вкус после того, как полежит спрятанным в яме и начнет тухнуть; мясо нарвала такое же вкусное, как <нико>, то есть сушеное мясо, но когда оно свежее, его надо есть либо сырым, либо обжаренным.

Один гарпун наискось воткнули в лед и повесили на него котелок, наполненный свежим мясом. Каждый положил ту часть туши, которую он больше всего любил.

Я всегда предпочитаю ребра - это очень сочная часть; слои жира чередуются с розовым мясом, а когда ешь, жир стекает по пальцам. Некоторые больше всего любят твердые мускулы тюленьих ласт, другие обязательно хотят получить нижнюю челюсть и язык: у каждого свой вкус. Мясо ведь принадлежало всем нам. Когда люди путешествуют вместе, никто не спрашивает, кто убил добычу; каждый сам вырезает себе кусок и кладет его в котел. Мы съели теплую сырую печенку, дожидаясь, пока сварится мясо. У тюленьей печени сладковатый привкус, она особенно хороша, если к ней прибавить кусочек жира. Когда ешь сырую кровавую печень, щеки и борода становятся красными, это похоже на то, как у нас в Дании ребятишки лакомятся земляникой с грядки, и сок бежит у них по лицу. В северной Гренландии печень до некоторой степени заменяет хлеб, эскимосам очень нравится ее сахаристый привкус.

Во время еды мы рассуждали о странном явлении: полярная креветка никогда не ест печени. Нам часто приходилось находить тюленей, съеденных креветками. Они обглаживали все мясо с костей, но в грудной клетке мы всегда находили нетронутую печень [8].

- Разве можно думать, что у такого маленького животного, как креветка, хватит в мозгу места для ума? - сказал старый Меквусак.

- Однажды я опустил мертвую птицу в прорубь, чтобы креветки объели все мясо, - сказал Увдлуриак. - Я хотел показать моим сыновьям, как устроен скелет чайки. Когда мы вытащили ее, все мясо было съедено, остались только обглоданные кости и нетронутая печень!

- На свете много непонятного, скрытого даже от самых мудрых, - сказал умный старик; мы посмеялись над глупыми креветками и с наслаждением отведали тюленьей печени.

Время от времени один из нас отрезал от тюленя тонкую полоску сала и клал ее в огонь. Весь котелок быстро покрылся сажей, и пресная вода, добытая нами из растопленного куска льда, вскоре закипела. Тогда мы положили мясо в воду и, ожидая, пока оно сварится, принялись за кишки, которые ели особым способом. Сперва

надо выдавить содержимое кишок, затем в наружной оболочке прокусить маленькую дыру; просунув в нее ноготь мизинца, надо вытащить жесткую внутреннюю оболочку (ее не прожешь), а наружная очень вкусна.

Наконец мясо готово. Каждый вылавливает свой кусок, если не хочет, чтобы он еще поварился. Мы спокойно рассаживаемся и принимаемся за еду. В тюленьем мясе есть множество лакомых кусочков, о которых непосвященный и не подозревает. Многие эскимосы любят глаза. В глазном яблоке делается небольшое отверстие, из него высасывают прекрасное желе. Хрусталик нельзя прожевать, он слишком жесткий и его не раскусишь, но это чудесная игрушка. Когда он просыхает, то делается непрозрачным и <похожим на облако>. Но если его положить в воду, он сразу становится светлым и прозрачным.

Сытный обед располагал к лени, да и к чему нам торопиться? Чужестранцы уже достигли острова и обосновались там; значит, мы их найдем, когда попадем туда. Но во льдах началось движение, и мы почувствовали, что на нашу льдину стало давить, хотя никакого перемещения самой льдины не было заметно.

Внезапно наша льдина треснула и разделилась на две части. Все произошло настолько неожиданно, что старый Меквусак не успел сдвинуться с места. Мы быстро вскочили и перепрыгнули на ту часть, где осталась лодка. Но Меквусак был слишком медлителен, он вдруг обнаружил, что его левая нога повисла в воздухе; прежде чем он опомнился, его правая нога тоже потеряла опору, и старик упал в ледяную воду.

Он не произнес ни слова, но в его глазах я увидел просьбу о помощи. Я бросился на край разлома и схватил Меквусака, но он уже раза два окунулся. Я вытащил его на лед, и все вдоволь посмеялись над случившимся. Меквусак тоже смеялся, хотя вода текла с него ручьями. Никто не выказывал ему сочувствия - не предлагал переменить одежду и надеть что-нибудь сухое. Ведь все случилось летним днем, когда еще достаточно тепло; значит, за день или два одежда на нем высохнет. О старике, который никого уже не обеспечивал пищей, не особенно заботились. Прежде чем продолжать путешествие, мы решили выпить теплого супа из котелка и пустили его по кругу, чтобы каждый отпивал понемногу. После двух кругов наши щеки и подбородки, окрашенные в красный цвет кровью съеденной печени, стали еще и черными от сажи. Много дней эта <ропись> сохранялась.

Петер Фрейхен в 1907 году

* * *

В конце концов приспело трогаться в путь. Мы хорошо подкрепились тюленьим мясом и с новыми силами принялись грести, но льды опять преградили нам путь. Пришлось втащить тяжелую лодку на лед и приготовиться волочить ее, но тут я вдруг обнаружил, что мы двигаемся назад. Льдина повернулась, и мы теперь направлялись к горе Туле, а не к острову Саундерса. Посмеявшись над своей оплошностью, мы снова столкнули лодку в воду и попали в узкий проход. Попробовали было взяться за весла, но в этот момент льды сомкнулись. Нам пришлось поспешно выскочить на лед. К счастью, удалось вытащить лодку и спасти Меквусака, который не успел выбраться из нее. Вокруг нас начались колоссальные перемещения льда. Мы немного подождали, но внезапно ледяные громады стали надвигаться на нас со всех сторон с таким гулом и треском, что приходилось кричать друг другу на ухо.

В несколько секунд над нами вырос огромный ропак. Он возвышался над нашими головами, и мы не могли ориентироваться. Однако в этот момент нас вовсе не интересовало направление, теперь речь шла только о спасении жизни. Самик, один из эскимосов на каяке, попал на другую льдину; чтобы присоединиться к нам, он взвалил каяк на плечи и с большой осторожностью стал пробираться в нашу сторону. Но вдруг словно невидимая рука схватила каяк и подняла его на льдину вышиной в дом. Самик не мог вовремя заметить опасность: каяк мешал ему смотреть вперед. Эскимос попытался спасти свое суденышко, но едва не поплатился за это жизнью. В этот момент никто не мог прийти ему на помощь: все были заняты лодкой - ведь если бы лед раздавил ее, мы бы погибли все. А через несколько секунд Самик уже лежал распростершись на спине. Тяжелая ледяная масса придавила его ногу и ползла по нему, напоминая пену на гребне катящейся волны.

Мы подбежали к Самику и оттащили его, однако нога у него была сломана, а его каяк бесследно исчез.

Когда мы переносили Самика в лодку, казалось, что льдины под нами перемалываются. К счастью, у Меквусака нашлось достаточно сил, чтобы уступить свое место в лодке Самику, тоже попавшему в беду и находившемуся в еще более тяжелом состоянии, чем он, - ведь два человека в лодке были бы слишком большим грузом. Теперь нам приходилось заботиться не только о лодке, у нас на руках оказался еще и больной со сломанной ногой. Было ясно, что у него перелом большой и малой берцовых костей. В данный момент мы ничем не могли ему помочь: ни до Туле, ни до острова Саундерса добраться мы не в состоянии. Нам нужно думать о спасении собственных жизней и о сохранении лодки.

А ведь всего какой-нибудь час назад мы сидели спокойно и с удовольствием ели вареное тюленье мясо. Солнце сияло на безоблачном небе и не было ни малейшего намека на ветер, но лед пришел в движение, и мы оказались беспомощными перед могучей стихией. Меквусак считал, что мы сильно разгневали ледяных духов - ведь даже потеря каяка и сломанная нога не смогли их умиловить и укротить.

Однако через некоторое время нам удалось заметить определенную систему в этом грандиозном хаосе. Льдины шли открытое море, но их зажало между мысом Атолл и двумя большими островами у выхода из Вулстенхолмского фиорда. Теперь они стали сдвигаться широкими полосами, между которыми оставались только совсем узкие протоки. Но одновременно дрейфовала лишь одна <полоса>. Поэтому через некоторое время движение той части льдов, где находились мы, прекратилось, и мы увидели, что немного приблизились к южному берегу. В то же время вся остальная масса льда двигалась в открытое море, отдельные льдины и ропаки вертелo, как на карусели. Много раз случалось, что перед нами появлялась открытая вода и мы готовились

спустить лодку на воду, но прежде чем успевали что-либо предпринять, проток закрывался и кромку льда крошило с неодолимой силой. Каждый раз, когда наша льдина попадала в проток, мы замечали, что она делается все меньше, края у нее обламывались, и в конце концов мы поняли, что она не сможет выдержать лодку. Если бы с нами не было раненого и лодки, о которых нам надо заботиться, мы, возможно, любовались бы окружающей нас красотой - сверкающим льдом и безудержной силой, заставлявшей льдины разбиваться, как скорлупу орехов, о несокрушимые айсберги; ни один корабль не смог бы устоять перед таким натиском, поэтому мы все время были начеку. Мы поместили Самика под банками, а сверху положили два каяка и ухватились за борта лодки, чтобы удерживать ее в правильном положении. Вдруг нажим льдов ослабел, и пространство открытой воды вокруг нас становилось все шире и шире; мы очень устали и измотались, но все-таки нам удалось выйти победителями. Меквусак работал наравне с нами, а его спокойное отношение ко всем превратностям судьбы хорошо влияло на окружающих. Он уверял, что нам необычайно повезло; мы хорошо поели и в этом причина, сказал он, что у нас достало сил перенести случившееся. И мы сумеем долго продержаться, он это ясно видит, так как у нас хватит сил на все, что еще нам предстоит. Такая перспектива не очень-то радовала, но старику я поражаюсь - ведь он был в три раза старше меня [9] и промок до костей после своего вынужденного купания, хотя об этом обстоятельстве и он и другие как будто бы уже забыли.

Не знаю, сколько длилась наша борьба со льдами; когда солнце светит день и ночь, теряешь счет времени. Мы продолжали двигаться машинально, не представляя себе, что можно передохнуть. На пути к намеченной цели мы привыкли не жалеть сил независимо от времени, усталости, погоды и голода. Конечно, Самика со сломанной ногой приходилось тяжелее всех. Когда лодку кидало из стороны в сторону, его все время подбрасывало, и мы ничем не могли ему помочь, а он ни разу ни одним словом не пожаловался.

Когда наступил небольшой перерыв в натиске льдов, мы заметили, что поднялся слабый ветер и на небе появились первые облака. Нарастал зюйд-вест - этот ветер преобладает в Западной Гренландии. Д?ма, в Туле, мы всегда заранее знали о перемене погоды, наблюдая за двумя круглыми вершинами, которые назывались Пинго. Каждое утро мы смотрели на вершины, чтобы узнать, что принесет нам день. Если вокруг вершин собиравлись облака, это означало, что поднимается зюйд-вест. Льды вынесли нас из горловины залива, а ветер погнал на север.

Зюйд-вест оказался нашим надежным союзником и уже вскоре должен был привести нас к цели путешествия - острову Саундерса. Выбравшись, наконец, из гущи льдов, мы обнаружили, что находимся около Игеннака (скалы Далрюмпле), где обычно каждую весну собираем яйца. Я тоже имел большие склады яиц на этом острове. Мои запасы намного превосходили запасы эскимосов, отчасти потому, что я люблю яйца, отчасти потому, что я не считаю ниже своего достоинства самому собирать их.

Эскимосы никогда не станут бегать взад и вперед и нагибаться в поисках яиц - это дело женщин и детей. Поэтому каждую весну я терял их уважение, но затем количество собранных яиц возвращало мне его. Отправляясь зимой за яйцами, я привозил их несколько мешков, и всегда находились уважающие себя охотники, желавшие полакомиться; эскимосы любили приходить ко мне в гости, брать яйцо в ладонь, чтобы скорлупа оттаивала и можно было бы очистить его, а потом откусывать от него по кусочку, как от яблока.

Добираясь до открытой воды, все успели насквозь промокнуть. Еще когда удерживали лодку на льдине, вцепившись в ее борта, мы бесконечное количество раз оступались и порой по грудь оказывались в воде. Все устали, настроение заметно испортилось, но тут одному из эскимосов пришла в голову блестящая мысль - его желудок порадовался бы сейчас яйцу. Остальные с восторгом поддержали предложение, а Меквусак объяснил, что страдания бедного Самика значительно уменьшатся, если он почувствует вкус яйца во рту. Я понимал, что речь идет о яйцах из моих запасов, и знал, что возражать бесполезно. Съедят по меньшей мере две сотни, но если я начну возражать, то это будет означать, что у меня их мало и что моя жадность и любовь к этой пище сильнее чувства товарищества. Много дней по моему адресу будут отпускать иронические замечания; этот случай запомнят и станут обсуждать в племени. Такое проявление дурного нрава быстро не забывается, особенно при однообразии жизни эскимосов. Другими словами, я ничего не мог предпринять, чтобы помешать своим друзьям грабить мои запасы; мне оставалось только вместе со всеми восхищаться блестящим предложением. Я так и сделал.

Я знал каждый камень и каждый тайник на острове. Но эскимосы также знали эти места не хуже, поэтому им не стоило труда разыскать мои запасы яиц, а я остался в лодке и осмотрел ногу Самика. С помощью Меквусака я соединил кости как сумел. Нogu мы забинтовали влажной кожей: как только она просохнет, то затвердеет и может заменить гипсовую повязку. Потом мы обмотали ногу веревкой, чтобы кости находились в неподвижном состоянии. Пока мы занимались больным, наши друзья побывали на острове, добрались до моих складов, забрали массу яиц и жадно их поедали - яйца еще не замерзли. Они взяли столько, что в Туле этого вполне хватило бы на несколько зимних недель.

После еды мы почувствовали себя отдохнувшими, однако не торопились, так как у нас не хватало воли снова сражаться со льдами. Да и незачем было спешить. Чужестранцы, к которым мы направляемся, вынуждены сидеть на острове Саундерса, и мы рано или поздно разыщем их. Я все еще продолжал раздумывать над утверждением Навараны, что это белые; я высказал свои соображения Меквусаку и спросил, правда ли, что можно на таком большом расстоянии заметить разницу между эскимосами и белыми. Прежде чем Меквусак ответил, вмешался Самик:

- Чужестранцев никто не видел, Пит?. Говорят, только ты и твоя жена действительно их заметили. Будем надеяться, что это наши родичи с севера идут к нам в гости. В Туле гораздо спокойнее без белых. Летом приходит корабль с желанным товаром - это хорошо. И он снова уходит. Да и люди на борту - твои друзья. А эти могут оказаться совсем другими - белые, идущие через льды, могут быть враждебно настроены. Самик был спокойным немногословным человеком; тем более меня поразили его суровые слова. Как правило, эскимосы очень тактичны и в моем присутствии они не критиковали других белых. Правда, передо мной в тяжелом положении лежал бедняга Самик, которого боли довели до крайности. Я ответил, что он знает меня,

Пири [10], доктора Кука [11] и других белых, живших в их части Гренландии, - все они были друзьями эскимосов. И разве я живу не так, как они, разве я не женат на женщине их племени? Ведь белые принесли им ножи, инструменты, спички, ружья и многое другое - все это облегчило их существование.

- Пит?, ты один из нас, - повторил Самик, - мы много лет знаем тебя как своего земляка. Пит? научился вести себя как люди, и поэтому он говорит на языке людей. Другие белые приходят как друзья, и люди встречают их как друзей, но все же белые устроены не так, как мы. Иногда их обуревают странная жадность к ненужным вещам. У них мысли, непонятные людям; часто они проявляют мало достоинства в своем поведении и мало разума в своих действиях. Я попытался возражать Самику, но Меквусак перебил меня:

- Пит? не имеет понятия о том, что произошло в твоём стойбище, Самик. Это случилось задолго до того, как Пит? пришел в нашу страну; возможно, ему никогда не рассказывали о постыдных делах белых, свидетелями которых был ты и твои земляки. Пожалуй, не лишне рассказать ему о событиях, известных нам задолго до того, как наши сани впервые встретились много зим тому назад...

- Да, тот случай, когда мы встретились с Самиком, еще свеж в памяти, - сказал Меквусак многозначительно. Казалось, что то время встает у него перед глазами и он видит своих спутников, едущих домой в отдаленные полярные районы после долгих лет жизни где-то на стороне. - Это случилось тогда, когда надо было сообщить новости о водяном пламени. Мы с радостью рассказали бы о наших переживаниях, но ведь раньше мы не имели для этого повода. Много удивительного произошло, и гнев поселился в нас, что случается очень редко: ведь люди здесь умнее белых, которые часто собираются большими толпами и стреляют друг в друга, как будто они зайцы или северные олени. Мы считаем такое поведение недостойным человека; лучше бы они помогали друг другу в добывании пищи и жили в радости. Но жадность белых к водяному пламени вынудила нас к борьбе, словно мы не принадлежали к племени, живущему в этой стране. Может быть, Пит? послушает историю водяного пламени, которое принесло столько горя людям.

Петер Фрейхен на судне, идущем в Данию. 1907 год

РАССКАЗ САМИКА

Все началось с радостной неожиданности. Миук, пожилая женщина, поднялась в горы, чтобы осмотреть расставленные заячьи силки. Ей нужны были новые шкурки для чулок. Когда она поднялась довольно высоко и находилась уже близко к цели, то присела отдохнуть, как это часто делают старые женщины. Миук посмотрела в сторону моря, не ожидая увидеть там что-либо необычное, и вдруг обнаружила корабль. Старуха забыла про свои чулки, которые нуждались в новых заплатах, и бросилась бежать, громко крича, что увидела в море корабль. Миук была стара и ей редко удавалось привлечь чье-либо внимание - вот почему она выкрикивала новость на бегу, вместо того, чтобы сойдя вниз, изложить все спокойно и скромно.

- Ай, ай, великие ловцы лежат и спят в чумах, а старой женщине приходится взбираться на гору и вместо мужчин наблюдать, как корабль направляется к стойбищу! - Миук сильно восхваляла себя, но она была стара, да и все так заинтересовались ее сообщением, что никто ее не пожурил за нескромность, которую она проявила. Только Торнге, ее муж, вышедший из чума, вынужден был сказать, чтобы она помолчала, как полагается женщине, если, конечно, ее спина не соскучилась по колотушкам. Миук произнесла свои гордые слова и притихла. И хотя в ее глазах светилась торжество по поводу удачи, Миук все же ничего больше не сказала. Однако всех нас настолько занимала ее новость, что мужчины оказались в затруднении, ибо никто не знал, как оставить без внимания слова, нахально произнесенные старой женщиной.

Тут старик Эр? тихо произнес, что давно уже собирался пойти в горы. Но его так взволновала новость, что он ничем не объяснил свое решение, да и в путь он двинулся не очень-то степенно, не с подобающим безразличием. Он очень быстро ушел и скоро возвратился.

- Корабль! Большой корабль подходит сюда! - воскликнул он.

Теперь дело выглядело так, словно он сам обнаружил приближающееся судно, и поэтому все селение стало обсуждать услышанную новость. Было бы не совсем правильно верить тому, что наболтала старая карга, и раньше никто не хотел обращать внимания на ее слова. Правда, все уже перенесли на берег свои каяки и теперь, когда старик Эр? сообщил о приближении судна, поспешили ему навстречу; сейчас все могли увидеть судно. Мы объясняли друг другу, что корабль, наверное, был скрыт за айсбергом, что вполне могло соответствовать действительности, и появился только теперь. Таким образом, старуху Миук удалось поставить на то место, какое отведено женщине, и никому в голову не пришло приписать ей заслугу обнаружения корабля.

Судно оказалось гораздо меньших размеров, чем мы предполагали; весной нередко приходили более крупные суда, которые преследовали китов далеко в море; они давали жилье многим белым. На этом судне находилось всего несколько белых и не было таких огромных запасов, как на крупных китобойцах. Вначале мы подумали, что судно прибыло из плохонькой страны, где нет достаточного количества леса, чтобы построить настоящий большой корабль. Но несмотря на это, все очень радовались гостям, ибо до сих пор никогда не случалось, чтобы чужестранцы посещали эту часть страны, да и вообще корабли никогда не появлялись перед началом осенних

заморозков.

Люди обрадовались еще больше, когда поняли, что судно останется здесь на всю зиму. Ведь этим белые показали, что обладают здравым смыслом, и мы постарались им объяснить, что они поступают разумно, избрав в качестве стоянки хорошее место для лова. Здесь легче добраться до моржей, а нарвалы сами заходят в фиорд; в горах немало песцов, и чистик [12] гнездится в скалах прямо над нашими чумами. Именно потому, что это такое удачное место для охоты, объяснили мы чужестранцам, наши предки называли его Пилик, что и означает <место, где много разнообразной дичи>.

Наше ликование по поводу прибытия гостей несколько уменьшилось, когда мы увидели, что чужестранцы не слишком охотно раздают подарки. Они намеревались сохранить для себя свой инструмент и прочие ценные вещи. Но всем людям вскоре стало ясно, что и это является признаком здравого смысла. Подарок, который трудно добыть, более дорог, чем достающийся без всякого труда.

Чуждые имена носили прибывшие, да и нрав у них был необычный. Они привезли с собой связки очень тонкой кожи, на которой имелось множество красивых знаков, как видно предназначенных для того, чтобы сообщить тому, кто пользуется кожей, различные мысли. Эти кожи были выделаны таким образом, что вместо несуразной речи чужестранцев, при помощи которой они бесстыдно обращались друг к другу, из знаков складывались слова на человеческом языке. Заглядывая в эти связки кожи, они могли так высказаться, что их мысли и желания становились понятны нам. Но несмотря на проявлявшийся таким образом разум, они все же выражались без должной скромности и не стесняясь сами называли свое имя. Мы немного жалели их - ведь они не научились у своих родителей приличному обращению, но все же мы не могли удержаться от смеха, когда каждый подходил, тыкал пальцем себе в грудь и говорил: <Я - Гогол!> или <Я - Семеде!>. Правда, мы вскоре поняли, что они хотели сообщить нам свои имена, что они стремились стать нашими друзьями, и мы, примирившись с их несуразным поведением, перестали над ними смеяться.

Тот, которого звали Семеде, оказался единственным, кто умел говорить по-людски. Однако его рот был устроен необычно, а возможно, у него был когда-то ранен язык, и поэтому он не владел им как полагается. Семеде произносил слова каким-то странным образом, звуки у него выходили необычные, но все же через некоторое время все стали понимать, какой смысл он вкладывал в свои слова. Большею часть дня Семеде проводил с двумя старейшими женщинами: Ивалу и Сайгак.

Когда все устроились в зимних жилищах, Семеде просил этих старух приходить к нему каждый день. Он сообщил, что желал бы слушать их речь и заставлял рассказывать истории давних лет. В те времена мужчины были более рослыми и сильными, чем теперь, и совершали удивительные подвиги, как об этом повествовали наши предки. Семеде просил подробно рассказывать ему о тех событиях. Делая небольшие пометки на своих кожах, он умел запоминать все слова, хотя их произносили всего лишь старые женщины.

Вначале многие смеялись над его странным желанием поддерживать знакомство со старыми беззубыми женщинами, но выяснилось, что он охотно дает подарки. Взамен своих слов старухи получали небольшие вещицы, а порой даже и табак. Случалось, что Семеде угощал Ивалу и Сайгак чаем и печеньем, и он никогда не замечал, как старые женщины прятали за голенище своих высоких камиков сахар и куски печенья, чтобы угостить внуков.

Постепенно все перестали насмехаться над Семеде. Ему удивлялись не больше, чем другим обитателям корабля. Дело в том, что они все не отличались рассудительностью и ни один из них не заботился о своей чести. Только трое, которые жили впереди на корабле, были сильными и хорошими ловцами. Они обладали отличными ружьями и деревянной лодкой, на которой охотились за моржами. Мы выходили с ними на лов, и они убивали столько моржей, что даже давали нам. И в тот год у нас оказалось зимних запасов больше, чем обычно.

Трое белых зверобоев были любезными людьми и с ними было приятно общаться. Они не могли говорить по-нашему, но их скромность и хорошее поведение были такими, как полагается в нашей стране. Они считали общество женщин вполне для себя подходящим, даже в тех случаях, когда рядом оказывались мужчины. А возвращаясь с лова, мы часто заставляли их спать у наших жен. Можно было догадаться, что они считали себя слишком незначительными, чтобы находиться в обществе таких мужчин, как мы, и поэтому давали нам понять, что довольны обхождением женщин в те часы, когда у них не было обязательной работы на корабле.

Мы с радостью оставляли жен на их попечении, и чувствовалось, что тяга этих мужчин к женщинам объяснялась их неспособностью беседовать с благоразумными людьми, которые могли бы многое порассказать о лове зверя и о подвигах предков. Мужчины всегда были благодарны, когда женщины их посещали, они давали им чай, который до этого заваривался всего лишь один раз; зачастую жены приносили домой печенье и сахар, и постепенно мы научились жить, как белые, не стесняющиеся есть пищу, которую они сами не добывали.

Другие белые вели себя совсем иначе. Порой казалось, что они слабосильны, и было удивительно, каким образом они приобрели свое богатство. Возможно, что, несмотря на свою молодость, прежде они были великими ловцами. Во всяком случае сейчас они на охоту не ходили, и некоторые жители селения предполагали, что эти белые в свое время так перенапряглись, что бессонница лишила их понимания цели жизни. Иначе невозможно истолковать их поведение.

Один из них полагал, что мужчина может тратить свое время на собирание цветов и трав, не рискуя при этом потерять уважение к себе. Он собирал все растения, находившиеся поблизости, и в своем доме на корабле усаживался и разглядывал эти никчемные предметы через стекло такого же свойства, какое применяется в бинокле, чтобы видеть далеко. И вместе с тем его друзья не находили этого человека смешным. Да и смеяться им было бы грешно, так как их поведение тоже не отличалось благоразумием.

Другой белый всегда прибегал на берег, как только привозили добычу. Но вовсе не потому, что желал получить часть улова, - ему достаточно было смотреть на добычу. Маярк высказал мнение, что этот белый - колдун, и, возможно, его поведение оскорбительно для души тюленя, и тюлени могут уйти от берегов Пилика. Кавдлунак [13] не понимал, что люди убивают тюленей для еды. Он даже не соглашался попробовать сырую печень, хотя мы разъяснили ему, что она придает человеку силу и ловкость. Этот странный белый вспарывал только желудки

тюленей, чтобы установить, что они ели перед тем, как их поймали. Он, кроме того, выдавливал содержимое кишок и наполнял этим вонючим веществом прозрачные, как лед, сосуды. Причем таким образом он поступал не только с тюленями и моржами. Так же он обходился с чистиком, зайцами и многими другими животными и птицами.

И поскольку ему, как видно, такое сумасбродство не надоедало, охотники решили больше не сообщать ему, когда привозят добычу. Ее разделявали подальше от селения. Мы боялись оскорбить души животных не известным до сих пор обращением с ними, которое заставило бы их уйти от наших берегов. К счастью, этот белый человек оказался не очень умным, и ему не всегда удавалось обнаружить, когда возвращаются с уловом, а вскоре мы научились совсем обходить его.

Единственный из белых, который как будто бы умел что-то делать и проявлял кое-какие признаки разума, был тот, которого звали Доктор. Иногда он мог померяться силами со злыми духами. Когда кто-либо из селения заболел, Доктору часто удавалось прогнать болезнь. Если у кого-то появлялась рана, он обматывал больное место длинными белыми кусками кожи, которые останавливали кровь. А сломанную ногу он мог срастить так, что потом нельзя было и заметить, что ее когда-то повредили. Обычно после того, как сломанные ноги или руки заживают, они делаются короче. Это и понятно. Кости срастаются так, что они всю жизнь напоминают о происшедшем. Но когда Доктор составлял сломанную руку или ногу, то не оставалось никаких следов.

Однажды случилось так, что мне в ляжку попала пуля. У Доктора имелись такие приспособления, при помощи которых он мог вытащить пулю и заставить рану зажить так, как будто на том месте никогда и не было никакого отверстия. Он обманул смерть, и после этого ему следовало бы отвечать за меня - кормить и снабжать всем необходимым, раз уж он сделал так, что моя жизнь началась снова. Но сейчас он мертв, как и остальные белые, посетившие наше стойбище. Их имена вообще не стоило бы упоминать.

Тот, который жил в середине корабля, думал за всех. Он был самый странный. Его звали Гогол, и его слова и дела можно только презирать. Мы очень удивились, когда обнаружили, что все остальные белые находятся под его началом и должны слушать его слова. Стоило ему показать рукой в каком-либо направлении, как все быстро шли, куда он хотел... А весь порядок на корабле был не таким, каким его можно представить. С тем человеком, который заслуживал наибольшего уважения, обходились, как с самым незначительным среди белых. Его звали Кок, и он снабжал их едой. Он был очень жирный, и поэтому мы предполагали, что это добродушный человек. Однако он и не ведал, как радостно делиться тем, что ешь сам. И все, что белые не съедали, он прятал на потом; он очень редко угощал людей из своих огромных запасов.

Семеде, тот человек, который умел говорить, сказал нам, будто бы Кок опасается, что им не хватит еды на всю зиму. Мы только посмеялись над таким оскорблением Пилика, ибо никогда на памяти людей здесь не было недостатка в мясе. Семеде ответил, что белым людям необходимо не одно только мясо, чтобы они чувствовали себя хорошо, но никто так и не понял, что под этим подразумевалось.

Несмотря на то что Кок имел такую уйму еды, он все же слушался Гогола. У Кока был доступ к любому уголку корабля и ко всем богатствам, а поэтому он никогда не уходил оттуда; но если Гогол приказывал принести еду в лодки, которыми они пользовались летом, Коку приходилось подчиняться. Когда все покрылось льдом и белые начали пользоваться санями вместо лодок, Кок приносил большие деревянные ящики с едой к саням.

Кавдлунаки - как мы называем белых - не умели обращаться с собачьей упряжкой. Они никак не могли заставить собак слушаться бича. Даже наши дети стали смеяться над взрослыми, которые вовсе не умели обращаться с тонким бичом и били себя вместо собак. Позже Гогол решил, что лучше взять наших людей погонщиками, чем выставлять себя на посмешище.

Гогол был самым сумасбродным из кавдлунаков. Больше всего он любил собирать камни и откалывать куски от скал, что он делал при помощи железного молотка. Куски камней он складывал в кожаные мешочки, шитье которых отняло у его женщин, оставшихся дома, много времени. Своими камнями он нагружал одну собачью упряжку за другой. А когда он привозил эти никчемные камни к кораблю, то складывал их в прекрасные деревянные ящики, в которых раньше хранилась пища. Мы не раз обсуждали в своем стойбище такое постыдное использование красивых деревянных ящиков. Можно еще понять, что в добротных ящиках хранится еда, но мы опасались, что духи разгневаются, увидя, как прекрасное дерево белые используют для хранения ненужных камней и осколков скал. Поэтому мы решили поговорить с Гоголом.

С помощью Семеде мы постарались объяснить этому неразумному человеку, что если уж ему охота иметь камни, то мы с радостью поможем заполнить ими весь корабль, причем сумеем сделать это быстро, поскольку камней кругом достаточно. Он мог бы забрать с собой всю гору, если только она поместится в его корабле; но мы ему объяснили, что понемногу начинаем уставать от дальних перевозок камней и осколков скал и нам надоело наблюдать, как их складывают в замечательные деревянные ящики. Мы не могли спокойно смотреть на такое надругательство над деревом. Гогол отдал нам уже все ножи и топоры, так что стойбище больше не нуждалось в них, и теперь мы намеревались прекратить бесцельные перевозки на санях. К тому же нам хотелось поехать в другие стойбища и рассказать о странных кавдлунаках, которые зимуют у нас.

Семеде пересказал наши слова на их языке, но, по-видимому, сделал это неудачно. Во всяком случае наши слова не помогли. Семеде заметил, что Гогол намерен собрать как можно больше камней, чтобы узнать, каким образом выросли наши горы. Нам казалось недостойным смеяться над глупостью этого человека, и Эр? сказал ему, что у самого стойбища имеется сколько угодно белых и черных камней. Мы могли бы с легкостью найти и красные камни, а возможно ему будет приятно увидеть небольшие мягкие камни, которые находят у глетчера. Гогол через Семеде разъяснил нам, что цвет камней не имеет для него никакого значения, но, по его мнению, важно то, что некоторые из камней тверже других. Тогда мы ему сообщили, что можем принести такие мягкие камни, которые можно обрабатывать ножом и вырезать из них куклы для детей. Это было сказано для того, чтобы посмеяться над ним и сравнить его с ребенком. Но этого Гогол не понял. Он подтвердил, что намерен продолжать собирание камней, но хотел бы также посмотреть на те мягкие камни, о которых мы ему говорили. Мы посоветовались между собой и порешили, что если его удастся порадовать некоторыми нашими камнями, то

это, возможно, спасет для нас часть ящиков, - ведь мы очень нуждались в дереве.

* * *

Не успели мы прилечь, как в мой чум неожиданно явился Гогол. Семеде, как всегда, сопровождал его, чтобы объяснять, что он говорит. Моя ничтожная жена, которая была обучена хорошим манерам и поступала соответственно случаю, хотя могла рассчитывать лишь на свой женский ум, сделала вид, что вообще не замечает пришедших. Как и полагается, она осталась сидеть у светильника. Наша маленькая дочь Аируна спала рядом. Вскоре начали входить соседи, и постепенно чум наполнили мужчины. Тогда я решил, что наступило время угостить пришедших. И поскольку у нас имелся кусок нарвала с маттаком, то я полагал, что это хорошее угощение.

- Я чувствую сильный голод, - сказал я гостям, - но к несчастью, в моем скромном доме нет ничего достойного таких тонких ценителей, которые сегодня пришли ко мне. Однако случается, что голод бывает сильнее стыда; поэтому я на время забуду о своей бедности и принесу какую-нибудь невкусную еду - единственное, что мой дом может предложить!

После этого я вышел и принес вкуснейший кусок мяса нарвала.

Мужчинам бросили конец толстого кожаного ремня, чтобы они могли втащить мясо. Они стонали от усилий, чтобы внудить белым уважение к тяжелому куску мяса. Когда мясо втащили, я принял своим новым топором разрубать его на куски, удобные для еды. Три раза я извинился перед Гоголом за то, что мне приходится позорить топор, подаренный мне, прикосновением к жалким кускам мяса. Этим я хотел показать кавдлунакам, что моя скромность соответствует великолепному вкусу мяса! Но они, как видно, не обращали внимания на мою речь; Семеде и не думал переводить мои слова Гоголу. И это очень огорчило всех нас.

Я подал каждому из них по замечательному куску мяса с жиром, который сверкал в отблесках лампы, тем не менее никто не высказал особого удовольствия. Они едва притронулись к пище; все в доме им сочувствовали, ведь у них отсутствовал и аппетит и умение вести себя. Их собственная нища притупила ощущение вкуса во рту и возбудила у их языков непонятные желания. Поэтому нам пришлось немного посмеяться над ними, но скоро мы забыли об этом, целиком отдавшись еде.

Когда мы наполнили желудки до отказа, моя маленькая жена одела камики, собираясь уходить. Большое количество пищи развязало мне язык и, кроме того, у меня появилось желание прихвастнуть, поэтому я сказал Семеде, что он может еще раз напомнить Гоголу о том, как трое кавдлунаков, опытных охотников, выразили желание развлечься с моей женой. Ее красота и хорошая фигура побудили их искать ее общества. Они пригласили ее прийти, когда луна взойдет над горами. Закончив свои дневные обязанности, кавдлунаки хотели теперь повеселиться и пожелали, чтобы моя жена помогла им создать хорошее настроение.

Я сообщил об этом Семеде, чтобы развлечь Гогола и заставить его ради любовных утех отказаться от безумных занятий камнями. Но случилось нечто, помешавшее Семеде пересказать Гоголу мои слова, - происшествие это имело значение для всех. Когда моей жене пришло время уходить, наша маленькая дочка Аируна проснулась. Она хватилась матери и, как все дети, стала плакать. Мать слышала плач ребенка, но не могла из-за этого отказаться от намерения идти к белым. Ведь она дала обещание кавдлунакам, которые, возможно, стали бы менее дружелюбны, если бы она не выполнила его. В доме находилось слишком много мужчин, поэтому моя жена постеснялась обратиться ко мне с просьбой взять ребенка на руки и успокоить его. Она боялась, что мужчины поднимут ее на смех, и не обращала внимания на плач ребенка, а девочка продолжала реветь.

Как только жена ушла, мне нужно было найти что-то, чем успокоить дочку и развеселить ее. Под нарами моя жена прятала мешок с принадлежностями для шитья - иглой и жилами; я его отыскал, потому что там лежали и игрушки ребенка. Я дал Аируне несколько кукол, которые когда-то вырезал из мягкого блестящего камня; мы находили его на леднике у самого залива.

Очень скоро Аируна забыла свою мать и свое огорчение. Она весело играла с двумя куклами, которые я ей дал, а когда ее плач прекратился, на нее перестали обращать внимание. Но это продолжалось недолго. Гогол обычно не умел вести себя. Он не знал, как сохранять чувство собственного достоинства среди мужчин. Теперь он поставил себя в смешное положение, отвернувшись от всех и уставившись на ребенка.

Маленькая Аируна заметила, что мужчина стоит и смотрит на нее. Она смутилась, перестала играть и уронила одну из кукол. Игрушка свалилась с нар, упала на пол и покатилась к Гоголу. Он вскочил и, не поленившись наклониться, поднял игрушку. Сначала казалось, что он хочет помочь девочке достать куклу. Но выяснилось, что причина иная. Он не отдал девочке куклу, а смотрел на нее прищуренными глазами, будто сердился. Потом он

Петер Фрейхен с женой-эскимоской Навараной

Петер Фрейхен и Кнуд Расмуссен в 1913 году

вынул из кармана нож, такой нож, который может складываться, и начал скоблить куклу. Все в доме не спускали с него глаз, словно предчувствуя, что в конце концов разум покинет его навсегда. Гогол, позабыв о том, что он гость в доме, вынул маленький кружок, какое-то стекло, вставленное в железную оправу, и через него разглядывал куклу. Маленькой девочке захотелось снова поиграть куклой и она начала хныкать, чтобы ей вернули игрушку. Но Гогол даже не взглянул на Аируну. Казалось, что злые духи сошли на него и заставили его забыть обо всем. Он застыл с открытым ртом, дыхание его стало тяжелым и прерывистым, как у колдуна во время заклинания, и, хотя он ел мало и не делал тяжелой работы, на лбу у него выступили крупные капли пота. Семеде согласился с нами, что его спутник ведет себя неподобающе. Он подошел к Гоголу, чтобы получше рассмотреть куклу, но странный человек попытался спрятать игрушку. Мы все думали, что произойдет ссора. Но Семеде оказался быстрее Гогола. Он выхватил роковую игрушку из рук своего хозяина и стал ее внимательно рассматривать. И тут случилось, что и Семеде стал другим: смотрел куда-то вдаль, поверх наших голов, и в глазах у него появилось такое выражение, как будто он грезит.

И вот мы в первый раз услышали слово, которое потом получило зловещую известность у нас в стойбище. Белые шептались друг другу, как магическое заклинание, которое не должны слышать другие.

- Золото! - вот это слово, которое они произносили тихим голосом. Лица их покраснели, будто это слово произносить стыдно, лбы покрылись испариной. - Золото! Золото!

Их несомненное помешательство было вызвано пустышной маленькой куклой. Сначала создалось впечатление, что эти двое владеют волшебными чарами и таинственной силой, которая может оживить куклу, а это могло бы превратиться в опасное оружие против эскимосов. Но скоро стало ясно, что не они, а кукла имеет огромную силу. Белые были бессильны перед этим кусочком камня, словно он обладал чудодейственной властью над двумя кавдлунаками. Это был камень, который мы называли <водяным пламенем>, а они - золотом. И этот камень мог, оказывается, сделать людей врагами и причинить большие беды. Все это было видно по их лицам.

Мы поняли, что Гогол хочет, чтобы Семеде что-то сказал мне. Но тот не послушался своего хозяина. Он возразил ему на их языке и, казалось, что он вовсе не хочет подчиняться тому, кто владеет кораблем и всеми богатствами. Они говорили очень быстро, все громче и громче. Никто из них не хотел отдавать куклу, хотя маленькая Аируна и ждала этого. Гогол вцепился в игрушку, но и Семеде тоже не выпускал ее из рук.

Немного погодя Семеде спросил у меня, откуда эта игрушка. Я сказал, что это совершенно бесполезный хлам, который я вырезал для своей дочери, чтобы она могла играть с ним; камень не имеет никакой цены, добавил я. Семеде не понял, что я хотел выразить этими словами. И он, и его спутник, тот, который думал за всех, вели себя так, словно совсем лишились рассудка или превратились в маленьких детей. Мы пытались указать им обоим, что такое поведение недостойно мужчин, но они продолжали разглядывать куклу моей дочери. Им очень хотелось узнать о ней побольше; особенно их интересовало место, где можно найти желтый камень.

* * *

Я еще раз попытался сказать, что играть с камешками и куклами ниже достоинства взрослого мужчины - ведь им уже говорили, что эти камни не имеют никакой ценности, хотя на них и приятно смотреть. С давних пор людям известно, что они не теряют цвета под водой. В маленьких ручейках, где камни лежат на дне, они временами сверкают, как солнце или огонь. И именно поэтому камень называли водяным пламенем! Все это, конечно, рассказали Семеде; а он перевел Гоголу, который тотчас же снова стал просить: <Проведите нас туда, где можно найти водяной пламень!>

Им объяснили, что желтый камень можно отыскать только у большого ледника на берегу залива. Камень мелькает среди других камней и глины, когда лед движется к морю, чтобы <утолить свою жажду соли>, оттекая все в сторону. Водяной пламень можно найти только летом, когда тают льды и течет вода.

Но выяснилось, что убедить их невозможно, они настаивали, чтобы их сейчас же повели на это место. Делались все новые и новые попытки объяснить, что их интерес к негодному камню просто смехотворен. Камешки - хорошая забава для маленьких детей: они играют с ними; но зачем они взрослым?! Я даже рассказал гостям о моем отце, которому однажды пришлось в голову, что эти желтые камни, поскольку их легко заточить, можно, пожалуй, использовать как гарпунный наконечник; один такой наконечник он и сделал. Однако в первый же раз, как только его применили против моржа, отец понял свою оплошность. В тот миг, когда блестящий камешек ударился о крепкую моржовую кожу, он затупился; морж почти не почувствовал удара. После этого красивый желтый наконечник пришлось выбросить в море. Позже никто этой ошибки не повторил. Другого применения у желтого камня нет.

Женщины нашей страны не пренебрегают различными безделушками, чтобы приукрасить себя. Они-то и начали носить ожерелья из водяного пламени; но затем и женщины выбросили камешки, отдавая предпочтение бусинам, сделанным из зубов моржа. Дети не разбираются в ценностях, поэтому они играют куклами и небольшими фигурками медведей и собак, которых вырезают для них отцы. Когда дети подрастают и у них появляются в голове мысли, они выбрасывают фигурки и начинают заниматься полезным делом. В играх, конечно, ничего плохого нет, если только человек не вздумает остаться ребенком на веки вечные и не станет играть в куклы до самой смерти. Последнее я сказал, чтобы задеть белых и по возможности образумить их.

Но все слова были напрасны. Гогол и Семеде захотели собрать все игрушки, сделанные из желтого камня. Они велели ничего не оставлять - им нужен каждый кусочек. Правда, появились некоторые признаки того, что эти двое и сами стесняются своей детской прихоти: они попросили, чтобы мы ничего не рассказывали другим белым с корабля. Пусть никто не знает о водяном пламени, да и слово <золото>, которым они называли камень, произносить не следует.

Гогол и Семеде совершенно не обладали терпением и не стали есть замечательное мясо, поданное мною; более того, они начисто забыли, что находятся среди мужчин, и начали подробно расспрашивать каждого в отдельности, нет ли у него в доме подобных кукол. Эр? рассказал им, сохраняя презрительную улыбку на лице, что когда-то его дети были маленькими, без соображения, и вот тогда он вырезал для них фигурки из мягкого

камня, поскольку никак не успевал делать игрушки из твердых зубов моржа - такое множество детей у него было. Сейчас все игрушки, естественно, валяются на свалке возле дома. Там их и можно отыскать. Когда же Гогол объявил, что готов перерыть свалку, чтобы подобрать любую игрушку, лишь бы она блестела, все прониклись к нему состраданием.

Торнге никогда не считался великим охотником, и сейчас он решил использовать представившийся случай для укрепления своего авторитета; он объявил, что в его доме имеются подобные игрушки, дети до сих пор играют ими. Он мог бы все отдать Гоголу, но не стал бы возражать, если бы ему взамен дали немного дерева, в нем он очень нуждается. И вот случилось нечто необычное - Семеде стал говорить, не спросившись своего хозяина. Он сказал, что все мы получим много дерева и, возможно, даже ножи, если соберем для Семеде все то <золото>, которое нам удастся обнаружить. Мы можем не стесняться и приносить ему даже маленькие кусочки золота, он объявил, что примет все. Еще раньше я говорил ему, что камни эти обычно не бывают больше мужского пальца, а иногда и величиной с зуб, но он хотел получить все, даже такие камешки, из которых ничего невозможно сделать, поскольку их нельзя удержать в руке при обработке.

Прошло довольно много времени и Аируна стала требовать, чтобы ей возвратили куклу: она хотела бы поиграть; но Гогол поначалу отказался отдать ей игрушку. Было очень удивительно узнать, что белые, очевидно, никогда не выходят из возраста, когда играют в куклы, но я решил, что моя маленькая Аируна должна получить обратно свою игрушку, которая была величиной с ее ручку. Именно поэтому я наклонился, чтобы взять ее из рук Гогола. Однако он вцепился в нее крепко: как видно, успел к ней привязаться. Хотя я и рассердился, но, когда вырвал куклу из его рук, я засмеялся. В его пальцах не было никакой силы.

Но как только Аируна опять начала играть со своей куклой, Гогол вырвал игрушку из ее рук. Произошло нечто совершенно непостижимое.

Старый Эро сообщил мне шепотом, что Семеде, когда остальные разговаривали, засунул себе в карман две небольшие фигурки. Аируна не могла понять, почему пришельцы отбирают у нее игрушки, и опять заплакала. И вышло так, что я разозлился. Семеде я сказал, что никогда еще люди не видели, как взрослые играют детскими куклами. Я сказал, что нельзя отбирать у моей дочери вещи, принадлежащие ей, если она не хочет их отдавать. Она, правда, еще ребенок, но у меня нет других детей, и я не позволю, чтобы у нее забрали двух собачек и куклу. Когда Семеде вынул из кармана спрятанные вещи, оказалось, что Гогол устыдился поступка своего провожатого. Он громко выговаривал ему, но Семеде отвечал дерзко, и мы думали, что они уже готовы нарушить мир в доме и вцепиться друг в друга. Таким образом, мы обнаружили, что желтый камень имеет власть над кавдлунаками и способен рассорить их.

Но через некоторое время они вдруг освободились из-под власти камня. Они спокойно объявили, что дети, которые пожелают отдать им свои золотые игрушки, получают взамен сахар, чай и, возможно, печенье. Мужчин они просили поискать поломанные фигурки и даже небольшие кусочки водяного пламени. Однако всех предупредили, чтобы никто не вздумал приносить камешки на корабль или же показывать их другим членам команды. Гогол и Семеде будут сами за ними приходить и приносить свои подарки. Мы улыбнулись, так как нам стало понятно, что эти двое не желают, чтобы другие с корабля знали об их пристрастии к игрушкам: это дало бы повод для насмешек.

Вскоре в доме раздались громкий смех и радостные возгласы. Мужчины отправили своих детей за куклами из желтого камня. Все же я, Маярк и некоторые другие из старших считали, что детям надо оставить те игрушки, которые они пожелают, но большинство отцов высказалось за то, чтобы отдать белым все. Это были те, кого разбирало любопытство, что им дадут взамен. Лица у Гогола и Семеде расплылись в сияющей улыбке, когда собачки, медвежата и куклы легли перед ними в кучку на полу. Но их совершенно не трогали игрушки из моржовых зубов, хотя они и были больше. Детям они обещали богатые подарки, и Гогол отправился на судно за деревянным ящиком с чаем, сахаром и печеньем. Нам объявили, что Семеде останется в моем доме, охранять камни и следить за тем, чтобы кто-нибудь из детей не передумал и не забрал свои игрушки обратно. Такие слова было неприятно слышать, поскольку можно подумать, что кто-то в состоянии отобрать свой подарок.

Однако, как потом оказалось, Гоголу тоже следовало бы кого-нибудь оставить, чтобы следить за Семеде. Когда он вернулся со своими подарками, между ними опять разгорелся спор. Дело в том, что Семеде решил подшутить над напарником и спрятал несколько фигурок в голенище своих камиков. Но тут выяснилось, что Гогол легко считает предметы, даже если их много. И перед тем как уйти, он пересчитал все фигурки; а теперь, обнаружив пропажу, потребовал их возвращения. Никогда раньше мы не видели, что белые могут быть такими злыми. Они кричали друг на друга, но Гогол все же знал больше умных слов, так как Семеде, очевидно, застеснялся и вынул фигурки, которые он спрятал, чтобы подшутить. После этого они опять стали друзьями.

И все же Гогол остался явно недоволен; его любовь к игрушкам была такой безграничной, что ее нельзя было удовлетворить. Он просил всех отправиться по домам и перерыть свалки, чтобы найти выброшенные игрушки, хотя бы и старые. Охотники, конечно, ответили, что они не собаки и поэтому никогда не подумают копаться в отбросах. То, что однажды выброшено, как негодное, нельзя подбирать, если не хочешь потерять достоинство и честь. Тогда Гогол предложил заставить женщин перекопать свалки. Но и это решительно отклонили: никто не хочет иметь собаку в качестве жены, ответили ему.

Кавдлунаки не стыдились рыться в отбросах. Они заявили, что придут на следующий день, и выставили себя на посмешище, попросив, чтобы никто ничего не уносил со свалок. Дождавшись пока на корабле заснут, они вернулись туда со своим ящиком, наполненным золотыми игрушками, доказав тем самым, что сохранили детскую привязанность к куклам [14].

На следующее утро оба вернулись и принесли с собой крепкие топоры и другой инструмент, чтобы вскопать промерзшие свалки перед чумами. На их лицах не видно было стыда, когда кто-либо подходил, чтобы посмотреть, что они делают. Время от времени слышались радостные возгласы: это случалось, когда они находили выброшенную игрушку. Они не стеснялись даже того, что дети видели, как взрослые прячут в ящик эти никчемные камни. Но стоило кому-либо с корабля сойти на берег и приблизиться к чумам, как Гогол и Семеде

засыпали свалку снегом и делали вид, что заняты другим делом. Это говорило о том, что у них все же достаточно здравого смысла, чтобы стесняться своих. Но как только они оставались одни, так опять начинали откапывать замерзшие отбросы, занимаясь этим делом до тех пор, пока в один из дней не разыгралась сильная вьюга, которая все похоронила под глубоким снегом. Им пришлось приостановить свои поиски на много дней.

Люди обрадовались, что прекратилось это позорное дело. Всем уже надоели их споры, да и не хотелось, чтобы дети видели, как белые, вполне взрослые мужчины, ведут себя точно звери. Такая возня настолько не нравилась некоторым из наших женщин, что они пожаловались другим кавдлунакам. Это были те женщины, которые посещали трех искусных ловцов, живших в передней части корабля. Они всегда поступали не так неразумно, как остальные, и поэтому женщины решили попросить их научить Гогола и Семеде хорошо себя вести. Ведь они позорили всех белых, копаясь в мерзлых отбросах, как собаки и песцы. Но у женщин не хватало точных слов, которые разъяснили бы их друзьям, что представляет собой водяной пламень, возбудивший жадность Гогола и Семеде.

Обычно наши женщины не желали носить ожерелья из желтых камней, несмотря на их привлекательный блеск, так как бусы из моржового зуба всегда считались более ценными. Ведь для того чтобы поймать моржа, надо обладать ловкостью и преодолеть опасность, а собирать камешки в реке может как женщина, так и ребенок. Муж одной из женщин был слишком юн и не наловил еще столько моржей, чтобы обеспечить свою жену белыми бусинами. Поэтому она довольствовалась ожерельем из желтых камней, и на этот раз она взяла его с собой, чтобы объяснить тем трем, о чем шла речь. Когда ловцы увидели небольшие желтые камешки, они стали вести себя также по-детски, как и другие: забыв о своей обычной любви к женщинам, они вцепились в желтые камни, и между ними начался великий спор. Женщинам они заявили, что хотели бы получить еще такие ожерелья, и вместо того, чтобы провести время с подругами, как те ожидали и как обычно поступают мужчины, белые пожелали пойти к ним домой и поискать желтые бусины.

Тогда им рассказали, что Гогол и Семеде уже завладели всеми дурацкими камнями, которые были в чумах, а теперь опозорили себя тем, что копаются в замерзших отбросах в поисках негодных игрушек. И на этот раз можно было заметить, что желтые камни способны возбудить злобу и вызвать споры среди кавдлунаков. Глаза ловцов стали большими и в них появилась алчность, когда они побежали наверх, чтобы рассказать остальным о бусинах и игрушках. Все глазели друг на друга и шептались одно и то же слово: <Золото! Золото!>

Безрассудство овладело ими при мысли о водяном пламени. Великий гнев вселился в них: лица стали красными, а голоса громкими. Они все показывали на чумы, где Гогол и Семеде снова принялись за свою собачью работу - перерывать свалки. Вдруг им взбрело в голову, что надо бежать к чумам, как будто за ними гнался могучий дух. Даже Кок, этот жирный человек, который ведал всей пищей на корабле и которого никто и никогда не видел на льду, бежал, как и все остальные. Сперва мы подумали, что водяной пламень вселил в них жажду убийства и между белыми начнется драка, но они утолили свою злобу словами, правда, очень громкими.

Когда их выкрики затихли, а слова Гогола как будто утихомирили всех, Семеде объявил людям, чего хотят кавдлунаки: сейчас же надо повести их к той речке, где находят водяной пламень; они очень хорошо знают, что все еще покрыто льдом, но желают уже сейчас сделать приготовления, чтобы затем использовать лето для поисков желтых камней.

Мы немного посоветовались между собой об этих словах Семеде и, наконец, решили, чтобы я ему ответил. Я сказал, что кавдлунаки потеряют наше уважение, если они вместо того, чтобы охотиться, станут заниматься поисками каких-то безделушек для игры. Но если они действительно желают добыть много желтых камней, то мы велим своим женщинам и детям провести там некоторое время и найти для них то, что они желают. Я обещал им, что для них постараются найти самые крупные куски, из которых легче всего вырезать кукол и зверей. Семеде ответил, что одних моих слов недостаточно, чтобы обрадовать команду. Они сами хотят побывать на месте, причем сейчас же и все вместе.

Теперь стало ясно, что желтый блестящий камень не только обладает силой, способной злить кавдлунаков, но и вселяет в них страх. Никто из них не желал больше оставаться один. Все требовали, чтобы они постоянно находились вместе. Я предложил, чтобы один или двое, или даже трое отправились к леднику и утолили свое любопытство, но Семеде сказал, что это не совпадает с их желанием. Они пойдут все вместе или пусть уж никто не идет. Водяной пламень вселил подозрение и беспокойство в их умы.

В конце концов их желание стало столь сильным, что мой язык не мог ответить отказом. Мы запрягли собак в сани и направились к леднику. Здесь им показали то место, где будет протекать речка, когда растает лед.

Осталась всего лишь одна смена луны до этого времени. Мы объяснили также, что блестящие камни следует искать в глине или в гравии. Еще мы сказали, что лучше всего водяной пламень можно обнаружить, если набрать в руки гальку и бросить в воду; тогда-то желтые камни заблестят. От этого они получили свое название. Если же им не хватит желтого камня, то можно раздобыть большее количество, перекопав глину; под слоем гальки лежат камни. Водяной пламень всегда старается спрятаться поглубже - вероятно, он стыдится своей никчемности.

Но напрасны были наши старания, мы так и не смогли объяснить кавдлунакам, что зима - неподходящее время для поисков желтого камня: земля промерзла и скрыта подо льдом и снегом. Гогол отказался ждать, пока луна появится и вновь исчезнет. Когда великий спор улегся, люди с корабля решили, что они опять будут слушаться Гогола и позволят ему думать за них. Однако иногда казалось, что они с неохотой выполняют его приказания.

Гогол решил, что надо разрыть мягкий снег, а когда дальше копать станет невозможно, то надо зажечь костер, чтобы земля оттаяла. Тогда-то они смогут найти <золото>. Кое-кто возражал, но затем все решили вернуться на судно - никто из них более не решался оставаться один, - чтобы принести с собой инструменты, пищу, спальные мешки и дерево.

На следующий день всем жителям стойбища пришлось немало поработать, чтобы помочь взрослым мужчинам утолить свою жажду: добыть водяной пламень. У корабля свалили множество деревянных ящиков и инструментов; все валялось на льду. Нам велели все это перевезти на наших санях к леднику. Как только перебрались туда, белые начали разгребать снег, а уж затем произошло совсем невероятное: все замечательное

дерево, из которого сделаны ящики, было сожжено. И Доктор, который умел прогонять болезнь, и человек, который до сих пор проводил свое время, собирая цветы, и жирный Кок - все как один были охвачены желанием жечь дерево. И они сидели с застывшими глазами, наблюдая, как тает лед. И вышло так, что они перестали быть нашими друзьями; они отказывались выслушать нас, когда мы выражали печаль по поводу того, что сгорает такая масса дерева. Ведь именно его нам больше всего не хватало. Мы предлагали хорошо заплатить за дерево шкурами и мясом; дерево считалось у нас самым ценным материалом. Казалось, что белые потеряли способность слышать. Они продолжали сжигать дерево, не выказывая стыда, не оправдываясь даже тем, что это необходимо. Когда день прошел, выяснилось, что земля оттаяла всего на один палец, но все же кавдлунаки нашли желтые камни, и теперь совершенно потеряли рассудок; они кричали и радовались, будто бы поймали нарвала или обнаружили, что камни можно превратить в вареное мясо.

Так продолжалось несколько дней, пока не исчезло все дерево. Мужчины, словно что-то подозревая, следили друг за другом. Они не хотели допустить, чтобы кто-нибудь имел больше <золота>, чем остальные. Однако камни, которых они так добивались, не принесли им счастья. Чем больше они их получали, тем сильнее становился их страх и склонность к спорам. После первой большой радости они выразили сожаление, что желтые камни не такие уж большие. Они не понимали, что надо копать глубже, чтобы найти такие камни, какие Маярк и я употребляли для вырезания детских кукол.

В конце концов потух последний костер; они сожгли все дерево, имевшееся на судне. И вот ко мне подошел Семеде и обратился с просьбой, которая возмутила всех нас и привела к ужасному событию, которое никогда не будет забыто, пока люди не потеряют дар речи. Кавдлунаки пожелали, чтобы мы отдали им все наше сало и весь китовый жир, запасенный с прошлого года улова. Они намеревались сжечь все это и таким образом получить возможность продолжать свое смехотворное копанье в земле. Они совершенно не понимали, что мы припасли сало и жир для наших светильников, а также для пищи.

Я старался не показывать им своего гнева, когда ответил Семеде, что его просьбу выполнить невозможно. Если употребить сало гордого моржа на подобное ребячество, то не исключено, что наступят печальные последствия для всех нас, сказал я ему. Нарвалы тоже могут обидеться, если мы употребим их добрый жир на то, чтобы отогревать заледеневшую землю. Такой жир дает самое ясное пламя и способен быстрее всего нагреть воду, поэтому люди всегда дружелюбно относились к нарвалам, заметил я. Мы всегда оказывали им большое уважение и чествовали их души после хорошего улова. Если бы мы теперь надругались над ними, злоупотребляя их жиром, они могли бы покинуть эти места и больше мы их никогда не увидели бы. Мне казалось, что после всего сказанного недостойно говорить еще и о нашей потребности в сале для еды, для светильников и для кормления собак.

Когда я кончил, на лице Семеде отразился великий гнев. Гогол обратился к нему, и Семеде потом сказал, что мы ведь можем отправиться на лов и набить других моржей и нарвалов. И он снова повторил их просьбу. Семеде, по всей вероятности, не знал, что время лова моржей и нарвалов наступит еще не скоро. К просьбе белых, неприличной для взрослых, люди отнеслись как к обиде. Поэтому мы повернулись к ним и к леднику спиной, собираясь вернуться в селение. Гогол и Семеде бросились вдогонку, а вскоре и другие кавдлунаки последовали за ними, так как они никогда не оставляли друг друга после того, как нашли желтые камни. Чтобы отделаться от них, мы дали им немного сала, которое захватили с собой на упряжках. Белые удовлетворились на время, ибо этого сала могло хватить на несколько костров, и пошли к леднику.

Когда мы вернулись в селение, то решили, что лучше всего покинуть Пилик и перебраться на север. Было бы самое разумное не оскорблять души морских животных, отдавая их жир для столь бессмысленного дела, да и, кроме того, мы больше не желали быть свидетелями раздоров. Поэтому надо покинуть белых - пусть они ищут блестящие камни, сколько им вздумается. Кроме того, мудрый Торнге напомнил, что теперь у нас имеются ножи, топоры и гарпунные наконечники, в чем мы до этого нуждались. У кавдлунаков больше не было ничего такого, на что нельзя смотреть без зависти и что нам хотелось бы приобрести.

Теперь мы все сожалеем, что сразу же не выполнили своего намерения, тогда не произошло бы жутких событий, и Аируна, моя маленькая дочь, осталась бы в живых.

Вечером все белые пришли в селение, чтобы говорить с нами. Они повторили свое требование отдать им сало и вначале были сильно разгневаны. Кок, этот жирный человек, который и раньше не отличался щедростью и дружелюбием, потрясал даже своим ружьем и выкрикивал слова так громко, что можно было подумать, будто он нам угрожает. Но Гогол приказал ему замолчать. Гогол был недоволен его плохим поведением. После этого Гогол, очевидно, произнес много добрых слов и все успокоились; на их злых лицах появились дружелюбные улыбки. И мы обрадовались, так как подумали, что Гогол, наконец, понял свое безрассудство и освободился от околдовавших его сил.

Семеде объявил: все очень довольны, что мы им показали желтые блестящие камни. Теперь они хотят выразить свое доброе расположение, пригласив нас всех на судно, принять подарки от Гогола. Там же они угостят нас вкусной едой и чаем.

Мы с удовольствием услышали это. Можно было полагать, что белым в конце концов наскучили их игрушки и они больше не намерены вести себя как дети. Аируна обрадовалась, когда ей сказали, что у нее больше не будут отбирать кукол. Поскольку ее камень был больше, чем у других, то многие из кавдлунаков пытались его отобрать, и она знала, что за своей игрушкой ей надо внимательно следить. Но я тоже, как и Маярк, сказал Семеде: мы никогда не допустим, чтобы кто-либо отобрал у наших детей их собственность, если они сами не согласятся ее отдать.

Мы весело улыбались, направляясь к кораблю; с нами пошли даже те старухи, которые рассказывали различные истории Семеде до того, как безумие охватило белых. Корабль так долго оставался без хозяев, что перед каждой дверью намело много снега. Пришлось его разгребать, но вскоре мы вошли внутрь и зажгли огонь, который обогрел всех. Сейчас даже Кок ходил и улыбался, разливая нам чай. Доктор показал много странных вещей. Мы всегда знали, что сахар идет к чаю, но у Доктора оказалось кое-что в бутылочке, что он называл <лучше сахара!>

Мы поняли так, что это жидкий сахар, и он много наливал его в наши чашки.

Конечно, мы не знали, как называют эту пахучую жидкость, нам сказали, что это <ром>. Он делал чай очень вкусным, гораздо вкуснее, чем когда бы то ни было. И <ром> действовал согревающе. Как только мы выпили несколько глотков, мы ощутили внутри тепло, а Кок все подливал и подливал нам чаю. Каждый мог пить, сколько хотел, даже больше белых. Они, как видно, не очень соскучились по чаю <с ромом>, не то что мы.

Задолго до того, как мы напились чаю, многие стали произносить слова, которых они и не думали говорить. Но вскоре мы почувствовали, что богатый событиями день сделал людей сонными. Правда, две пожилые женщины забыли о скромности, подобающей их полу, и начали громко петь. Однако никто их не пристыдил, просто посмеялись над их необычным поведением. Смеялись также над белыми и над многим другим.

Мы понимали, что наше настроение необычно, но оно казалось нам приятным. А когда сонливость брала верх над желанием поговорить, люди закрывали глаза и засыпали там, где сидели.

Нас разбудили дети. Прошла только небольшая часть ночи, и все ощущали тяжесть, поскольку мы не выспались. Каждому казалось, что у него тяжелая голова, и просыпаться было неприятно; однако дети выказывали нетерпение, а некоторые плакали. В доме, в котором мы находились, стало очень холодно, огонь погас и все кавдлунаки исчезли!

По дороге в стойбище мы поняли, что белые не отказались от своего безрассудства и от своей тяги к блестящим камням. Когда все гости уснули, они решили вернуться к леднику. Возвращаясь домой, мы видели там много костров. Нам казалось странным, что у кавдлунаков нашлось топливо.

Как только мы вернулись домой, все поняли, чем белые разводили костры. Аируна первая громко закричала. В нашем чуме все было перевернуто вверх дном. Кавдлунаки обыскали каждый уголок и забрали все игрушки маленькой девочки. В других чумах также все перевернули и у детей украли все, сделанное из водяного пламени. Но самым печальным было то, что они унесли весь наш жир и запас сала. Вот что сжигали белые на своих кострах.

Все мужчины сразу же собрались, чтобы обсудить случившееся. О тяжести в головах не помнили. Спокойно говорить никто не мог, и поэтому я сказал собравшимся, что, по моему мнению, не следует больше оставаться вблизи мужчин, настолько одержимых своими желаниями, что они способны отобрать у людей самое необходимое и даже красть у детей.

Некоторые считали самым достойным - убить всех белых, но старшие и более умные ответили, что все надо хорошо обдумать. Они в большей мере, чем мы, были умудрены опытом предков и высказали опасение, что стоит нам только убить белых, как их духи и власть водяного пламени перекинутся на людей, а это приведет к раздорам между нами. Мы послушались их совета и решили уехать из Пилика - этого благодатного места охоты, которое теперь испорчено из-за безумия кавдлунаков.

К счастью, никто не имел больших запасов мяса или чего-нибудь другого, что могло затруднить отъезд. Теперь ни у кого не осталось больше того, что можно разместить на одних санях, и мы считали это большим преимуществом. Все же перед тем, как покинуть Пилик, мы решили еще раз поговорить с белыми - может быть, удастся возвратить немного жиру; поскольку весна наступит еще нескоро, трудно чем-либо заменить жир, служивший горючим для светильников.

Поэтому все двинулись к леднику. Как только белые увидели нас, они пошли нам навстречу. По выражению их лиц было видно, что они стыдятся того, что сделали; вид у них был мрачный и даже злой. У некоторых из них - у тех, кто стоял поближе к маленьким кучкам блестящих камней, - были ружья. Стало ясно, что водяной пламень они разделили между собой и каждый охраняет свою часть. Возможно, они подумали, что мы охвачены той же жадностью обладания камнями и попытаемся отнять у них добытое, хотя мы были взрослыми мужчинами.

Я сказал им, не выражая своего гнева, что никто из нас не заинтересован в водяном пламени. Но нас ошеломило то, что белые взяли без спросу вещи, принадлежащие детям, - это мы осуждаем, хотя вещи сами по себе ничего не стоят. Наши дети плачут от огорчения, но мы всегда сможем найти для них другие блестящие камни.

Услышав это, кавдлунаки немного успокоились, и тогда я завел разговор о нашем жире для светильников. У нас нет никакой возможности добыть моржей и нарвалов до весны, когда появится открытая вода, сказал я. Поэтому нам необходим жир, и мы пришли потребовать, чтобы кавдлунаки вернули то, что принадлежит нам.

После этого Гогол и Семеде долго разговаривали между собой, и казалось, что у Гогола все же осталось немного здравого смысла. Мы не могли понять его слов, но он как будто желал, чтобы отдали часть жира. Я вновь начал говорить и сказал, что поскольку он готов пойти на уступки, то мы предлагаем, чтобы нам отдали половину жира, тогда мы сможем, бережно расходуя его, прожить без нужды, пока весенние тюлени не поднимутся на лед.

Вновь Гогол и Семеде долго между собой говорили, и затем кавдлунаки начали что-то говорить; но они говорили все вместе, и это свидетельствовало об отсутствии у них достоинства. Никто не знал, о чем они между собой порешили и можно ли избежать ссоры. Но случилось вдруг ужасное, что заставило всех позабыть о сказанных словах.

Маленькой Аируне надоело долго слушать разговоры. Она вышла из толпы взрослых, несколько девочек пошли с

Петер Фрейхен и Кнуд Расмуссен в 1913 году

ней. Вдруг она вскрикнула и подбежала к одной из небольших кучек желтых камней. Девочка увидела там свою любимую куклу и ей захотелось получить ее обратно. Другие дети, которые, должно быть, также увидели свои игрушки, побежали за ней к камням.

Хотя Аируна была только ребенком, она имела право на свою куклу, но это повлекло за собой ужасные последствия, и много горя произошло от этого. Белые бросились каждый к своей кучке камней, и один из них, подбежав, схватил Аируну. Он вырвал куклу из ее рук и отбросил девочку далеко на лед. Там она осталась неподвижно лежать и больше никогда уже не встала. При падении Аируна сломала себе шею.

Сперва всех охватил такой ужас, что никто не мог двинуться с места. Кавдлунаки, как видно, не заметили, что произошло. Возможно, это их и не интересовало. Они думали только о блестящих камнях и стали поспешно прятать их в одежду. Я не мог поверить своим глазам, и мое горе было так велико, что я застыл на месте. Но мой брат Агпалерк всегда принимал решения и действовал быстрее меня. Он вдруг забыл свой страх перед белыми, схватил гарпун и бросил его в воздух. Наконечник попал в середину груди человека, который убил мою дочь. Казалось, что гарпун проткнул его насквозь, и он упал замертво.

И тут случилось, что белые забыли о своих камнях. Они бросились за ружьями, и много убийств совершилось в тот день. Застрелили Маярка, моего старшего напарника по охоте, а двух мужчин и трех женщин ранили. У нас не было ружей, но мы все же успели убить двух белых, а остальные бросились бежать. У них было быстрое оружие, но они поняли, что мы превосходим их числом. Кавдлунаки схватили свои желтые камни и убежали по льду к кострам, и с тех пор их больше никогда не видели.

Мы завалили камнями убитых - Аируна была моим единственным ребенком, а Маярк - моим самым давним напарником. Просидев не двигаясь пять суток, чтобы почтить погибших, мы все уехали из Пилика и добрались до Питуравика, хотя с трудом путешествовали без сала. Кругом находились добрые люди, на которых мы могли положиться.

Наконец, настала весна, и лов оказался хорошим, вот почему мы мало думали о кавдлунаках, столь влюбленных в игрушки. Но позабыть случившееся нельзя было, и двое молодых парней решили во что бы то ни стало узнать, какова судьба белых. Оба были бедны, поскольку у них не осталось родителей и они не имели ни своих охотничьих принадлежностей, ни собак. Для того чтобы сделать сани, необходимо дерево и железо для полозьев, а ни того, ни другого у них не было. Поэтому они оставались без жен, так как не смогли бы добыть достаточно шкур и мяса для семьи. Юноши решили одолжить упряжку собак и вернуться в Пилик, чтобы посмотреть, все ли еще белые охвачены безрассудством, и попытаться, если это возможно, достать у них то, чего им не хватало. Их не было много дней, а вернувшись, они рассказали странные вещи, которые заставили людей задуматься и подивиться.

Парни доехали до самого Пилика и поспешили к судну, так как лед стал уже плохим и мог тронуться в любой день. Никаких признаков кавдлунаков не было видно. Вокруг судна намело огромные сугробы снега; казалось, что все погрузилось в сон и пробудится только тогда, когда уйдет лед и по открытой воде судно сможет отплыть домой, в теплые страны. Около судна песцы оставили следы; следы виднелись на палубе, а это означало, что никто не приходил на корабль в течение многих суток.

Тогда парни решили приблизиться к белым у ледника, но поскольку они понимали, что тяга к золоту не покинула кавдлунаков, парни действовали весьма осторожно. Ведь никто не мог знать, встретят ли их Гогол, Семеде и остальные дружелюбно или начнут стрелять по ним. Раз уж белые остались у ледника, значит они все еще страдают своей странной привязанностью к блестящим камням.

Молодые люди взобрались на гору, чтобы спуститься к леднику с другой стороны и посмотреть сверху, что делается в лагере кавдлунаков. Путь был длинный и утомительный, так как начали уже буйствовать весенние метели, и в тот день дул очень сильный ветер. Им пришлось двигаться согнувшись, но все же они добрались до края скал, откуда можно заглянуть вниз, не обнаруживая себя. Парни тотчас увидели, что безрассудная работа белых продолжается. Свой лагерь они раскинули у речки, которая теперь свободно текла из-под ледника. Они все еще копали в поисках водяного пламени. Правда, большинство из них сидело возле палаток у костра, поскольку уже наступило время ужина и сна.

Наши парни решили оставаться наверху всю ночь и сойти в лагерь, когда рассветет. Они нашли место, хорошо защищенное от сильного ветра, который дул в сторону моря. Но долго они не проспали - их разбудил страшный гром, будто бы сотрясавший всю гору. Начали действовать мощные силы, и парни испугались. Грохочущий шум продолжался, но они все же подползли к краю скалы, чтобы посмотреть на ледник, откуда, как им казалось, и раздавался грохот. Они увидели, что вся передняя часть ледника пришла в движение и искала себе выхода к морю. Сплошной лед в заливе вынужден был поэтому отступать и ломался на куски, как тоненький ледок, образующийся в конце лета. Гром продолжался долгое время, и парни здорово перепугались; они полагали, что духи ледника обзлются и намерены показать свою силу.

Однако постепенно все утихло, и двое парней вновь выглянули из-за края скалы, чтобы разглядеть, что случилось с белыми. Никаких следов их лагеря не осталось. Ни один из них не пережил этой катастрофы. Огромные льдины, отколовшиеся от ледника, скатились вниз и плавали в заливе в виде ледяных гор, а все, что лежало на их пути, было раздавлено. Речка, которая обычно вскрывала блестящие камни и для людей, и для кавдлунаков, а также все, чем владели белые, было погребено под массами льда. Это ледник наказал белых за жадность к водяному пламени, которая толкнула их на убийство наших людей.

Парни все-таки сошли вниз убедиться, что там никого нет в живых. Они перебирались через нагромождения льдин, у которых были очень острые края - это говорило о том, что льдины упали совсем недавно и ветер не успел еще округлить их края.

Все белые исчезли, как исчез и старый лед. Когда двое парней покидали ледник, чтобы вернуться в Пилик и добраться до судна, они увидели, что перед ледником все потемнело: сильный ветер оттолкнул в открытое море взломанный лед, и над черной водой плыли свинцовые облака. А когда парни поднялись выше и перед ними открылся вид на фиорд, увидели зрелище, весьма огорчившее их: корабль отнесло в море. Они надеялись, что

теперь, когда все погибли, можно беспрепятственно воспользоваться сокровищами судна. Особенно они рассчитывали на огромное количество дерева и большие куски железа. Но случилось непредвиденное - лед ушел и увлек за собой судно; оно уже находилось очень далеко и казалось совсем маленьким. Таким образом, исчезли все следы и Гогола, и Семеде, и всех остальных кавдлунаков. Они потеряли право на жизнь и понесли заслуженное наказание. Даже природа нашей страны не смогла примириться с тем, как повели себя белые. Кавдлунаки пришли сюда, но не пожелали жить по обычаям людей, а более всего они заслуживали смерти потому, что отбирали у детей игрушки и убили маленькую беззащитную девочку. Их настигла кара, и люди были отомщены, но я никогда больше не стану говорить об этих событиях - они слишком ужасны, чтобы, рассказывая о них, коротать время в ожидании, пока сварится мясо. Но люди никогда об этом не смогут забыть.

Глава 3 ИХ БЫЛО ПЯТЕРО

Все как-то притихли, когда готовились сняться со скалы Далрюмпле. А Самик - и вообще-то немногословный - устал после длинного рассказа и, кроме того, пока мы переносили его в лодку и отчаливали, у него еще сильнее разболелась сломанная нога.

Другие эскимосы, как видно, не раз слышали историю о водяном пламени, но отнеслись к ней с таким же вниманием, как и я. Все они были моими друзьями, самыми лучшими, каких я когда-либо имел, и сейчас они, наверное, думали, что меня сильно задел рассказ о несчастьях, причиненных людям алчностью белых. Однако они были тактичны и не высказали никаких замечаний по поводу этой истории.

Меквусак, не сказав ни слова, занял свое место у руля и теперь разглядывал Агпат и наше старое весеннее стойбище. Чужестранцев все еще не было видно, но теперь я понял, почему встречи с ними эскимосы ожидают совсем не с таким чувством, как я. Мне стало ясно, почему Самик надеялся, что те люди окажутся эскимосами. Правда, они, казалось, инстинктивно чувствуют - как и Наварана, - что речь идет о кавдлунаках.

Я был благодарен им за молчание и за дружеское расположение ко мне, единственному белому человеку среди них. И я радовался, что Кнуд Расмуссен [15] и Пири, а также большинство других белых, которые побывали в этой части Гренландии, никогда не причиняли неприятностей ни Самике, ни его друзьям.

Вскоре во льду образовались большие разводья и, казалось, что у берегов Агпата вообще чистая вода. Мы без труда гребли между льдинами, которые попадались на пути. Огибать их было не трудно, и мы продвигались довольно быстро. Два каяка шли впереди. Вдруг мой тесть Увдлуриак подал знак остановиться. Я подумал, что он увидел таинственных чужеземцев и попытался разглядеть их в бинокль. Но Увдлуриак объяснил, что он заметил на льду два стада моржей: одно из них совсем близко, другое - недалеко от Агпата. Благодаря сильному ветру ничего не стоит подойти к ним - не можем же мы их упустить! Каяки подойдут к ним с подветренной стороны, и каждый охотник убьет гарпуном по одному моржу. Но надо попытать счастья и со вторым стадом.

Эскимосы на каяках отправились к Агпату, а мы пытались подгрести на своей лодке к первому стаду. К сожалению, вокруг оказалось слишком много льда; подойти к моржам можно было только по льду, перепрыгивая с одной льдины на другую. Я предпочел остаться в лодке, которую эскимосы всегда склонны бросать на произвол судьбы, когда появляется добыча! Я считал, что нам важнее сохранить лодку, чем охотиться на моржей. И действительно, дело окончилось тем, что из ближнего стада поймали только одного моржа, а тем двоим на каяках удалось убить другого. Мы взяли обоих моржей на буксир и медленно направились к Агпату, где показались два человека, ожидавших нас.

В пылу охоты мы чуть не забыли тех, за кем направились, и вспомнили о них, когда оказались совсем близко от берега. Теперь я сразу увидел, что Наварана права: это не эскимосы, а белые, и скоро мы узнаем, как и почему они попали на остров Саундерса. Но эскимосам казалось невежливым проявлять слишком большую поспешность. Поэтому мы медленно подплывали к незнакомцам, а я сидел и все думал, кто они такие, в каком состоянии и какая помощь им необходима.

Выяснилось, что их пятеро, а не двое, как мы подумали сперва. Они раскинули лагерь на берегу, довольно далеко отсюда. Двое, которых мы увидели, ушли от своих товарищей поискать какой-нибудь дичи и поднялись на скалы, чтобы оглядеться. Они обнаружили нас на льду и, возмущаясь нашей медлительностью, ругали нас последними словами за охоту на моржей; незнакомцы никак не могли дождаться, когда же мы, наконец, подойдем, чтобы помочь им! Оказалось, что это китобои, отбившиеся от своего судна. Они с огромными трудностями добрались до острова Саундерса, но дальше им на своей лодке плыть было невозможно из-за скопления льдов. Шотландские китобои много лет охотились в районе пролива Джонса. Жизнь этих закаленных и неприхотливых людей далеко не завидна. Обычно китобои отправляются из дому в конце зимы или ранней весной и добираются до залива Фробишер или Камберленд-Саунд до того, как лед в больших фиордах начнет двигаться на юг. Эту первую часть лова называли юго-западным промыслом, и в хорошие годы уже здесь

Петер Фрейхен. Вторая экспедиция Туле (1916-1918 годы)

удавалось наполовину заполнить трюмы. Когда приходили в движение льды Гудзонова пролива и фиордов Баффиновой Земли, начиналась также миграция китов. Китобои следовали за китами вдоль берега Гренландии, мимо острова Хольм и через залив Мелвилла. Здесь погибло немало китобоев; многие терпели крушение, так как в этом заливе путь судам может внезапно преградить торосистый лед и за несколько минут судно оказывается затертым. В то время, когда плавали еще на парусниках, судьба судна целиком зависела от ветра. Китобои могли перебраться через залив Мелвилла только в том случае, если ветер гнал лед в направлении, в котором им надо было двигаться; поэтому их самым страшным врагом было безветрие. Целые дни, иногда и недели не бывало даже намека на ветер.

В наши дни пройти через залив Мелвилла не так опасно, как тогда. В те времена китобои старались прибыть весной, как можно раньше, когда прибрежный лед еще неподвижен. Киты очень постоянны в своих перемещениях, и каждый год они проходят на север у самой оконечности мыса Йорк. Киты идут и дальше на север, но никогда не заходят в бассейн Кейна. Должно быть, им мешает лед в проливе Смита, где они обычно задерживаются, пока движение льдов не вытеснит их на юг. После этого киты некоторое время находятся в проливе Джонса, а там уже стоят наготове шотландские китобои - они здесь охотятся на крупных гренландских китов [16].

Шотландцы не могли охотиться за китами так, как это делают в наши дни. Ведь сейчас имеются небольшие пароходы с пушками, которые поражают цель на довольно большом расстоянии. В свободной воде такое китобойное судно способно подойти довольно близко к своей добыче, поскольку шум винтов ненамного опережает судно, во всяком случае, он может спугнуть кита лишь в последний момент. А тот метод лова, которым пользовались шотландцы в проливе Джонса, заливе Мелвилла и в других районах, был куда более трудным и опасным.

Обнаружить кита среди плавающих льдов гораздо сложнее, чем в открытой воде. Только десятая часть айсберга находится над водой, остальные девять десятых колоссальной массы скрыты под поверхностью. Шум гребного винта наталкивается под водой на лед и эхом отдается от одного айсберга к другому. Эти звуки на далеком расстоянии предупреждают китов о присутствии судна. Конечно, и опрокидывающийся айсберг, как и треснувший лед, производят шум, но, очевидно, морские животные способны отличить естественные шумы от необычных звуков, исходящих от столь странного предмета, как гребной винт.

Поэтому на Крайнем Севере невозможно ловить китов современными способами с судовыми гарпунными пушками. И надо охотиться таким же способом, как на заре китобойного промысла. У китов прекрасный слух, так что приближаться к ним надо очень осторожно. Чтобы тихо подгрести к ним, иногда даже приходится вынимать весла из уключин.

Если ведешь себя достаточно осторожно и обладаешь необходимым опытом, бой китов не такое уж сложное дело. Киты - это в известном смысле доисторические животные. В большинстве случаев они не способны найти выход, когда попадают в необычную обстановку, и если к ним удалось подойти достаточно близко, остальное сравнительно просто. Но арктическое лето таит множество других опасностей, и пятеро чужестранцев, которых мы здесь встретили, чудом спаслись, а их товарищи, находившиеся в той же лодке, погибли.

Охота за китами с открытой лодки [17] в проливе Джонса не так легка и увлекательна, как многие себе представляют. Не такое уж это захватывающее приключение, и в нем нет никакой романтики. Два выражения с того времени остались свидетельством огромной опасности, напряжения сил и той ничтожной платы, которую получали шотландские китобои. <Нет кита, нет и денег>, - говорилось обычно. Никому из команды не гарантировали заработок. Они получали свою часть - да к тому же очень маленькую - в зависимости от улова, если он, конечно, был. Если им не хватало знаний, опыта, выдержки или же им просто не везло и не удавалось добыть кита, они не получали ничего.

Когда показывался кит или предполагали, что он находится поблизости, лодки спускали на воду, китобои садились на весла и раздавалась команда: <Вперед, и к черту в пекло!>. И действительно, налегать на весла приходилось часами, а то и целые дни. Гребли пока не оставалось ни одной мысли в голове, и каждая частица тела кричала от изнуряющей боли. И те, кто греб, не видели даже, куда шла их лодка и что делается впереди; они ведь сидели лицом к рулевому. Именно он - как правило, один из штурманов или боцман - командовал в лодке, и колы скоро он приказывал, приходилось слушаться и не рассуждать. Румпель в руках старшего был не только символом его положения. Обычно румпель вырезали из крепкого дуба и, если требовалось, он превращался в страшное оружие. Старые китобои знают не один рассказ о морях, которые падали с разможенной головой, если отказывались исполнить приказ или переставали грести. Но обычно хватало грозного окрика. Только редкий моряк осмеливался не подчиниться, когда его начальник, размахивая своим смертоносным оружием, ругается последними словами и отдает старинную команду: <Вперед, и к черту в пекло!> Прошлым летом, в 1910 году, шотландское китобойное судно <Хортикула> стало на якорь вблизи мыса Спарбо в проливе Джонса. Старому капитану Адамсу удалось запереть более 700 белух в небольшой бухте. Это был грандиозный улов. Адамс приказал перегородить выход из бухты сетями и быть наготове. При каждом отливе белух били нещадно. Однако в этом году Адамс опоздал. Другие капитаны, прослышавшие о его удаче, направились к тому же месту, и, когда подошла <Хортикула>, лучшие участки в проливе Джонса оказались уже занятыми. Адамса это не обескуражило. Места хватит для всех, подумал он, и повел свое судно дальше. После нескольких дней блуждания дозорный, наконец, возвестил о появлении китов. Он увидел фонтаны дышащих китов в двух местах, и лодки были сразу же спущены на воду.

Лодка номер один находилась под командованием первого штурмана Билла Раса. Его знали как сурового человека, требовавшего от своих людей крайнего напряжения сил; правда, он и себя никогда не щадил. Он был строг, но всегда справедлив. Многие годы ему не везло. То он попадал на судно, которое терпело крушение, то возвращался без улова. Но, наконец, в один удачный год он выручил столько, что смог поступить в штурманское училище. После окончания ему удалось наняться к знаменитому капитану Милну, невысокому, но крепко сложенному человеку, который, пожалуй, больше всех добыл китов в арктических водах. Милна никогда не

называли иначе как дьяволом, и тем не менее моряки дрались за место на его судне, поскольку наняться к нему означало, что деньги будут наверняка, будто бы они уже лежат в Английском банке. Как настоящий шотландец, он сэкономил абсолютно на всем: и на продовольствии, и на снаряжении; но он приносил прибыль своему пароходству, зарабатывал сам, да и давал заработать команде. Именно его школу прошел Билл Раса, тот человек, с которым я теперь встретился на острове Саундерса.

Рядом с Расой стоял человек, оказавшийся норвежцем по имени Семундсен, - высокий блондин с окладистой бородой. Он выглядел опрятным и чистым, несмотря на то, что одежда его была изодрана; двигался он так легко, что в нем сразу угадывалась незаурядная сила и умение владеть каждым своим мускулом. Он был еще молод, но видно было, что у него развито чувство собственного достоинства. Говорил он медленно и уверенно, как будто каждое слово произносилось после долгого размышления. Не знаю почему, но сразу же создалось впечатление, что на такого человека можно положиться, что такой не подведет.

Они явно обрадовались тому, что я оказался среди встречавших: их тревожило, что спасающие окажутся эскимосами, языка которых они не понимают. А ведь им много надо узнать: где они находятся? Каким образом смогут выбраться отсюда? Можно ли перехватить здесь корабль, идущий на юг?

Первым делом я спросил, сколько их - только двое? Они объяснили, что дальше на берегу осталось еще три их товарища. Все они совершенно обессилены и нуждаются в отдыхе. Прежде всего им нужна горячая еда, так как давно уже не ели ничего, кроме сырого тюленьего мяса. Правда, здесь, на острове Саундерса, им удалось раздобыть несколько птиц, но они очень нуждаются в горячей пище - все равно, чтобы это ни было, - пусть хоть немного супу.

Когда я в нескольких словах удовлетворил их любопытство, мне и самому захотелось кое-что узнать. Они были с шотландского китобойного судна <Хортикула>, от которого отбились. Повторилась старая история: они вышли на лодке искать китов и слишком удалились от судна. А потом все заволокло туманом - извечным арктическим туманом, который держится порой по многу дней. Можно лишь различить то место, где солнце светит над туманом. Можно увидеть характерную белую радугу, возникающую от кристаллов льда в воздухе. Китобои оказались беспомощными и ничего не могли сделать. И хотя каждый звук разносился на большое расстояние, но они настолько отделились от судна, что услышать их, конечно, не могли. Все накричались до хрипоты и в первые двадцать четыре часа регулярно стреляли из ружей, но в ответ доносилось только эхо, отраженное множеством окружающих их айсбергов.

Лодку они, конечно, вытащили на лед и, как всегда в таких случаях, устроили лагерь, натянув парус. Здесь они сравнительно удобно расположились в ожидании дальнейших событий. Китобои обрадовались этой передышке; продовольствие и кофе у них были. Один постоянно стоял на вахте, а остальные спали в лодке или что-нибудь чинили. Передвигаться в этом густом тумане было безумием. Люди не имели никакого представления о странах света; эти районы так близки от магнитного полюса, что пользоваться компасом невозможно. Оставалось одно - ждать перемены погоды.

Несчастье случилось неожиданно, когда одни спали, а другие спокойно пили кофе. Дежурил пожилой шотландец, один из старейших китобоев. Голос у него был жуткий, слуха никакого, но, к сожалению, он очень любил петь. Когда он находился на вахте, он всегда пел бесконечные шотландские баллады о горах и девушках [18]. Каждый куплет заканчивался хриплым ржанием. Стоило ему кончить одну песню, как он сразу же запевал другую; в конце концов его товарищи больше не выдержали этой пытки. Когда он заканчивал очередной куплет, все набросились на него с воем и проклятиями, чтобы заставить его замолчать, и, казалось, что сама природа присоединилась к их протесту.

И действительно, как только стало тихо, они услышали нараставший грохот, превратившийся в ужасающий гром. Некоторые из них так и не поняли, что случилось: в несколько секунд огромный айсберг перевернулся и задел их льдину. Шотландец, несший вахту, больше уже не пел - он исчез навсегда. Все остальные находились в лодке, которая оказалась наполовину похороненной под массой льда. На Билла Расу обрушилась огромная глыба, но прежде чем он освободился, льдина с их лагерем развалилась на множество кусков, и люди оказались в воде.

Биллу удалось выбраться на ропак; с удивлением он понял, что даже не ранен. Семундсен подплыл к нему в ледяной воде, и вдвоем они начали разыскивать своих товарищей. Великану норвежцу удалось ухватить двоих и вышвырнуть их на большую льдину. Раса он сказал, что надо найти остальных и спасти лодку. Ему и в голову не пришло бросить товарищей в беде.

Когда они в конце концов собрались, их оказалось семеро из двенадцати, вышедших в лодке. Остальные пять утонули или же их раздавил айсберг. Двое из спасенных находились в очень плохом состоянии. У одного были перебиты обе ноги, а второй, очевидно, сломал себе позвоночник. Они долго не протянули.

Теперь осталось пятеро, а то, что уцелело от лодки, вряд ли могло пригодиться. Пять человек на льдине у входа в пролив Джонса без продовольствия, без спичек и с негодной лодкой! Хорошо было только то, что все они здоровы и сильны, и никто из них не отказывался от борьбы за спасение своей жизни...

Билл Раса и Семундсен рассказали мне, что, кроме них, есть еще трое: датчанин-китобой Том Ольсен, португалец и еще один, которого Раса называл <недоразумением>. Правда, сам по себе человек он неплохой, он даже оказался более сильным и выносливым, чем можно было ожидать, да и нрава веселого, а такое прозвище получил потому, что не был китобоем. Это американец, который отправился на <Хортикуле> из-за нелепой

Петер Фрейхен в 1921 году. Пятая экспедиция Туле

мысли, будто поход за китами увлекательное приключение. Он, кроме того, что-то вроде ученого: собирает растения и животных; к тому же еще и писатель, во всяком случае журналист, да, как видно, и в медицине разбирается. К этому Раса добавил, что американец никогда ни на что не жаловался, хотя и уступал другим в силе. Но ведь он никогда не был моряком. Да, да, добавил Раса с глубоким вздохом, осталось всего лишь пятеро из двенадцати и один из них - сухопутный краб!

* * *

Семундсен и Раса были в плохом состоянии, и мы очень медленно продвигались к их лагерю; по пути они рассказали мне о дальнейших приключениях. Там, на льдине, они как смогли починили свою разбитую лодку. В ней, к счастью, уцелел обычный ящик с инструментами, и они сообразили, что если отрезать верхнюю часть бортов, то можно сделать лодку меньших размеров. Лодка, правда, стала самой причудливой формы. Получилось нечто неуклюжее и перекошенное; кроме того, она протекала, как решето. Троице все время приходилось вычерпывать воду, а двое гребли. Таким способом удавалось держать лодку на плаву около получаса, после чего приходилось снова вытаскивать ее на лед. Другими словами, они целиком зависели от ветра и течения.

Когда туман, наконец, рассеялся, ни <Хортикулы>, ни другого судна поблизости, естественно, не оказалось. Безветренная погода сменилась штормовым зюйд-вестом. Это господствующий ветер в тех местах, и их начало постепенно относить из пролива Джонса в море Баффина. Они ничего не могли сделать, чтобы не удалиться от своего судна. В тот день, когда они попали в туман, они гребли от <Хортикулы> двенадцать часов, но теперь на своей протекающей, уродливой лодке они могли очутиться и в двенадцати днях или в двенадцати неделях от судна. Само собой понятно, что китобои все время держали вахту, поскольку знали, что другие лодки выйдут на поиски; однако у них не было даже одного шанса из миллиона, что их обнаружат среди этих льдов. Шли дни, а их все гнало то на север, то на восток. Вскоре они потеряли всякую надежду найти свое судно. Прошло немало времени, пока китобои обнаружили вдали землю. До сих пор они пользовались лодкой только изредка, когда надо было перебраться с небольшой льдины на более крупную; теперь же им приходилось чаще спускать ее на воду, чтобы подойти ближе к берегу. Правда, все пятеро полностью отдавали себе отчет в том, что им никогда не добраться до земли, если льды не подойдут близко к берегу. Пожалуй, самым ужасным было напряженное ожидание - до тех пор, пока льды внезапно не повернули к острову Саундерса. Китобои так мне и не сказали точно, сколько дней они дрейфовали, не узнал я также, как долго прожили их два товарища. По своему собственному опыту я знал, что рассказывать о подобных ужасных вещах не особенно приятно.

Когда потерпевшие, наконец, добрались до берега, трое из них измотались до крайности, но Билл Раса и Семундсен сразу же пошли на поиски пищи. Услышав крики на птичьей горе, шотландец и норвежец догадались, что там можно кое-что добыть. Малые и даже большие камни всегда срываются вниз, когда какая-нибудь птица, сидящая наверху, поднимается в воздух. Иногда это может вызвать целый обвал, поток которого сметает многих птиц. Их-то и можно подобрать у подножия горы. Убитые птицы всегда свежие, их можно есть без всяких опасений, так как такая <дичь> никогда не залеживается там. В течение нескольких минут к месту слетаются вороны и огромные арктические чайки, да и песцы не мешкают в таком случае. Словно они круглые сутки сидят и караулят, а потом кидаются к месту катастрофы с такой быстротой, что из-за добычи зачастую начинаются драки между птицами и песцами; как правило, побеждают песцы.

Расе и Семундсену удалось найти двух чистиков, которых я взялся нести. Китобои настолько обессилели, что не стали возражать, и мы поплелись вдоль берега. Все мои друзья эскимосы, конечно, хотели помочь чужеземцам. Их очень взволновала эта неожиданная встреча, которая казалась им гораздо более интересной, чем встреча судна, которое уходило восвояси, постояв всего несколько дней. А этим людям нужна помощь, и каждый человек племени сделает для них все, что в его силах. Никто не хотел дать повод чужестранцам рассказывать, когда они вернутся домой, будто бы люди здесь так бедны, что не могут помогать другим. Эскимосы прекрасно понимали, что помочь белым людям, когда они столь беспомощны, - дело чести и не хотели ударить лицом в грязь.

После двух часов довольно медленного хода, мы подошли к небольшому лагерю, где находились трое оставшихся. Один из них, небольшого роста и очень подвижный, поднялся и приветствовал нас:

- О, меня радует, что имеются и другие люди на свете, кроме нас пятерых! - сказал он с надрывом и засмеялся истерическим смехом. Эти слова прозвучали наигранно и неуместно; говоривший сам это почувствовал и смутился. Понемногу он успокоился, однако вдруг смех сменился громкими рыданиями и слезы покатились по его щекам.

- Неужели правда? Неужели вы и в самом деле настоящие люди, - прорвалось у него сквозь рыдания. - Я все время твердил себе, что ничего подобного не бывает, что это вообще несбыточно. Я был уверен, что происходящее с нами - лишь медленный способ умирания. Неужели мы и в самом деле на твердой земле? Мы больше не на льдине?

Все это было совсем не удивительно. Мы понимали, что он израсходовал все свое самообладание и его нервы не выдержали. Теперь, когда пришло спасение, перемена в судьбе оказалась для него слишком резкой. Спустя некоторое время он все же пришел в себя и спокойно прислушивался к разговору. Двое других вели себя совершенно иначе - они производили впечатление людей хладнокровных и уверенных в себе, как будто многие дни, проведенные ими на льду, вполне естественны в их обыденной жизни. Один из них был, как и я, датчанином, но с Фарерских островов, звали его Томас Ольсен, и, к моему удивлению, оказалось, что мы старые знакомые. Я встречался с ним несколько лет назад, когда он был капитаном на своем собственном китобойном судне и состоятельным человеком; его считали суровым моряком и весьма опытным китобоем.

Билл Раса - шотландец, первый штурман - явно был здесь начальником, и я опять подивился тому, что могло случиться с Томом Ольсеном и почему он вдруг оказался простым китобоем, рядовым матросом, как и другие нанявшиеся на <Хортикулу>. Сейчас, естественно, не время для расспросов, да я и вообще не надеялся, что

когда-либо удовлетворю свое любопытство, поскольку гордые моряки, вроде Тома Ольсена, всегда очень чувствительны. Я мог только догадываться, что произошло нечто весьма неприятное, о чем он, вполне понятно, не захочет говорить.

Ольсен был крупным, сильным человеком, и по его виду никто бы не сказал, что с ним приключилось что-то необыкновенное. Он спал, когда мы подходили, и теперь приветствовал меня как старого друга, с которым давно не виделся. Последним из пяти был португалец средних лет по имени Пабло. Португалец плохо говорил по-английски, да и вообще говорил мало, но из того, что он сказал, я понял, что Пабло - опытный моряк и в Гренландии бывал уже не раз. Так же, как Том, он говорил о случившемся с ними, как об обычном деле, и наша встреча на острове Саундерса казалась ему самой обыкновенной.

Но несмотря на их внешнее спокойствие и напускное безразличие, ясно было видно, что нервы их напряжены, и это вполне естественно после всего случившегося. Если бы они все еще находились на льду, им удалось бы еще некоторое время сохранить выдержку. Но теперь китобои были на суше, раскинули лагерь, хоть и весьма примитивный, и тут силы их иссякли. Дальше идти они не могли, ноги у них вспухли и ныли и единственное, чего им хотелось, это немного горячей пищи.

Лодку вытащили на берег; вид у нее был плачевный, но я не мог не подивиться, как здорово они ее починили. Она сослужила свою службу, несмотря на то, что могла держаться на воде не более нескольких минут. Во время дрейфа в море Баффина люди находились в постоянной готовности; лед раскалывался, заставляя китобоев перебираться с одной льдины на другую, и лодка была их единственным спасением. Теперь Билл Раса согласился со мной, что их лодка больше не понадобится. Поэтому мы ее перерубили, используя одну половину на дрова, и вскоре уже сидели у пылающего костра. Все пятеро подобрались поближе к огню, а эскимосы помогали мне готовить еду.

Прежде всего мы налили в котелок пресную воду, которую привезли с собой, и пришельцы буквально ожили, хлебнув горячей воды. Я выпотрошил птиц, но еще до того, как закипела вода, Митсек принес целое ведро яиц с одного из наших продовольственных складов на этом острове. Сварились они скоро, и гости медленно чистили их, как будто не очень хотели есть или не слишком любили яйца. Но стоило им начать, как в них пробудился голод. Китобои уничтожали одно яйцо за другим, и я уже начал опасаться, как бы они не объелись. Известно ведь, что после долгого голодания нельзя наедаться, это может вызвать боли, а иногда даже опасно для жизни. Но старый Меквусак, который немало поголодал на своем веку, заверил нас, что ничего плохого не случится, если есть одни только яйца. Если им дать моржовое мясо или другую тяжелую пищу, тогда дело другое, это действительно опасно, но от яиц ничего не случится. И в самом деле, все моряки хорошо перенесли обильную трапезу. Кроме того, они фактически и не голодали: во время дрейфа им посчастливилось поймать двух тюленей и, расходуя мясо по-хозяйски, они избежали голодной смерти.

Правда, оказалось, что тепло костра значило для них больше, чем еда. У них было такое ощущение, будто они никогда не смогут согреться. Китобои все время мерзли, так как пока находились в море Баффина, лил дождь, и с того дня, когда они ушли с <Хортикулы> им ни разу не удалось просушить одежду. Нет ничего удивительного, что люди выбились из сил!

Когда они наелись до отвала и разлеглись вокруг костра, то порешили передать свою судьбу в мои руки; я должен был нести ответственность за их будущее, а они обещали поступать так, как я посчитаю нужным. Конечно, подобное доверие приятно, но мне было бы еще приятнее, если бы я знал, что мне с ними делать. В Туле мы не имели припасов, да и мяса у нас не так много. Нас было восемь семей, а теперь добавлялось пятеро мужчин, с которыми эскимосы не могли объясняться и которые в их нынешнем состоянии не способны прокормиться охотой. Следовательно, мне надо обеспечить их пищей, а это могло оказаться не таким легким делом.

Сейчас я решил не думать об этих заботах. Мы радовались тому, что пришли на помощь китобоям и, конечно, попытаемся вернуть их на судно; если это не выйдет, они будут вынуждены остаться у нас, пока мы не сумеем переправить их на юг на санях. Теперь мы дали им возможность отдохнуть и отоспаться, и я не стал больше расспрашивать об их приключениях. Я заметил, что их рассказы не совсем совпадают в подробностях. Одни вообще умалчивали о некоторых вещах, а другие каждый раз говорили по-разному, как всегда бывает, когда люди, оказавшись в таком плачевном и опасном положении, как следует еще не понимают, что же произошло на самом деле. Все пятеро знали, что им придется давать показания в суде, когда они, наконец, вернутся домой; тогда-то им придется договориться о едином объяснении, на котором каждый из них сможет настаивать - с одной стороны для того, чтобы никого не выставить в плохом свете, и, с другой - чтобы родственников погибших не подвергать лишней пытке рассказами о страшных подробностях.

Я послал несколько эскимосов за лодкой и двумя моржами, которых мы убили. Когда они пристали к берегу, выяснилось, что остался лишь один морж, а именно тот, которого мы освежевали и положили в лодку. Другого унесло, так как лед перетер веревку, которая тянула его за лодкой. Правда, к нему были привязаны два пузыря, так что мы могли подобрать его позже. Самик все еще лежал на дне лодки между окровавленными кусками мяса. Нельзя сказать, что больному было очень удобно.

Эскимосы большие мастера почти из ничего устраивать укрытия от ветра. Они взяли оставшуюся половину лодки китобоев, которая не пошла на дрова, перевернули ее и перед открытой стороной построили каменную стену, сделав ее несколько шире лодки. Получился такой большой лагерь, что все наши гости могли лежать, вытянувшись во весь рост, в сухом месте и в затишье. Остальные придвинулись поближе к костру, пытаясь согреться. Хотя стояло лето, но мы находились далеко на севере, и как только начинал дуть отвратительный зюйд-вест, он всегда приносил с собой дождь; становилось нестерпимо холодно - это самое ужасное в арктическом климате. До сих пор погода нам благоприятствовала, и теперь мы расплачивались за это. Сильный ветер, переходящий в шторм, вновь нагнал льды. Не успели мы оглянуться, как все море у острова Саундерса, насколько хватал глаз, покрылось льдами. Льдины разламывались, громоздились, создавая торосы, и ничего хорошего впереди не ожидалось. Не было никакой возможности добраться до Туле пока не разойдутся

льды, и нам пришлось отказаться от надежды найти второго моржа. Все наше внимание сосредоточилось на спасении лодки, так как льды могли разнести ее в щепы. Мы употребили все усилия, чтобы вытащить лодку из опасной зоны. Наконец, нам это удалось, и ее можно было использовать для расширения и улучшения нашего укрытия. Лодку поставили набок, напротив разбитой лодки китобоев и пристроили с обеих сторон стены из камня и торфа, соединившие обе лодки. Мачту пристроили в виде конька и поверх всего натянули парус. Чтобы сильный ветер не сорвал его, парус укрепили камнями и большими кусками нашего моржа.

На постройку дома ушло немало времени, но это всегда приятная работа. В Гренландии часто случается, что нужно тратить много часов на постройку места, где можно поспать и отдохнуть всего один или два часа; но радость от сознания, что создаешь себе укрытие от ветра, зачастую дороже самого отдыха.

Увдпуриак развел еще один костер у самой <двери> в дом, и вскоре тепло и дым, заполнив наше убежище, создали подобие уюта. Большинству из нас пришлось, правда, высунуть ноги наружу, под дождь, но наши камики и штаны из медвежьей шкуры воду не пропускали. Рубахи и свитера находились в помещении и скоро высохли, так что нам было сухо и удивительно приятно.

Все время кипели два котелка; они были слишком малы, чтобы все могли насытиться за один раз. Как только котелок освобождался, его сейчас же наполняли опять и ставили на огонь; вскоре мы уничтожили все, что было съедобного в морже. Некоторые спали, а другие следили за кострами. Я не помню, сколько раз сменяли котелки на огне; в конце концов меня начало клонить ко сну, я смежил глаза, но сразу же проснулся от страшного воя Пабло.

Бедный португалец кричал от ужасной боли. Он уснул, лежа на спине у самого костра. Сильный жар растопил смолу, которой были промазаны щели лодки, смола стекла ему на лицо и попала в глаза. Это все равно, что налить на голову кипящей воды; несчастный не мог даже открыть глаз. Мы старались помочь ему, и в суматохе кто-то наступил на ногу Самику. Моя тщательно наложенная повязка была сорвана, и бедняга взвыл от боли, когда коленкой надавили на его сломанную ногу.

Теперь наш друг американец показал, на что он способен. Он наелся, выпался и его истерзанные нервы успокоились. Его звали Рокуэлл Симон, и он взялся теперь за двух пациентов. Необходимо тщательно и осторожно удалить смолу из глаз Пабло, если мы хотим, чтобы он сохранил зрение, сказал он. К счастью, растопленное моржовое сало идеально растворяет смолу. Симон налил теплого жира на глаза Пабло, а после промыл их теплой водой, затем вновь налил жир. Так продолжалось несколько раз. Когда Пабло, наконец, мог видеть, Симон попросил меня продолжать смывать смолу, а сам занялся ногой Самика. Пабло громко вскрикивал каждый раз, как я притрагивался к нему, и я был рад, когда Билл Раса взял на себя дальнейшее врачевание. Как первому штурману Биллу Раса приходилось иметь дело с больными на судне, и он знал, как с ними обращаться. Он проклинал, ругал и всячески поносил несчастного португальца, приказывая ему заткнуть глотку и прекратить скулеж.

- Черт возьми, мне дела нет до твоих глаз! - орал он. - Но, может быть, понадобится и ты, когда мы станем выбираться с этого проклятого острова. Если бы мы были уверены, что сможем обойтись без тебя, то будь покоен [так], я бы не постеснялся бросить тебя здесь, и ты остался бы слепым на всю жизнь. Мне-то что до этого? Пабло привык повиноваться штурману, и именно это спасло ему зрение. Он прекратил вой и, пока Билл его лечил, не издал ни звука. Вскоре португалец уже смог открыть оба глаза. Долгое время веки у него были красные и припухшие, но зрение не пострадало. Пока Раса возился с Пабло, Симон занялся Самиком. Он снял остатки моей повязки, хотя раньше и говорил, что она сделана неплохо, и, взяв щепку от старой лодки, наложил ему шину, под нее Рокуэлл пустил мою шерстяную фуфайку и, наконец, обмотал все это несколькими кусками паруса и тюленьей шкуры; с этого времени нога Самика начала прекрасно заживать.

Все принимали какое-то участие в этих операциях и, естественно, опять проголодались. А шторм крепчал, нагромождая все больше и больше льда на берегу. Место, где мы первоначально спрятали лодку, считая, что она там будет в безопасности, уже покрылось целой горой битого льда.

Двое эскимосов были у птичьей горы, но там все опустело: чистики улетели в море. Шторм прогнал их оттуда, и теперь там ничего нельзя было раздобыть. Это означало, что сегодня птицы покинули остров на весь год. Они откладывали свой отлет потому, что стояла хорошая погода. А когда улетают птицы, то скалы острова Саундерса вымирают. Другие скалы вообще безмолвны, но с этой горы в любое время дня и ночи, пока мы тут жили летом, неслось пение и шум. Вот почему сейчас остров показался мне вымершим, каким бывает кладбище осенью или зимой.

Мы вовсе не рассчитывали долго оставаться здесь и не запаслись лишней одеждой. Теперь, когда шел дождь и все мерзли, мы больше всего сожалели об этом. Так уж всегда получается - выходишь из дому в хорошую погоду и не думаешь, что она переменится.

Вскоре кончились дрова, запас моржового мяса был на исходе; наши гости жаловались на отсутствие табака, которого им не доставало больше всего. Но у нас ничего не осталось. До лета, когда должно было прийти судно, табака всегда не хватало, а в этом году его запас вообще был невелик. Шторм бушевал; казалось, что дождь никогда не кончится. Нам очень хотелось вырваться отсюда, особенно китобоям, которые с трудом переносили вынужденное безделье. Уже много дней они не знали, что с ними станет, когда пробьет их последний час, и переживут ли они следующий день. Китобои тешили себя надеждой, что уж если их действительно спасут, то они сразу получат горячую пищу, сухую одежду и готовую постель; купят себе табак, пива, спирта и отправятся на юг, как только пожелают. Несчастные пережили ужасное время и никак не могли представить, что все это приведет лишь к пребыванию на пустынном берегу холодного острова. Для них все это было страшным разочарованием.

Мне пришлось объяснить им мое положение. Я был единственным европейцем в Туле и жил со своей женой-эскимоской среди ее сородичей. Правда, я имел там факторию, но товаров сейчас в ней не было. Мой друг и товарищ по путешествиям датчанин Кнуд Расмуссен, настоящий владелец фактории, и я создали эту станцию, назвали ее Туле [19], так как она действительно была самым северным населенным пунктом в Гренландии. Мы

завезли туда немного товаров и продавали их, но у нас никогда не хватало их на год, чтобы удовлетворить потребности эскимосов. Они приносили нам шкурки песцов, а мы давали в обмен снаряжение и другие вещи, но дело было явно убыточным. Сейчас Кнуд Расмуссен отправился в Данию, чтобы раздобыть денег и выслать новые запасы. Я не сомневался, что он это сделает, но не надеялся, что товары дойдут до нас, так как состояние льдов в этом году оказалось необычным. Сам я веду крайне примитивный образ жизни, такой, как эскимосы, и ем такую же пищу, как они.

Все это я рассказал Расе и остальным китобоям, которые в свою очередь признались, что все, касающееся меня и моего образа жизни, казалось им непонятным и таинственным. Но уяснив себе положение вещей, они теперь хотят узнать, каким образом можно вернуться в цивилизованный мир. Все пятеро заверили меня, что очень благодарны за ту помощь, которую я им оказал, но их единственное желание - вернуться домой. У троих были жены и дети, и им вовсе не хотелось, чтобы их семьям сообщили, что пропавшие не вернулись на корабль. Поэтому все стремились поскорее попасть на остров Тома в заливе Мелвилла, то есть на условное место встречи, если кто-нибудь отобьется. Остров Тома спас многих китобоев. Вот почему пришельцы спросили меня, можно ли туда добраться и если да, то каким образом. Я объяснил им, что первая наша задача - выбраться с острова Саундерса, и я буду рад принять их у себя в Туле, если никакого другого выхода не будет; однако я предупредил заранее, что там им будет нелегко. Они должны быть готовы жить жизнью эскимосов, должны, как сумеют, помогать в охоте. Я и сам не хотел, чтобы китобои задерживались хоть на день дольше, чем это необходимо, потому что в лучшем случае они станут обузой. Поэтому я обещал, что отвезу их в Упернавик, как только можно будет передвигаться в собачьей упряжке. Оттуда мои подопечные смогут продолжать путь в Хольстейнборг, куда придут до прихода весной первого корабля из Дании.

Я сказал, что мы все рады им помочь, но также предупредил, что я женат на эскимоске и, значит, моя жена будет их хозяйкой. Я добавил, что они должны относиться к эскимосам точно так же, как всегда относился к ним Кнуд Расмуссен и я, то есть с большим уважением и без каких бы то ни было расовых предрассудков.

Американец Рокуэлл Симон ответил за всех. Он сказал, что они благодарны за помощь и гостеприимство, так как сам он поехал на север только в поисках приключений и уже сыт ими по горло. Его самое горячее желание - попасть домой и как можно скорее. Если я могу им одолжить лодку, они попытаются добраться сами. Раса с ним согласился - им всем, по его словам, не терпелось вернуться на судно. Семундсен смотрел на дело более практично. Если он не попадет на <Хортикулу>, то боится, что его надуют, не выдав денежной доли, которую он заработал. А вот если им придется зимовать в Туле, то когда же они окажутся дома?

- Самое раннее - в мае, - ответил я.

- Это слишком поздно, все китобои уже выйдут в море. Другими словами, остается только один выход - наняться на обыкновенную торговую шхуну, а это явно ниже достоинства китобоя. Нет, они должны обязательно добраться до дому! В этом у них нет разногласий.

Конечно, оставалась еще слабая надежда, что появится мое судно <Мыс Йорк>, но при колоссальном скоплении льдов, которые наблюдались повсюду, надежда эта была весьма слабой. Если немного прояснится и проклятый зюйд-вест утихнет и покажется хотя бы небольшое пространство открытой воды, то, может быть, обещал я им, я смогу провести их через залив Мелвилла на юг в Тассиусак.

Мне самому хотелось попасть в тамошнюю факторию. Если наше судно так и не дойдет до Туле, то я смогу купить самое необходимое у нашего друга Серена Нильсена. Особенно мне недоставало спичек, и хотя Меквусак смеялся над нашей изнеженностью, я с большим трудом прожил бы без них. Еще я страшно нуждался в писчей бумаге, но об этом я и не осмеливался заикнуться при Меквусе и других эскимосах. Да и разные другие запасы тоже не помешали бы. Возникал только один вопрос - будет ли в заливе Мелвилла открытая вода, по которой мы смогли бы добраться. Во всяком случае это путешествие связано с большим риском, и я не был уверен, стоит ли мне в него пускаться. Но если китобои зазимуют в Туле, это вызовет большой переполох. Ведь нам придется одеть их с ног до головы в зимние одежды, придется и кормить их, а кто знает, выйдут ли из них мало-мальски приличные охотники, когда им придется пользоваться нашими орудиями лова. Рокуэлл Симон, это мы сразу поняли, совершенно не знаком с жизнью в полярных районах. Чужестранцы могли доставить нам много неприятностей и другого рода - в Туле слишком мало женщин. Нельзя быть в полной уверенности, что мужья-эскимосы согласятся долго терпеть в своей среде присутствие пяти сильных мужчин. Я сказал им о своих сомнениях. Я не против, чтобы Семундсен перезимовал в моем доме. Он зимовал на Шпицбергене, на земле Ян Майена и в Восточной Гренландии. Томас Ольсен - датский капитан-китобой и за него тоже можно не беспокоиться, но вот трое остальных, как я опасался, причинят одни только неудобства.

Когда мы сидели и обсуждали, что лучше всего предпринять, раздался торжествующий возглас:

- Сиглартупок! - закричал один из эскимосов. - Проясняется! Скоро ветер утихнет.

Он стоял на скале, но теперь и мы могли видеть то, что он обнаружил сверху. Особой перемены не наступило, однако ветер ослабевал. Дождь все еще продолжался, но, казалось, что облака в одном месте стали реже и небо светлеет.

Эскимосы решили тотчас же сниматься с лагеря. Они знали, что скоро наступит хорошая погода, и поэтому торопились разобрать наш <дом>. Дождь перестал, и на небе появилось блеклое пятно, за которым угадывалось солнце. Мы доели остатки моржового супа и приготовились тронуться в путь. Лед все еще напирал, но мы знали, что сможем добраться до Туле в лодке, так как шторм сменился штилем. Лед должен разойтись. Мы спустили лодку на воду; к счастью, нашлось место для всех - пяти чужеземцев, семи эскимосов и меня.

Возвращение домой отняло у нас двенадцать с лишним часов; то есть вдвое больше, чем в то время года, когда не бывает льда. На обратном пути мы почувствовали совсем слабый зюйд-ост, а это предвещало, что вскоре льды начнут выходить из фиорда. Правда, нам каждую минуту приходилось вылезать на лед и тащить лодку волоком по льдинам; вообще мы находились значительно больше на льду, чем на воде. Те из нас, кто мог идти, насквозь промокли, отчасти потому, что вспотели, но больше из-за того, что по дороге не раз проваливались. Мы совершенно измотались, но когда увидели дома, то воспрянули духом и продолжали путь; особенно мы

приободрились, когда заметили дым из трубы дома Навараны. Весь поселок встречал нас на берегу, и, когда мы причалили, дети подбежали к самой воде; женщины стояли группой поодаль, полные сознания собственного достоинства и с подобающим случаю безразличным видом. Они, конечно, давно заметили, что среди нас чужестранцы и, придерживаясь хорошего тона, были преисполнены важности. Моя молодая жена Наварана впервые в жизни принимала у себя чужестранцев и чувствовала большую ответственность. Самым важным делом было обеспечить их одеждой. Заботы о еде не причиняли особенного беспокойства. У нас имелось только мясо - его и приходилось готовить. А мяса вполне хватало. С местом для ночлега тоже не встретилось затруднений. Правда, кроме нашей кровати, у нас была только одна постель, но наверху, на чердаке, было просторно и там могли свободно разместиться четыре человека; а шкуры медведей и оленей служили мягкой подстилкой и безусловно хорошо сохраняли тепло.

Я тотчас же принялся готовиться к путешествию в лодке на остров Тома, а китобои наслаждались вполне заслуженным отдыхом. Эскимосы были несколько разочарованы, что никто из чужеземцев не может говорить на <человеческом языке>, но каждый день все без исключения приходили к нам в гости, расспрашивали о китобоях и очень быстро составили о них мнение.

Так как ни один из пяти не знал этих мест, то я дал им специального проводника - мальчика-сиротку Квупагнука (<Снежный воробей>), который жил у меня в доме. Хотя он был совсем еще ребенком, но прекрасно пользовался бичом. Он всегда сопровождал гостей и следил за тем, чтобы их не тронула ни одна собака. Уж не знаю почему, но у эскимосских собак нет никакого доверия к европейцам, может быть, потому, что они плохо пахнут! На самом деле мальчика звали Унгарпалук, и все пользовались его услугами, если требовалось сделать какую-нибудь мелкую работу. С самого раннего детства он был предоставлен самому себе. Когда я в первый раз встретил его, он был одет так причудливо, что ничего подобного я никогда не видел. Кто-то дал ему пару старых камиков, другой - пару негодных штанов из медвежьей шкуры. В таком виде он походил на выставку старой одежды. Кроме того, на нем было такое количество вшей, что никто не хотел взять его в дом, и он жил в старом собачьем сарае. Однако мальчик вовсе не чувствовал себя несчастным. Он великолепно проводил время, все относилось к нему ласково. Его огорчало только одно - он всегда был голоден. Когда охотники кормили собак, кидая им большие куски мяса, наступало время Унгарпалука. Он немедленно кидался в собачью свору и вступал в ожесточенную схватку с самыми большими собаками, такими же голодными, как он. У него на голове осталось множество шрамов от укусов собак, но он знал, как справиться с ними. Именно поэтому его и прозвали <Снежным воробьем>. Он, как и эта птичка, всегда появлялся там, где можно чем-нибудь поживиться. Я привез мальчишку в Туле, отмыл его и одел. Еще увидев его впервые на мысе Йорк, я был возмущен его судьбой. Я созвал эскимосов и начал их стыдить, говоря им, что неужели же у них не хватает шкур, чтобы как следует одеть мальчишку, и разве они не могут прокормить его. Я указал на разницу в жизни их детей и жизни Квупагнука: своих детей они пичкали самыми лучшими кусками добычи и всегда тепло одевали, делая все, чтобы оградить их от неудобств. Они выслушали меня вежливо и терпеливо - эскимосы всегда вежливы и терпеливы, - но потом слово взял Кволугтангуак и поставил меня на место.

- Ты всегда говоришь умные речи, Пит?, но ты говоришь, как новорожденное дитя, и ты действительно ребенок, так как мало жил в этой стране. Никогда не жалею сирот, которым трудно приходится в детстве. Эти трудности закаляют их для дальнейшей жизни. Посмотри на всех великих охотников, которых помнят в нашей стране многие поколения, - они все сироты. Взгляни на Квисунгуака. Его оставили умирать голодной смертью, когда нас постигло бедствие и пропали звери, - он выжил, один из немногих. Ему неоткуда было ждать помощи, и он разыскал зимние запасы песцов. Квисунгуак привык голодать дольше, чем другие люди, он выучился переносить такой холод, что никто в это не может поверить. Поэтому сейчас Квисунгуак не может замерзнуть и выдержит любую стужу. А вот смотри - Ангутидлуарссук. Ни один зверь не чувствует себя в безопасности, когда он выходит на охоту; он умеет прожить без сна дольше, чем любой другой человек. А ты, наверное, скажешь, что у него безрадостное детство. Вот среди нас стоит Иггиангуак. Он меньше всех нас ростом, чужие считают его хилым и думают, что в нем нет никакой силы. А ведь это лучший медвежатник в <Стране людей>, потому что он никогда не устает и умеет передать это свойство своим собакам. Его детство знают все, и нет смысла попусту тратить слова, рассказывая о нем. Если ты удивлен его силой и выносливостью, Пит?, спроси его сам, в чем причина этого.

- Пусть другие скажут, - сказал Иггиангуак. - Очень возможно, что тело человека принимает необходимые размеры, если человека в положенное время обеспечивают достаточным количеством еды. Никто еще не видел, чтобы из щенят, которых плохо кормят, вырастали крупные собаки. Они, правда, привыкают долгое время обходиться без пищи, но способность расти у них слабеет. То же случается с некоторыми людьми, но эти люди потом чувствуют себя более счастливыми, так как они обманули смерть.

Все с улыбкой посмотрели на Иггиангуака, который был великим человеком, хотя из-за его маленького роста в это трудно поверить. Когда он был ребенком, его мать осталась одна в поселке, так как отец погиб на охоте. У матери было четверо детей, и никто ей не помогал. Все знали ее историю: она повесила троих детей, чтобы спасти их от голодной смерти. Ее часто приводили в пример как образец материнской любви. В ту пору Иггиангуаку исполнилось восемь лет и он не выражал никакого желания быть повешенным - так рассказывала его мать. Он обещал не быть в тягость и даже помогать, что и сделал. Они питались травой, заячьим пометом и мхом, пока, наконец, их не выручили; но он уже никогда не смог вырасти, так и остался недоростком. А разве с моей Навараной не произошел подобный же случай? Она тоже видела, как повесили ее маленького брата; много-много месяцев Наварана тоже питалась травой, обрезками кожи и заячьим пометом. Сколько раз ее мать Касалук говорила ей, что лучше бы уж она умерла. Но Наварана твердо говорила <нет>, и вряд ли увидишь более толковую и расторопную женщину.

- Ты сравнивал <Снежного воробья> с нашими детьми, Пит?, и в этом ты прав, - говорили эскимосы. - Мы плохие родители, не закаляем наших сыновей, и наступит день, когда они не поблагодарят за это своих отцов. Мы знаем, что в любую погоду надо отправлять их из дому, надо, чтобы они переносили голод и холод, но видно все мы

утеряли мудрость наших предков, поэтому люди теперь изнежены и в них нет прежней силы духа. Наши отцы посылали нас в пургу за припрятанными запасами, а мы своих детей не посылаем. Сейчас мы боимся потерять детей, подвергая их большой опасности, поэтому они не умеют уже сражаться с диким зверем, не имея в руках подходящего оружия. Белые изменили характер наших людей. Раньше дети занимались тем, что разводили огонь, а это было трудно, но теперь вы снабдили нас спичками. Было время, когда людям приходилось отправляться в Паркер Сноу Бей и другие места, чтобы раздобыть камень для горшков и светильников. А теперь за шкуры песца можно получить готовые горшки и лампы. Это доказывает, что кавдлунаки безрассудны, а то с какой стати они отдавали бы столь ценные вещи? Но людей это сделало ленивыми и изнеженными. И ни у кого не хватает разума избежать этого и не делать своих сыновей еще более неприспособленными. И пусть сострадание не приходит к тебе, когда ты видишь сирот, которым приходится биться за кусок мяса. В будущем они станут великими охотниками.

Несмотря на это, я взял Унгарпалука с собой в Туле, и мы очень полюбили <Снежного воробья>. Я не знаю, стал ли бы он искуснее других - сирота умер еще мальчиком, но Унгарпалук всегда великолепно справлялся с собаками, и они его слушались. Собаки знают, кто их боится; но того, кто умеет пользоваться бичом, они слушаются, и Квапагнук знал, как управляться с ними. Он сам умел найти выход из любого положения. Для китобоев он был хорошим проводником и заботился, чтобы собаки не причинили им вреда. И если уж наши гости могли чего-нибудь опасаться, то лишь тогда, когда дело касалось вдовы Алоквисак, самой сильной женщины из всех, которых мне когда-либо приходилось встречать. Она ездила с адмиралом Пири во многие экспедиции, и он тоже удивлялся ее силе. Алоквисак была необычайно искусна в постройке каменных домов; таскала такие камни, которые часто двое мужчин с трудом могли сдвинуть с места. Несколько лет назад она потеряла мужа; с тех пор ей не приходилось жаловаться на недостаток мужского общества. Все приезжающие погостить в Туле могли рассчитывать на ночлег в доме вдовы. Сейчас Алоквисак занималась приготовлением кожи и других вещей, необходимых китобоям для путешествия на юг. Им надо было заготовить по две пары камиков и новые штаны; вся работа проходила под присмотром Навараны.

- Мне думается, что до отъезда чужеземцев не плохо бы взять Алоквисак к нам в дом, - сказала Наварана. - У себя ей не о ком заботиться, у нас она может шить и по ночам, а отоспится же после.

Алоквисак пришла в восторг от такого предложения, но у нее были и свои намерения.

- Помни, я ведь вдова, - сказала она, улыбаясь, - и должна быть благодарна, если случай посылает мне мужчин; я рада позаботиться о белых гостях. Оказывать должное гостеприимство - дело чести!

Но Наварана твердо стояла на страже добродетели не столько из моральных принципов, сколько из практических соображений: вдова нужна, чтобы шить, а не развлекать гостей. Я сказал Наваране, что чужеземцев надо обеспечить полным снаряжением в кратчайший срок, не теряя попусту время, оставшееся до нашего отъезда на юг.

Кроме того, я послал гонца на санях через глетчер к мысу Йорк, чтобы предупредить жителей поселка, что мы скоро пройдем мимо них на лодке. Гонцу я разрешил еще добавить, что у белых людей не хватает некоторых предметов одежды, но вряд ли жители мыса Йорк смогут помочь им, а это, конечно, весьма прискорбно, так как чувство благодарности, наверно, заставило бы китобоев каждый год приезжать туда. Я был уверен, что такой маневр заставит жителей мыса Йорк постараться и перещеголять обитателей Туле в гостеприимстве и помощи. А если и после этого у нас кое-чего не окажется, то я рассчитывал на помощь жителей мыса Мелвилла. Нам еще не хватало спальных мешков, а уже становилось холодно, и путешествие в это время года через залив Мелвилла в открытой лодке могло быть весьма неприятным.

Я решил, что доставлю китобоев прямо к острову Тома, и возможно, что мы встретим там какой-нибудь корабль, если и не <Хортикулу>, то по крайней мере судно, на котором эти пятеро сумеют уехать на юг. В этом случае я смогу достать на судне хотя бы самые необходимые товары. Я знал, что всего нужного мне не могут уступить, ведь они возвращаются из летнего плавания и у них туго с продовольствием, но немного спичек и керосина у них найдется, а может быть, и еще что-нибудь.

Я не рассчитывал вернуться в Туле на лодке. Время года было позднее, а залив замерзает в конце сентября. Я намеревался добраться по льду с острова Тома к мысу Седдон в южной части залива Мелвилла. В тот год там жили мои лучшие друзья из рода Навараны - двое ее дядюшек. Они, конечно, примут меня с распростертыми объятиями; у них я могу оставить свою лодку до весны. Если же залив замерзнет раньше, чем я сумею добраться до мыса Седдон, то я оставлю лодку у острова Тома; надо полагать, что полярные медведи не обойдутся с ней слишком сурово. Возникал еще один очень важный вопрос - кого из эскимосов мне взять с собой. Я должен отобрать опытных людей, но не слишком много, так как лодка невелика. Мне не хотелось брать женатых, ведь мы возвратимся только в конце зимы, а мужьям надо прокормить свои семьи и, помимо этого, добыть песцов на продажу. Расстояние до острова Тома велико, и возможность вернуться обратно на лодке в этом году исключалась. Но мы не могли взять с собой сани с упряжкой, чтобы вернуться домой по льду на собаках. До последней минуты я тайне надеялся, что мое судно покажется за мысом Атолл. Но несколько бывалых эскимосов ходили на Пинго и уверяли меня, что в этом году слишком много льда. Пожалуй, это был самый плохой год из всех, проведенных мной в Гренландии: этим летом ни одно судно не смогло пробиться в Туле. Китобои тоже рассказали, что весной они безуспешно пытались подойти к мысу Йорк.

В лодке, кроме меня, должны поместиться пять китобоев; поэтому я решил взять только трех эскимосов. Мой выбор в первую очередь пал на незаменимого Меквусака. Он был стар и поэтому не особенно нужен в Туле, но его опыт представлял огромную ценность для нас в предстоящем путешествии. Он знал каждый уголок в заливе Мелвилла, знал бесчисленное количество пещер, неизвестных другим, где можно переночевать, он предсказывал погоду лучше, чем кто-либо другой. Вопрос о втором эскимосе мы обсуждали вместе с Навараной и остановились на Квангаке, который недавно убил другого эскимоса и взял его жену. Для его репутации очень полезно поехать в экспедицию с пятью белыми; это придавало бы ему больший вес, и люди перестали бы болтать об убийстве, о котором следует забыть. Женщина, которой он добился таким, несколько необычным способом, по словам

Навараны, была толстая, ленивая и глупая. Поэтому ей бы тоже пошло на пользу остаться на некоторое время без мужа. В наше отсутствие она могла бы пожить у Навараны, а уж моя жена не даст ей спуска во всем, что касается расставовки капканов на песцов, шитья и другой работы.

Квангак был другом детства Навараны. Вместе они пережили трагические дни в ту пору, когда последний большой голод посетил страну. Наварана была еще совсем девочкой - она жила с дедом Меквусаком и бабушкой Амой. Все вместе двинулись на юг, чтобы спастись от голодной смерти. Их соседи ушли на месяц раньше Меквусака; у него еще оставалось немного мяса, которое он разложил по капканам как приманку для песцов. Прежде чем уйти, он хотел собрать это мясо. По пути они свернули на глетчер за мысом Александера и набрали на несколько снежных домов.

Там они нашли двадцать человек погибших от голода во время снежного бурана. Это были люди из их поселка и среди них родной брат Меквусака - Квумангапик. Только двое были еще живы - Квангак и его мать Куллабак. Меквусак не мог взять обоих в сани - у него в упряжке осталось лишь несколько изголодавшихся собак. Куллабак находилась при смерти, поэтому он взял сына и оставил мать. Они благополучно спустились с глетчера и доехали до Сарфалика; там Меквусак оставил детей в старом холодном каменном доме, с прорванными пузырями в окнах. А сам вместе с несчастной женой поехал на поиски тюленей.

Дети голодали, сильно мерзли и им было страшно. Квангак был уверен, что он скоро умрет, как его спутники на глетчере; Наварана вдруг увидела, что он вытащил свой нож и отсек себе один из пальцев на ноге. Раз уж все равно придется умирать, сказал он, то уж лучше умирать по частям и проследить, как это происходит. Пусть сначала умрут пальцы, а потом постепенно все тело. Наварана пришла в ужас, но в то же время это произвело на нее большое впечатление. Она раздумывала, не последовать ли ей примеру Квангака, но в этот момент снаружи раздался крик, выведший детей из оцепенения. Они взглянули друг на друга и сначала решили, что их зовет смерть; потом прислушались, и Наварана узнала голос бабушки. Меквусак убил моржа, и все теперь могли вдоволь поесть. Поэтому у Навараны все пальцы уцелели, а у мальчика осталось только девять. Когда на следующее утро Наварана проснулась, Квангак исчез. Он ушел, очевидно, еще с вечера, когда все трое спали. Мальчик взял с собой большой кусок мяса и пошел обратно к матери. Куллабак была еще жива, он дал ей мяса, чтобы восстановить ее силы. Но идти она не могла, поэтому Квангак взял самые маленькие сани, положил на них мать и привез ее в Сарфалик; там они присоединились к Меквусаку и держались вместе, пока не доели моржа. С тех пор Наварана и Квангак стали близкими друзьями, и сейчас она велела ему отправляться со мной, хотя он предпочел бы остаться с молодой женой. Но он привык слушаться Наварану, которая всегда, может быть и не очень тактично, напоминала ему, что она и ее дед спасли Квангаку жизнь. Я никак не мог понять, каково было участие Навараны в спасении Квангака - ведь она только плакала вместе с ним и видела, как он отрезал себе палец.

Третьим я выбрал Итукусука - хорошего друга и опытного путешественника. Он был сильным, ловким и к тому же неженатым. Раньше он был женат на известной красавице Арналуак, дочери Кволугтангуака, одного из великих охотников Гренландии. Итукусук тоже считался уважаемым охотником и владел прекрасной собачьей упряжкой; но он оказался слишком уступчивым, и теперь у него не осталось ни жены, ни собак. Он все потерял, пока два года путешествовал с доктором Куком. Доктор Кук понравился эскимосам, так как у него было снаряжение и имущество, которое он привез в Эта. Итукусук считал, что его особо отличили, когда Кук выбрал его и Апилака в свою экспедицию на Север [так]. Доктор Кук обещал им щедрое вознаграждение по возвращении, поэтому оба молодых человека очень гордились, когда уезжали. Жен они оставили в семьях.

Через некоторое время в Эта приехал адмирал Пири; это была его последняя полярная экспедиция, во время которой он сделал еще одну попытку достичь Северного полюса. Все эскимосы глубоко уважали <Пиули>, как они звали Пири; они считали его полубогом и боролись за честь ехать с ним. Пири нужны были женщины, чтобы шить и выделывать шкуры. Арналуак, соломенная вдова, с радостью предложила свои услуги. Во время долгого путешествия за ней настойчиво ухаживал Квидлугток, один из самых ловких молодых людей в экспедиции Пири. <Пиули> очень любил проворного юношу и, когда экспедиция закончилась и Квидлугток попросил отдать ему Арналуак в придачу к тому, что он получил, Пири согласился и объявил всем присутствующим, что это навеки, независимо от того, станет ли Итукусук по возвращении требовать жену обратно или нет [20].

Когда Итукусук вернулся, не прибавив славы к своему имени, да еще ничего не получив от Кука - только два коробка спичек, - то он, конечно, не имел никаких оснований требовать жену обратно. Эскимос сделал слабую попытку, но заявление Пири о том, что тот потерял все права, оставалось в силе, и Итукусук отступил. Пока Кук находился в отъезде, его поверенный в Эта Рудольф Франке обменял все имущество экспедиции на шкурки песцов; Франке уехал на юг с кораблем Пири, заплатив за проезд выменными шкурками. Франке почти лишился рассудка от холода и одиночества. Куку пришлось пересечь залив Мелвилла на санях. А Итукусук остался не только без жены и обещанного вознаграждения, но над ним, бедным, еще и открыто посмеивались - ведь он все уступил. И тех эскимосов, которые были с Пири, когда он, наконец, достиг цели своей жизни - Северного полюса, вознаградили, как никогда раньше.

Итукусук был слишком добродушен от природы, чтобы сердиться. И хотя он все принял с улыбкой, ему очень хотелось ехать на остров Тома, потому что путешествие с пятью китобоями возвысит его в глазах эскимосов и, может быть, заставит их забыть несчастный эпизод с доктором Куком. Он будет бесценным спутником. Он не только блестящий путешественник и прекрасный охотник, но и обладает еще одним качеством, которого нет ни у одного из мужчин, - он шьет, как женщина.

Имея таких людей, я знал, что мы доберемся до острова Тома, если на то будет хоть какая-нибудь возможность. Меквусак, конечно, займет место у руля, мы трое сядем на весла. Пять китобоев привычны ко всякой работе в открытой лодке. У меня был парус, но вряд ли от него будет большая польза, так как кругом слишком много льда и даже при попутном ветре нельзя идти под парусами.

Приближался день отъезда, но тут обнаружилось, что китобоям ничуть не надоело в Туле. Они настолько окрепли, что их желания уже не ограничивались едой и питьем. Они явно получали удовольствие от общества

вдовы Алоквисак. Она шла им навстречу и умела привести их в хорошее настроение; и хотя из-за этого лишалась ее милости часть молодых неженатых эскимосов, они не роптали, считая это жертвой, принесенной на алтарь гостеприимства.

- Белые люди сильны и у них бурные порывы, - объясняла Алоквисак. - Они долго находились без женщин, поэтому мы обязаны проявить сострадание и помочь им.

Когда все приготовления закончились, Томас Ольсен предложил мне взять Алоквисак в поездку. Ее умение шить может пригодиться нам в пути, сказал он серьезно и убедительно.

Я не стал спорить о достоинствах вдовы, я просто категорически заявил - если вы сами не можете шить и чинить свои штаны, то лучше вам остаться в Туле!

Когда мы уже приготовились к отправке, Билл Раса и Семундсен попытались отблагодарить Наварану за гостеприимство и помощь; но эскимосская женщина вовсе не хочет, чтобы ей оказывали какие-то знаки благодарности. Ее лишь очень смутит, если мужчина открыто покажет, что помощь какой-то жалкой женщины была ему необходима. Наварана ответила только, что настал час отъезда. Этот момент стал вехой в жизни Навараны. Ее родная мать приехала в Туле с парой камиков, сшитых ею самой. Моя маленькая жена придирчиво оглядела их со всех сторон и проверила швы, как она делала со всеми вещами, сшитыми для китобоев. Но для Касалук это было неслыханным оскорблением - она считала, что шьет намного лучше Навараны. Не в состоянии произнести ни слова, она покинула дом, сославшись на дела. Однако все присутствующие поняли, что Касалук вне себя. Всем женщинам стало ясно, что произошло; все смотрели на Наварану, которая тоже была крайне возбуждена. Потом она сказала мне, что об этом случае узнают все женщины в Гренландии. Но, объяснила она, случилось так, что у нее не было выхода, хотя она и понимала, что публично оскорбляет свою мать. Когда отвечаешь за свое шитье, то приходится проверять камики, сшитые даже родной матерью. Кроме того, двое китобоев стояли рядом и если бы она дала им камики, не осмотрев их, у них, вполне вероятно, могло создаться впечатление, что она проявляет к их снаряжению меньше внимания, чем следует.

Однако истинный смысл этого эпизода лежал глубже: Наварана была женой <человека, который думает за весь народ>; это почетное имя мне присвоили без достаточных оснований, но Наварана считала необходимым дать всем понять, что она - <первая дама> в стране. И хотя по натуре Наварана была прямодушна и приветлива, она решила, что обязана ради меня показать свое превосходство над всеми женщинами племени - в том числе и над родной матерью.

Когда все было готово, я сказал Наваране, что, пожалуй, погода подходящая и не пора ли садиться в лодку. Только это и было сказано на прощание. Эскимосы не выражают своей печали, когда они расстаются, это дурная примета для путешествия. Наварана не попрощалась со мной, она только улыбнулась и сказала, что ей вдруг захотелось попробовать свежего лосося. Поэтому она отправится на маленькое озеро за Туле и попытает счастья в ловле. Пока мы переносили в лодку оставшееся снаряжение и рассаживались по местам, мы видели ее и еще нескольких женщин. Не оборачиваясь, они поднимались на скалу. Мужчины, которые оставались дома, делали вид, что не замечают наших приготовлений к отъезду. Они вели себя так, будто мы собираемся покататься по заливу. Только одна вдова Алоквисак попрощалась с нами и пожелала счастливого пути. Наши эскимосы в лодке смеялись до упаду, когда она стояла одна на берегу и смотрела нам вслед. Бедная Алоквисак, сказал один из них. Ясно, что она забылась и ведет себя так неприлично только потому, что ей никогда больше не придется пригласить к себе кавдлунаков.

Глава 4 ОДИН НА ОДИН С МЕРТВЕЦОМ

Когда мы вышли из Вулстенхолмского фиорда, подул северный ветер, и мы смогли проплыть первую часть нашего долгого пути под парусом. Не без труда нам удалось разместиться в лодке, где, кроме девяти путешественников, находилось и все наше снаряжение. В последнюю минуту я решил взять с собой мою верную собаку Эрсулик. Этот пес жил у меня с самого моего приезда в Гренландию. Он был вожакom собачьей упряжки и мог служить прекрасным ночным сторожем. Если бы поблизости, пока мы спим, появился медведь, то Эрсулик разбудил бы нас. А если придется двигаться по льду, он сможет тащить часть поклажи.

Каждый раз, как я попадаю в Вулстенхолмский фиорд, у меня бывает приподнятое настроение. Забываешь обо всем неприятном, о том, что сани едва

передвигались по ропакам, что часами приходилось просиживать над ледовыми отдушинами тюленей, забываешь о безнадежной борьбе с буранами и метелями, когда, кажется, нет сил поднять ногу, чтобы сделать следующий шаг. Единственно, что помнишь и бережно хранишь в памяти, - прекрасное ощущение: собаки вдруг почуяли, что дом близок и с новыми силами несут вперед сани, а люди отсчитывают часы до того момента, когда первый раз мелькнут огни домов в Туле. Вначале лодка шла легко, и мы двигались быстро. Меквусак сидел у руля с величественным видом, хотя и не имел ни малейшего представления о парусном деле. Он мог только держаться заданного курса, но считал недостойным, потакая ветру, поворачивать лодку то в одну, то в другую сторону. Вскоре мы обогнули мыс Атолл, и гора Туле скрылась. Странствие началось. Нам было хорошо известно, что в свое время многих отставших

Пятая экспедиция Туле. 1921 год. Слева направо. Верхний ряд: Биркет-Смит, Матиссен, Бангстед. Нижний ряд: Педерсен, Расмуссен, Фрейхен, Ольсен

китобоев отправляли под парусами на остров Тома в заливе Мелвилла, но мы их потом не встречали и потому не знали, скольким из них удалось достичь цели. Эскимосы пускались в это путешествие только на санях.

Когда мы обогнули мыс Атолл, ветер стал еще благоприятнее, он дул почти точно в корму, но на пути попадалось все больше и больше льдин. Не раз нам приходилось огибать большие льдины; мы убрали парус и двигались на веслах, медленно пробираясь зигзагами по небольшим протокам между льдин. Итукусук и Квангак взяли с собой каяки; теперь они переселились в них, чтобы искать для нас открытые протоки. Время от времени мы приставали к айсбергу, кто-нибудь взбирался на него, чтобы осмотреть окрестности и разобраться в обстановке, но выяснялось одно и то же: льды и льды - насколько хватал глаз!

В конце концов мы вынуждены были пристать к берегу, чтобы отдохнуть и обсудить, что делать дальше. После того как мы натолкнулись на паковый лед, мы почти не продвинулись вперед, и сейчас настало время немного поспать. Итукусук взобрался на скалу и вернулся оттуда с очень неутешительным известием: весь пролив Смита забит льдом - такое случается только раз в десятилетие. Северный ветер гнал паковый лед к югу, нагромождая его вдоль берегов. Но мы уже не могли вернуться назад: пытаться идти против ветра и движения льдов слишком безрассудно. Раз мы начали путешествие, надо его продолжать, и к счастью, Итукусуку удалось обнаружить узкий проток, идущий вдоль берега к югу. Мы снова пустились в плавание, лавируя и протискиваясь между льдинами, пока совершенно неожиданно не попали в широкую полосу открытой воды, простиравшейся до самого берега; ей, казалось, нет конца. Мы тотчас поставили парус и поплыли на юг; лодка двигалась быстро, пока шли по открытой воде. Как только льды снова начали смыкаться, мы решили высадиться на берег, так как очень нуждались в отдыхе. Я согласился с эскимосами, что Пацитсок - самое лучшее место для лагеря, там, если потребуется, можно ждать пока улучшится ледовая обстановка.

* * *

Пацитсок - название небольшой, но замечательной пещеры. Эскимосы рассказывают, что в давние времена эта пещера была больше всех пещер Гренландии, вместе взятых. Тогда в ней можно было поставить чум, и он даже не заслонял прекрасного вида на море. Но люди использовали Пацитсок не по назначению, они оскорбили духов, и это имело серьезные последствия. По преданиям, рассказанным старыми эскимосами, которые общались с духами, Пацитсок принадлежала Торнарсуку, владыке земли и гор. В награду за разрешение жить в его пещере Торнарсук требовал, чтобы люди каждый раз оставляли бы для него немного мяса. Однако люди часто забывали это делать. Однажды случилось, что молодые и несмышленные охотники, остановившиеся в пещере, оскорбительно отозвались о духах. Они высмеивали Неквивик, старую владычицу морей, говоря, что Торнарсук гораздо сильнее ее.

Неквивик живет на дне моря и посылает всякого морского зверя людям, чтобы они охотились; она может носиться по морю со страшной быстротой. Бедный Торнарсук, владыка земли! Он, конечно, не может так быстро передвигаться, ибо ему приходится пробираться через утесы. Когда Неквивик услышала, как пренебрежительно отзываются о ней молодые охотники, то решила показать им свою силу. Она вызвала страшное моретрясение, которое поколебало всю Гренландию. Торнарсуку пришлось скрыться в самой глубине горы, и он так испугался Неквивик, что больше уже не смел показываться.

Когда люди вернулись в Пацитсок после моретрясения, они сразу не могли отыскать пещеру. Старый Отония обычно ставил песцовые ловушки близ Пацитсока, поэтому первым прибыл туда зимой. Он подумал, что позабыл дорогу к пещере, хотя знал это место как собственный дом, и стал опасаться, что кто-нибудь разорил его ловушки. Обойдя скалу, он снова вышел на лед, чтобы взглянуть на вершины гор, и тогда увидел, что не ошибся. Но пещеры больше не существовало. Зимой многие охотники, побывав там, рассказывали то же самое - пещера исчезла. И только с возвращением солнца и света выяснилось, что же произошло. Неквивик в гневе выбросила на берег так много обломков скал, что они загромодили всю пещеру и завалили вход в нее.

Эскимосы все же расчистили вход и опять стали пользоваться пещерой Пацитсок для ночлега. Сейчас она значительно меньше, чем была; половина ее завалена обломками скал, такими большими, что человеку не под силу сдвинуть их, но все же места достаточно. С годами люди построили удобные нары внутри пещеры. Это лежанка из небольших камней, покрытая толстым слоем мха и сухой травы. Каждый год тот, кто приходит первым, должен заменить мох и сено на нарах.

Мы вытащили лодку на берег и, оставив собаку стеречь ее, проникли в пещеру. Когда-то вход в пещеру был настолько велик, что человек свободно мог войти в нее не сгибаясь, но теперь нам пришлось вползать через низкое и узкое отверстие. Очутившись внутри, мы зажгли лампы, развели огонь и занялись приготовлением пищи. Нас охватило приятное тепло, и это очень обрадовало китобоев, особенно Рокуэллу Симона. Он уже совершенно оправился после тяжелых переживаний на льдине. Дни, проведенные в Туле, научили его любить эскимосов, а теперь он находился на седьмом небе оттого, что ему довелось переночевать в арктической пещере. Рокуэллу все представлялось романтическим приключением.

Все уселись вокруг огня, а Рокуэлл подошел к проходу в смежную пещеру, расположенную налево от входного лаза. Туда вело только одно отверстие, и там редко кто устраивался. Когда Рокуэлл приблизился к этой пещере, мы услышали необычный гул, донесшийся оттуда. Китобои встревожены повскакали с мест, но Меквусак отнесся к шуму спокойно, с чувством явного превосходства.

- Скажи, что там все еще живет Торнарсук, - обратился он ко мне. - Объясни им, ведь белые люди, конечно, не знают того, что Торнарсук - владыка земли и гор, но он не причинит никакого вреда, если ему оставить немного мяса. Бояться нечего!

Я перевел его слова Рокуэллу, который проявлял признаки беспокойства, когда грохот снова прокатился по всей пещере. Он прекратил свои исследования и уселся рядом с нами у огня. Я хорошо знал, что в пещере всегда слышится приглушенный гул: вероятно, это отзвуки передвижения льдов или камней. Но вдруг мы все замолчали и стали напряженно прислушиваться - звук послышался совсем близко, а потом стал постепенно исчезать, как будто уходил все глубже и глубже в скалу. Рокуэлл нерешительно рассмеялся, словно хотел подшутить над

старинными поверьями эскимосов.

Семундсен первым нарушил молчание. Он говорил медленно и задумчиво.

- Ты никогда не должен насмехаться над тем, что эскимосы рассказывают тебе, - сказал он Рокуэллу. - Их предания могут показаться наивными, но ведь ты не знаешь этой страны. И ты не испытал темноты полярных ночей и зимнего одиночества. Никто не знает, какие странные мысли приходят человеку, когда он остается совсем один. Человек должен иметь крепкие нервы, если он собирается провести зиму в Гренландии в полном одиночестве. И если он не выдерживает... Иногда ему приходится расплачиваться всю жизнь. Поверь мне, я знаю это. Вот что случилось с моим самым лучшим другом... Семундсен замолчал, смотря прямо перед собой, как будто вглядывался в прошлое; мы попросили его продолжать. Именно здесь, в странной пещере Пакитсок, где глухой шум отдавался в ушах, рассказ Семундсена произвел на нас особенно сильное впечатление.

Профессор Росс Марвин

ИСТОРИЯ УЛАВА

Трудно сказать, что влечет человека в полярные страны, заставляя его из года в год возвращаться туда, пока, наконец, не оказывается, что там он провел уже полжизни. Иногда это объясняется семейной традицией - дети хотят походить на отцов; да и пусть они лучше уж уходят и становятся хорошими охотниками, чем, оставшись дома, сделаются ворами. Но не стоит завидовать судьбе охотников. Их заработок весьма скуден, и многие из них, оставшись дома или нанявшись на корабли, идущие на юг, могли бы и заработать куда больше, и жизнь их была бы куда спокойнее, чем здесь, в условиях полярной зимы. Но есть нечто, что влечет человека на Север, чего он и сам не поймет, если проживет здесь только год или два.

Есть люди, которые неспособны жить на севере в одиночестве. Таким лучше не возвращаться сюда. Есть люди, которые разочаровываются, узнав, что жизнь здесь вовсе не состоит из непрерывных приключений. Конечно, жизнь охотника за пушниной совсем не та, что на родине, но самое главное отличие полярных стран - постоянное однообразие: холод, тьма и одиночество.

Большинство охотников, которых я знал в районе северных морей, ничем не отличалось от обычных людей - это были здоровые и нормальные мужчины. Они, правда, могли перенести зимовку, но часто полярная ночь действовала им на нервы. Если человек четыре месяца находится в полном одиночестве, когда кругом царит вечная тьма и солнце ни разу не показывается, то случается, что самое незначительное нарушение привычного распорядка доводит до иступления.

Я знал человека, который совсем лишился рассудка, когда остался наедине со своими мыслями. Он был умелым ловцом-капканщиком и лучшим в мире товарищем. Не одну зиму он провел в Восточной Гренландии. Звали его Улав, фамилии его я не буду называть, так как он еще жив. В Гренландии он чувствовал себя как дома. Улав не был слишком одаренным человеком, особенного образования он тоже не получил, не мог похвастаться и богатым воображением, но охотником был, как говорится, отменным.

Я знал Улава много лет, и все эти годы его напарником во время зимовок в Гренландии оставался Томас Вольд. Они отправлялись с судном, идущим на лов тюленей, и жили вдвоем за много сотен миль от человеческого жилья; ловцы расставляли капканы на песцов; следующей весной их подбирали и вместе с добычей доставляли домой. Но однажды напарники поссорились из-за дележа добычи, и потом каждый пошел своей дорогой. На следующий год Улав не поехал вместе с Томасом Вольдом, а взял себе нового компаньона.

В тот год я плавал на <Голубом ките>, который и высадил охотников в Гренландии. Вскоре, после того как Улав погрузился со всем своим снаряжением, он представил мне своего нового партнера. Звали его Густав Кракау, и с первого взгляда стало ясно, что он не создан для Восточной Гренландии.

Позже Улав рассказал мне, что Густав Кракау - датчанин и никогда раньше не покидал своей страны. У него имелись деньги, и по всему было видно, что он платил не только за свою часть снаряжения. Очевидно, поэтому Улав и взял его с собой, хотя не в его привычках было приглашать на зимовку горе-охотника. Но теперь я думаю, что дело заключалось не только в деньгах, но и в том, что Густав Кракау умел расположить к себе людей и прекрасно рассказывал. Даже старые охотники на тюленей примирились с его присутствием и отзывались о нем хорошо.

Улав и его напарник взяли с собой тьму всякого снаряжения, значительно больше, чем обычно берут на одну зимовку, и мы все подтрунивали над Улавом по этому поводу. <Не иначе, как он стал миллионером! - говорили моряки. - Взгляните только на эти роскошные запасы: сушеные фрукты и всевозможные консервы!> Все это мы погрузили на борт и на следующее утро вышли в море.

В первый же день плавания Кракау, как канарейка, заболел морской болезнью. Правда, сначала никто по этому поводу ничего не говорил, но Улав был очень огорчен. Ему казалось, что раз он взял напарника, который страдает морской болезнью, то это задевает его честь, но его недовольство только ухудшило положение. Весь экипаж судна стал посмеиваться над Улавом и справляться о здоровье его нового <закаленного> партнера. Кракау лежал на койке, и его нельзя было оторвать от нее до тех пор, пока мы не попали в спокойную воду, - тогда он пришел в себя.

Как только он появился на палубе и мы с ним поговорили, выяснилось, что Кракау интересный человек.

Оказалось, что он знает почти обо всем на свете. Кракау никогда не говорил о себе, но можно было понять, что он получил настоящее образование и происходил из хорошей семьи. Он захватил с собой массу книг, которые собирался прочесть зимой, - ничего подобного ни один охотник никогда не делал. Часть команды снова стала потешаться над Улавом, называя эти книги <Гренландской библиотекой>. Улав, естественно, не мог гордиться таким багажом. Сам он, надо полагать, после окончания школы не прочел ни одной страницы, но все же держал сторону своего партнера и говорил, что пока еще нет закона, запрещающего читать книги, если это кому-нибудь нравится. Да и очень может быть, что нам всем не мешало бы время от времени прочесть книжечку-другую! говорил он. Мы заметили, что уже и тогда Улав находился под некоторым влиянием Кракау. И тем не менее все в

кубрике сошлись на том, что Улав взял себе хорошего напарника, хотя он, правда, и не похож на тех, к кому мы привыкли. Но надо еще посмотреть, как пойдут у них дела, когда они останутся вдвоем на всю долгую темную зиму.

Через некоторое время мы подошли к фиорду, где Улав имел охотничий домик, в котором он зимовал уже много раз. Оба сошли на берег со всеми своими ящиками и пожитками. Они помахали нам на прощание, когда мы выходили из фиорда, взяв курс на север.

* * *

Когда на следующее лето <Голубой кит> вернулся, Улав был один. Как только мы вошли в горло фиорда, мы сразу поняли - здесь что-то случилось. В ту пору, когда Томас Вольд был партнером Улава, они оба подплывали на лодке к <Голубому киту>, чтобы приветствовать нас; все охотники делают так, если они не лишаются почему-либо своей лодки.

На этот раз никто не вышел навстречу. Только собака бегала по берегу; кроме нее, не видно было ни одной живой души. Наконец, из избы вышел Улав - один. Он плохо выглядел, и стало ясно, что он не в себе.

Он просто стоял на берегу, не произнося ни слова, не приветствуя нас. Как только я сошел на берег, я тотчас обратил внимание на то место за домом, где земля была перекопана и торчал деревянный крест. На нем было вырезано имя - ГУСТАВ КРАКАУ - и даты рождения и смерти.

Из Улава нельзя было вытянуть почти ни одного слова. Он походил на безумца, глаза его блуждали. Когда мы заговаривали с ним, он смотрел в сторону. Наконец, капитан решил раскопать могилу. В его обязанности входило подавать рапорты об умерших, и так как Улав или не хотел или же не мог ничего объяснить, то у капитана возникли подозрения. Он сам должен убедиться, что же здесь произошло.

Улав отказался присутствовать при вскрытии могилы. Он не хотел идти туда, к маленькому кресту. Мы взяли лопаты и кирки и очень скоро отрыли Густава Кракау; он хорошо сохранился в промерзшей земле. В голове Кракау было отверстие от пули - ясно, что его застрелили. Часть затылка отлетела. Но мы не могли с уверенностью сказать, в чем тут дело. Возможно ведь, что это - несчастный случай. Улав отказался дать какие-либо разъяснения.

По возвращении нам надо было сообщить о смерти, а Улава следовало передать в руки полиции для следствия. Поэтому капитан приказал сколотить гроб для трупа, и как только Улава и его мертвого напарника доставили на борт, мы отплыли.

Обратный путь был тяжел и для Улава и для нас. Он бродил по судну, как во сне, и ни разу не заговорил с нами, старыми его товарищами; казалось, что бедняга боится нас. Улав жил в изоляторе для больных и большую часть времени проводил там в одиночестве и никогда не садился с нами за стол.

Как только мы вернулись домой в Норвегию, немногие наши пассажиры сошли на берег, команду рассчитали, и никто не препятствовал Улаву покинуть судно. Но капитан отправился прямо в полицию и заявил о случившемся. На следующий день Улава арестовали.

Я совершенно уверен, что только когда его посадили в одиночную камеру городской тюрьмы, Улав действительно сошел с ума. Я могу поклясться, что по пути домой из Гренландии он был совершенно нормальным, а тут понял, что его обвинили и привлекли к суду и глаза всех устремлены на него, - а это длилось много дней.

Я присутствовал в суде в тот день, когда слушалось дело Улава, и он рассказывал о зимовке в Гренландии. Вначале он почти ничего не говорил, но ему продолжали задавать вопросы, и язык у него постепенно развязался, а под конец никто уже не мог его остановить. Жутко было смотреть на него, когда он стоял и потирал свои грубые натруженные руки, как это делают нервные люди; Улав был совершенно беспомощен, и, казалось, смотрел невидящими глазами куда-то сквозь стены, и говорил, говорил... Перед нами был несчастный человек, и все это хорошо понимали. Улав рассказал все с самого начала.

* * *

<Теперь я хорошо знаю, что мне ни за что не следовало брать его с собой, но ведь всего-то не предугадаешь, а когда поймешь, то уже слишком поздно. Сейчас, когда я нахожусь здесь, мне это ясно, но я расскажу вам все, как бы со мной ни поступили; я хочу, чтобы хоть кто-нибудь понял меня и знал, что произошло на самом деле. Очень возможно, что вам этого не понять, господин судья, но это и не так важно - лишь бы хоть кто-нибудь понял меня!> Перед нами стоял не прежний Улав, а его тень; он ничего не пытался скрыть, только останавливался время от времени, чтобы найти нужное слово; ведь он не привык произносить длинные речи, а ему пришлось рассказать всю историю первой и последней поездки Густава Кракау в Гренландию.

Улав начал издавна - со своего знакомства с Густавом Кракау. Раньше ему никогда не приходилось встречать такого человека, и сперва он вовсе не хотел иметь с ним дела. Но Томас Вольд покинул его, и Улав нуждался в новом напарнике, да и к тому же у него было слишком мало денег для покупки провианта и снаряжения. Улав не знал, как ему быть, когда однажды вечером к нему пришел Густав Кракау. Держался тот очень вежливо и почтительно и сразу объяснил причину своего прихода: от друзей он слышал, что Улав, кажется, заинтересован в том, чтобы найти себе нового напарника. Извиняющимся тоном Кракау сказал, что сам не может похвастаться ни опытом, ни умением, но во всяком случае может помочь Улаву наличными деньгами. Ему всегда очень хотелось попасть в Гренландию, и он с готовностью оплатит свою долю, да и вообще скупиться не станет.

Поначалу Улав отказал наотрез, так как не хотел иметь дела с горе-охотниками, и Густав Кракау вовсе не годился ему в напарники. Конечно, он благородный и образованный человек, но Улаву показалось подозрительным, зачем такой человек хочет ехать в Гренландию? Кракау рассказал, что он болел и теперь ему необходимо отдохнуть и пожить на свежем воздухе. Улав не пожалеет, что возьмет его с собой. Пусть берет Густава, хотя бы как ученика. Он даже не станет требовать полной доли, а большую часть расходов возьмет на себя, и его вполне удовлетворит третья часть добычи.

В конце концов он заставил Улава обещать, что тот подумает об этом деле. Кроме того, Кракау всучил ему 500

крон в виде задатка на тот случай, если Улав все же согласится взять Густава с собой.

Через два дня Кракау снова пришел, полный нетерпения и надежды. Теперь Улаву пришлось подчиниться его желанию, так как задаток, полученный от Кракау, был уже истрачен на покупку товаров. Ему стало неловко, что так произошло, но Кракау был совершенно счастлив и рассыпался в благодарностях, горя желанием как можно скорей тронуться в путь.

На лице Улава мелькнуло подобие улыбки, когда он рассказывал о своем роковом решении.

- Как было бы хорошо, если б я тогда не согласился взять его с собой, - сказал он усталым голосом... Но ничего не оставалось делать, Густав умел настоять на своем... Да что говорить, ведь вы все видели его во время путешествия на <Голубом ките>, - продолжал он, обращаясь к нам, команде тюленьего судна. - Вы ведь сами видели, что Густав был сухопутным крабом. Не стоит рассказывать вам об этой поездке!

И Улав продолжил свой рассказ с того момента, как <Голубой кит> оставил их в маленьком гренландском фиорде.

Кракау был очень рад, и ему не терпелось взяться за дело, но когда судно скрылось за горизонтом и они остались совсем одни, Густав вдруг стал серьезным. Он схватил Улава за руку и пообещал, что постарается быть достойным доверия и дружбы Улава. Улав не любил таких речей и прямо сказал Кракау, что все это чепуха и здесь не место для излияний; потом повернулся спиной и буркнул, что следует перетаскивать вещи в охотничью избушку, да побыстрее.

Уже через несколько дней Улав понял, что никогда еще не имел лучшего напарника. Густав был расторопен и быстро осваивал новое для себя дело. Он никогда раньше не видел живого моржа, но как только узнал, что надо целиться пониже уха, для него не составляло труда точно попасть в цель. Само собой разумеется, что он не имел никакого понятия, как разделывать тушу животного, и стоял рядом с Улавом, наблюдая за ним как ученик, который горит желанием поскорее выучиться. Потом он попросил разрешить ему для практики разделать следующего моржа самостоятельно. Кракау трудился всю ночь и, пока не кончил, не отступил.

А что касается готовки, то он был просто чародеем. За всю свою жизнь Улав не ел такой вкусной пищи. Густав прихватил с собой массу продуктов, помимо обычного продовольствия, - острые приправы, английский соус и многое другое, о чем Улав раньше и не слыхивал. Кушанья, которые готовил Густав, были настолько хороши, что Улав не раз подолгу просиживал за столом после еды, чтобы сохранить приятный вкус во рту [21].

Дома, в Дании, Густав с детства много охотился в лесах и всегда мечтал стать охотником на пушного зверя, но мать противилась этому. Она твердо решила, что он должен учиться, и именно поэтому ему пришлось корпеть над книгами. Чтение для него стало привычкой; Густав и здесь продолжал читать книги, хотя сейчас никто его не принуждал.

Он прекрасно умел промышлять дичь, и поэтому до самой осени у них было много мяса. А когда осенью начались морозы, они увидели первого медведя! Густав дрожал от возбуждения и попросил Улава дать ему выстрелить первым. <Стреляй себе, пожалуйста>, - ответил Улав. Густав радовался, как ребенок, когда уложил своего первого медведя, и надо сказать, то был удачный выстрел. Потом они ежедневно видели медведей, иногда по несколько крупных экземпляров в один и тот же день. Густав свеживал их, изучал внутреннее строение, вскрывал их желудки, чтобы посмотреть, чем они питаются. То же он проделывал со всеми другими животными и потом делал записи в маленькой книжечке.

С каждым днем становилось все темнее и темнее; солнце скрылось, чтобы не показываться целых четыре месяца. Наступила пора ставить капканы на песцов, а это для Густава тоже было нове. Сначала он тренировался недалеко от дома и приобрел необходимые навыки до того, как приступить к настоящей охоте. Новичок быстро освоил все хитрости установки капканов, покрывая их тонким слоем снега, чтобы скрыть от песца. В течение нескольких дней Густав так набил руку, что не уступал Улаву, поэтому они отправились вместе. Сначала Улав пошел с ним, чтобы показать, где ставить капканы и как их потом отыскивать на обратном пути. После этого напарники поделили район охоты.

Все, что лежало к северу от избушки, - принадлежало Густаву, все к югу - Улаву. Они работали по твердому плану. В понедельник утром выходили из дому; у каждого было по две собаки, которые тянули небольшие сани со спальным мешком и запасом еды. Охотники могли, таким образом, продвигаться быстро. Эти четыре собаки жили у Улава много лет, и просто удивительно, как быстро они привыкли к Густаву. Прежний товарищ Улава Томас Вольд с трудом мог поладить с собаками; Густав, казалось, хорошо понимал их, а те его; он сдружился с ними с первого дня.

Итак, Густав отправлялся на север, а Улав - на юг; они шли, удаляясь друг от друга весь понедельник и вторник. Ночевали в хижинах, которые Улав построил для этой цели много лет назад. Первую половину среды продолжали свой путь, но после полудня поворачивали и начинали осматривать капканы. В среду охотники ночевали в той же хижине, что и во вторник, в четверг - в той, что в понедельник. Вечером в пятницу возвращались на свою главную квартиру. Если их застала пурга, они могли переночевать дважды в одной и той же хижине, и тогда встречались только в субботу. Случалось, что ловцы приходили только в воскресенье вечером, а один раз не виделись даже до следующей недели. Но Улав позаботился о продовольственных запасах в хижинах на случай таких задержек. Оба были очень осторожны, и Улав знал, что он может не беспокоиться за Густава Кракау.

* * *

Прошло немного времени, и Улав почувствовал, что он с нетерпением ждет пятницы, дня, когда они должны встретиться. Ему не доставало Густава, когда он оставался один с собаками; Улав все с бóльшим интересом слушал рассказы своего необычного напарника. Зимовка с Густавом проходила совсем не так, как с Томасом Вольдом. Томас и Улав редко обменивались словами. Да и о чем им было разговаривать? Каждый из них знал, что кому делать, каждый выполнял свою работу превосходно. Вот и все. Но с Густавом обстояло иначе. Когда напарники встречались, Кракау рассказывал массу интересных вещей. За неделю он умудрялся увидеть такое, о

чем стоило поговорить. Густав видел то, в чем и Улав и Томас сами знали толк, но что они вовсе не считали достойным внимания или обсуждения.

О чем только Густав не рассказывал! Бродя один, Улав не переставал обдумывать то, что услышал от Густава при встрече. Наконец, Улав так привык к беседам, что и сам начал кое-что рассказывать. Густав умел вызвать собеседника на разговор, и у них иногда возникали даже дискуссии.

Прошло еще немного времени, и Улав почувствовал такую нужду в Густаве, как в домашнем тепле, - хотя прожить без него и можно, но все время ощущаешь холод. К концу недели Улав все больше и больше скучал без Густава. Теперь для Улава зима проходила совсем по-другому.

Настало рождество, у них оказалось много разных яств, припасенных к празднику. Они даже помылись, побрились и зажгли несколько стеариновых свечей. Улав надел чистую белую рубаху. Не стоит забывать, подумал он, что рождество бывает только раз в году. А Густав как будто не придавал большого значения праздникам. Он ушел осматривать капканы, как в самый обычный день. Улаву это вовсе не понравилось, но что поделаешь? Ведь они были напарниками, и, кроме того, Густав стал таким же хорошим ловцом, как и он сам. Вскоре после нового года Густав однажды пожаловался, что чувствует себя неважно. Он сказал, что руки и ноги у него словно налиты свинцом; при ходьбе он быстро устает. Улав заметил, что Густав двигался очень медленно и рано лег спать. И все же, взяв книгу, стал читать ее в постели и рассказывать Улаву о том, что прочел. Улав никогда не понимал всего, но слушал и потом обдумывал услышанное.

В следующий понедельник они собрались как обычно. Только Густав шел медленнее, но в общем-то выглядел здоровым, когда настало время разойтись в разные стороны. Они попрощались, и один направился на север, другой - на юг. Неделя прошла незаметно. Улав обошел свои капканы (добыча оказалась богатой) и вернулся в пятницу с тяжелым грузом. Собаки Густава уже лежали перед домом; Улав увидел в окнах свет. В первый раз Густав вернулся домой раньше Улава. Когда Улав вошел, то увидел, что его товарищ лежит на кровати; судя по его виду, он был очень болен. Густав сказал, что у него поднялась температура и ему пришлось вернуться домой на следующий день после того, как они расстались. Густав объяснил, что ему было совсем скверно, но сейчас все уже в порядке и бояться нечего. Он остался дома, чтобы подождать Улава, а теперь пойдет осмотреть капканы и наверстает упущенное время. Надо забрать попавшихся песцов, пока волки не опередили его. Все эти соображения были совершенно справедливы. Прежде всего оба должны думать о добыче; ведь для этого они сюда и приехали. Улав ничего не возразил. Но для него было большим разочарованием, что в свободные дни он будет один без Густава и почувствовал себя покинутым, когда его товарищ ушел. Раньше он над этим не задумывался, а теперь ему стало ясно, что Густав избаловал его разговорами; без него становилось невыносимо тоскливо.

В понедельник утром Улав ушел, и у него была самая удачная неделя за всю зимовку. Он вернулся в пятницу с очень тяжелой ношей и заранее радовался, думая о том, что покажет Густаву свою добычу. В окнах света не было. Густаву пора бы уж вернуться домой - ведь он ушел первым. Ему надо было бы протопить дом и приготовить еду. Наверное, что-то случилось.

Подходя к дому, Улав услышал, что внутри воют собаки. Его собаки тоже начали лаять и выть. Но свет в доме не зажегся. И вдруг Улаву стало страшно. Он долго возился, распрягая собак и выгружая груз, чтобы дать возможность Густаву проснуться и выйти навстречу; но тут Улав заметил, что дым не идет из трубы и дверь замело снегом.

Наконец, Улав вошел. В доме было совсем темно, и он вынул спички. Внутри было так же холодно, как и снаружи. Собаки стали прыгать на него и скулить. Улав снял сначала тяжелую доху, затем зажег свет и, наконец, поискал глазами друга. Густав лежал в кровати лицом к стене.

<Густав!> - позвал он. Тот и не пошевелился. Улав сразу понял, что Густав Кракау мертв.

Сначала Улав не хотел этому верить. Он разжег печь и наколол льду, чтобы растопить его. Вода в бочке промерзла до дна и превратилась в ледяную глыбу. У них всегда было так, кто приходил первым, должен был сразу растопить лед. Не задумываясь над тем, что он делает, и даже не взглянув на Густава, Улав начал бранить его за то, что не приготовлена вода. Пока Улав не смотрел на Густава, он мог вообразить, что тот просто спит и скоро проснется. Улав покормил голодных собак и сказал Густаву, что он не иначе как здорово выпил и, видимо, поэтому не накормил собак. Улав прекрасно знал, что все это неправда, но чувствовал, что должен сказать именно так. Он хотел убедить себя, будто Густав спит. Ведь Улав знал, каким станет несчастным, если признается себе, что его товарищ умер. Вдруг он почувствовал страшную усталость, бросился на кровать и тотчас уснул.

Я отчетливо помню, что в этом месте Улав прервал свой рассказ и долго молчал. Он смотрел на нас отсутствующим взглядом, устремив глаза куда-то далеко-далеко. Затем повернулся к судье и сказал с упреком: - Вы этого не можете понять, господин судья! Вы не знаете, что такое долгое время тьмы. Вы не поймете, что человек может заставить себя поверить в то, чего нет на самом деле, поверить в неправду, хотя и он сам и все другие знают, что это ложь.

Тяжело вздохнув, Улав продолжил свой рассказ.

На следующее утро он встал и сварил кашу - на двоих.

- Ты будешь есть? - спросил он Густава.

Ответа, как можно было ожидать, не последовало. Ведь перед ним лежал мертвец. Улав прекрасно все понимал, но не хотел, чтобы Густав догадался об этом. Была суббота, и Улав решил не трогать Густава с места до воскресенья. По крайней мере до конца недели не придется оставаться одному, а похоронить Густава можно утром в понедельник - перед тем, как отправиться в очередной обход. Лучше сделать так и не сидеть дома одному, переживая свое несчастье. Он осмотрит также и капканы Густава. В них, наверно, много песцов, соберет их и принесет Густаву.

- Вздор и чепуха, - сказал себе Улав. - Густав-то мертв, на что ему песцы?

Потом ему пришло в голову посмотреть на лицо мертвеца. Густав лежал скрючившись в постели, поджав под

себя ноги и оказался в таком положении, будто сидел на стуле. Он, естественно, совершенно окоченел; на его лице застыла улыбка, словно он посмеивался над одним ему известной шуткой, сказанной напоследок. Улав поднял его с постели и усадил на стул у стола, сам уселся напротив и принялся завтракать. Пока Улав ел, он все время разговаривал с мертвецом. Ему казалось, что нужно ответить Густаву на все то, о чем они говорили на прошлой неделе, - тогда речь шла о религии, о бессмертии и о душе. Густав еще сказал, что не верит, будто попадет на небо, ведь он не знает никого, кто бы там побывал, да и вообще неизвестно, что делается там, наверху. Конечно, против таких доводов трудно что-либо возразить, но Улав пытался это делать. Он продолжал рассказывать своему мертвому другу все, что приходило в голову.

А Густав сидел и ухмылялся - вот как все это было! Улав говорил и говорил; если бы он замолчал, то почувствовал бы себя таким одиноким, что не выдержал бы. Он сам отвечал себе, подбирая такие слова, какие, по его мнению, мог бы сказать Густав. Таким образом выходило, что они беседуют, и Улав мог на какое-то время забыть, что его товарища больше нет с ним. Очень трудно было поддерживать разговор, ведь говорить-то почти не о чем. Не мог же Улав без конца повторять одно и то же, а новых тем для разговора он никак не мог придумать, как это умел делать Густав.

Вечером он вытащил Густава из дома, положил его на сани и потащил на скалу, недалеко от избы. Он закопал покойника в сугроб у скалы и придавил его камнями - целой кучей больших камней, красиво уложив их вокруг. Ему не хотелось, чтобы волки и медведи съели его лучшего друга.

Странная потом началась неделя. Улав обошел сначала свои капканы, потом капканы Густава. Он взял с собой всех собак. Зачем держать их дома - ведь если их оставить, они начнут выть, когда он через неделю вернется домой.

Вернувшись в следующее воскресенье, Улав почувствовал страшную усталость и решил, что целую неделю будет отдыхать. Да еще надо разморозить песцов, чтобы содрать с них шкурки. Ведь теперь, когда он один, все приходится делать за двоих.

Улав сидел совсем один в хижине, и ему пришло в голову, что ведь было гораздо приятней, когда Густав сидел напротив него, хотя бы и мертвый. Сейчас он лежит на морозе и совсем окоченел. Это, конечно, ерунда, но все-таки... Ведь так чертовски одиноко, да и Густав еще не похоронен по-настоящему. Он только лежит, прикрытый камнями. А Улав должен сидеть тут один и есть. Никто не поможет ему накормить собак. И охотился один, и вернулся домой один. Скоро одна из собак ощенится. А ведь Густава это очень занимало.

К тому же все, что здесь происходит, никого ведь не касается, рассуждал Улав. Здесь распоряжается он, и может поступать, как ему вздумается. Кто ему может запретить? Улав твердо решил выкопать Густава и похоронить его как следует, но сейчас так темно, что может же он хоть ненадолго...

Короче говоря, Улав снова вытащил Густава в дом. Потом он очень в этом раскаивался, но что сделано, то сделано. Пристроил своего друга у стола и сразу стало как-то уютнее. Улав опять говорил с ним и отвечал за него. Он знал Густава настолько хорошо, что получалось, будто играет с ним, как с куклой. Он был твердо уверен, что если бы Густав мог узнать об этом, то ничего не имел бы против. Улаву казалось, что так почти весело. Приготовив еду на двоих и поставив перед Густавом тарелку, он положил в нее пищу и сделал вид, будто сердится, что Густав не ест.

- Да, я прекрасно знаю, что в готовке мне за тобой не угнаться, - сказал он и чертыхнулся; потом отдал еду собакам. Он прикинулся рассерженным, но это тоже входило в игру.

Вечером, улегшись спать, он оставил Густава сидеть за столом. Вот этого никак нельзя было делать. Среди ночи он проснулся оттого, что Густав пошевелился! Улав может поклясться, что мертвец шевельнулся. Сон с него как рукой сняло, и, самое удивительное, ему больше всего на свете хотелось испугаться, почувствовать ужас, увидя, как мертвец шевелится. Он ведь прекрасно знал, что просто-напросто оттаивает тело, но признаться в этом не хотел. Если это сделать - конец игре; поэтому он и вообразил, что Густав все еще жив.

Когда Густав умер, рука у него была полусогнута; Улав мог усадить его за стол, используя согнутую руку как опору. В таком положении Густав сидел, как живой. И вот теперь все объяснялось тем, что рука начала оттаивать. Улаву нужно было тепло, чтобы разморозить песцов. Но он не может допустить, чтобы Густав тоже оттаивал, особенно теперь, когда Улав так хорошо усадил его, и рука служила опорой.

Всю ночь Улав провел в страхе. Он даже читал <Отче наш>, хотя внутренне был твердо убежден, что все равно это не поможет. Густав всего лишь окоченевшее мертвое тело, а теперь оно стало мягким от тепла. К утру Улав постепенно успокоился. Пойдем со мной, добрый друг, сказал он Густаву, когда встал. Пора тебя опять закопать с головой в снег. Довольно тебе пугать честных людей!

Он снова похоронил Густава под камнями, а потом отправился на охоту. Улав придумал новый маршрут. Сначала обходить половину своих капканов на юге и половину капканов Густава на севере. Таким образом, он проходил мимо избы два раза в неделю. Ему ни разу не пришло в голову, что Густава можно обмануть, не отдав ему его долю добычи.

Всякий раз, возвращаясь в опустевший дом, он чувствовал, что неведомая сила тянет его на могилу. Улав ощущал это все сильнее и сильнее и, наконец, через несколько недель сдался - опять вытащил Густава в дом и посадил его за стол. Он ставил перед Густавом тарелку, готовил пищу, а затем щенята доедали остатки. <Если бы кто-нибудь меня увидел, то, наверное, подумал бы, что я сошел с ума>, - говорил себе Улав. Но ему было все равно. Он продолжал вести беседы - за себя и за Густава. Если только замолчать, то холодное безмолвие встанет между ними, и тогда придется признаться самому себе, что его друг мертв.

* * *

Когда над Гренландией снова появилось солнце и с каждым днем становилось все светлее и светлее, Улав понадеялся, что теперь все станет на свое место. Как только он сможет получше разглядеть лицо Густава, то сразу поймет, что просто безумие таскать мертвеца взад и вперед. Он достаточно перевидел на своем веку смертей - умирали товарищи на судне, умирали охотники, и смерть ничего для Улава не значила, а вот с

Густавом совсем по-другому...

И каждый раз, возвращаясь домой, он твердо решал не брать больше Густава в дом, но всегда находились предлоги... Густав и мертвый имел над ним такую власть, освободиться от которой Улав никак не мог. Это все больше и больше раздражало его. Он очень досадовал на своего мертвого товарища. Ведь не проходило субботы, чтобы он не волок его в дом. Постепенно труп стал изнашиваться от постоянного таскания. Солнце пригревало с каждым днем все сильнее, и иногда оно светило прямо в лицо мертвецу. Впервые Улав заметил, что Густав пожелтел. Это совершенно взбесило Улава, и он крикнул Густаву, что тот мертв и его место, черт возьми, в могиле! Он не желает его больше никогда видеть, прорычал Улав, обращаясь к покойнику: К черту! Ты здесь - последний раз! Улав окончательно вышел из себя.

А Густав сидел и ухмылялся, сидел слишком близко к огню, поэтому нижняя челюсть у него отвисла и улыбка стала еще более зловещей. Улав понял, что если так будет продолжаться, то, когда станет совсем тепло, он окончательно сойдет с ума. Ведь тогда Густав совсем оттает и будет невыносимая вонь. Нет, такого Улав не потерпит в своем доме! Но как воспрепятствовать этому? - спрашивал он себя.

В один прекрасный день появился первый снежный воробей, и Улав понял, что пора что-то предпринимать. Ведь эта птица предвестница весны в Гренландии. Сезон охоты на песцов кончался, скоро вскрыется лед и вернется <Голубой кит>. Улава охватил смертельный страх, когда, в последний раз осмотрев капканы, он вернулся домой. Улав боялся себя, боялся Густава - боялся этого привидения: ведь теперь-то Густав действительно превратился в привидение. Единственная разница между ним и привидением заключалась в том, что Густав не появлялся сам по себе, а Улаву приходилось его притаскивать. Но ведь когда Густав был жив, то случались тоже странные вещи; он мог заставить Улава делать такое, о чем тот и не помышлял, да никогда и не подозревал, что может так поступать. Да, необходимо до прихода <Голубого кита> избавиться от всего этого! Однако, как это сделать, Улав никак не мог придумать.

Вдруг его осенило - в голове молниеносно возник план: он понял, что надо делать, и знал, что другого выхода нет. Улав опять внес Густава в дом, усадил его, обошел вокруг стола и стал беседовать с ним, будто и не замышлял ничего дурного. Не удержавшись, он тайком усмехнулся, когда делился с Густавом своими планами на завтрашний день, но говорил об этом только для того, чтобы отвлечь товарища. Когда, по его мнению, прошло достаточно много времени, Улав сказал Густаву, что сейчас выйдет и принесет угля для печи. Ружье было, конечно, заранее выставлено наружу. Дверь осталась чуть приоткрытой. Это не играло роли - ведь Густав не почувствует сквозняка. А Улаву именно такая щель и нужна. Он уверен, что на этот раз сможет перехитрить своего напарника.

Улав очень осторожно прокрался обратно к дому, держа заряженное ружье наготове. Ему показалось, что прошло много времени, почти вечность, пока удалось просунуть в дверную щель дуло ружья и установить его так, чтобы Густав ничего не заметил. Он по-прежнему сидел в той же позе и рука его опиралась на стол. Он сидел почти спиной к Улаву, но все-таки Улав мог видеть его отвратительную улыбку, делавшую его непохожим на настоящего Густава Кракау.

Сейчас он действительно живой! И Улав был твердо в этом уверен, но теперь хватит, теперь действительно надо с ним покончить и - взвел курок. Целиться было трудно, он был слишком возбужден, и руки у него дрожали. Даже несмотря на то, что Густав мертв, это все же его друг и товарищ по охоте, а сейчас Улав должен застрелить его. И вот, когда он уже приготовился выстрелить, Густав шевельнулся. Опять оттаяла рука. Не так-то просто стрелять в человека, когда он двигается, но Улаву во что бы то ни стало надо избавиться от Густава. Вдруг Улава охватило страшное бешенство - ведь Густав сейчас, в последние секунды, пытается испугать его. И Улав выстрелил в своего друга.

В хижине раздался оглушительный грохот. Казалось, что весь затылок Густава снесло. Но теперь-то он был по-настоящему мертв и больше не возвратится к Улаву. Улав прекрасно знал, что ему никогда уже не придет в голову тащить в дом человека с простреленным черепом.

На этот раз он похоронил своего друга окончательно. Улав смастерил из деревянных ящиков крест, поставил его на могиле и почувствовал облегчение; он остался один, и ему не о ком теперь заботиться. Улав не тосковал по Густаву. Наоборот, чувствовал себя превосходно, ведь он не видел больше отвратительной усмешки, и больше не было безумной возни с покойником. Теперь его напарник мертв, это сущая правда; Улав очень горевал, но уж ничего не поделаешь. Спокойно и добросовестно он готовился к отплытию на <Голубом ките>, ведь судно могло прийти в любую минуту.

На обратном пути Улаву не раз приходило в голову броситься за борт. Одно его удерживало - мысль, что тогда о нем подумают самое плохое.

Я прекрасно знал, о чем вы шептались, заключил Улав. И я был прав. Сначала я получил разрешение сойти на берег и вернуться домой, а через день пришли четыре полицейских и арестовали меня. Я не убийца, господин судья. Ведь я застрелил Густава, когда он уже умер. Я застрелил его, чтобы он оставил меня в покое. Я стрелял в мертвеца, чтобы защитить себя, поверьте, господин судья! Ведь это не запрещается законом? Так или не так? Ответьте мне!

Улава отвели обратно в камеру, и, возможно, в тюрьме кто-то назвал его убийцей, который застрелил своего лучшего друга. Этого он не мог перенести. Улав был всегда сильным и абсолютно честным человеком, но тут он не выдержал. Всю зиму он находился на грани помешательства, а ночь в тюрьме после суда доконала его - Улав сошел с ума.

Сделали вскрытие, оно подтвердило показания Улава. Врачи дали заключение, что Густав умер давно и успел замерзнуть задолго до того, как Улав выстрелил ему в голову. Невинность Улава была полностью доказана; об убийстве не могло быть и речи, и судья заявил, что Улаву нельзя предъявить никаких обвинений.

Но было слишком поздно. Никакой надежды на выздоровление Улава не осталось. Он уже не понимал, что ему говорит судья. Улав стоял и рассуждал сам с собой. Его поместили в дом для умалишенных, и, по моим сведениям, он все еще там.

Улав был одним из тех сильных и прекрасных людей, которые великолепно могут жить на Севере, но которые не в состоянии справиться с тем, к чему они не привыкли с детства. Улаву не приходилось много читать, возможно он и вовсе не задумывался над целым рядом вещей и когда, наконец, встретил настоящего друга, он не смог примириться с его утратой.

Но, кто знает, может быть, та же судьба ожидала его, если бы он прожил свою жизнь в цивилизованных странах и его нога никогда не ступила бы на берег Гренландии...

Глава 5 ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Я попытался перевести рассказ Семундсена эскимосам, но он был им непонятен. Эскимосы великолепно знали, что значит одиночество и полярная ночь и что они могут сделать с человеком, но все же многое из рассказа великана норвежца не укладывалось у них в голове. О полиции и судьях они не имели никакого понятия. В их стране преступление и наказание были частным делом; такие вопросы люди решали между собой.

Квангак, не так давно убивший другого эскимоса, не мог понять, зачем кавдлунаки, живущие в дальних странах, отправляются в Гренландию, если не могут жить в этих условиях. Да к тому же, добавил он, раз Кракау больше нет, то какая разница, убили его или он умер от болезни. Меквусак тоже не мог понять, почему люди подняли такую бучу по этому поводу. Он сказал: <Неужели не проще спросить человека, убил он своего товарища или нет? Ведь только Улав мог это знать и поэтому было бы достаточно задать прямой вопрос: ведь всем хорошо известно, что если человек говорит неправду, то он краснеет>.

- Приходится только удивляться, почему белые не видят, что цвет лица у человека, который лжет, меняется. Тебе следовало бы разъяснить им это, Пит?, - сказал Меквусак, - тогда бы они могли избежать ненужных расспросов и всего другого; мы здесь свободны от таких вещей, так как в нашей стране людьми руководит разум.

Пятеро китобоев молчали, когда Семундсен закончил свой рассказ. Они стали готовиться ко сну, но Итукусук продолжал со мной беседовать. Я как раз думал, что у людей, живущих здесь, часто могут быть приступы безумия, но повинна в этом не только тьма. Дневной свет тоже бывает свидетелем внезапного нервного расстройства у людей, которые казалось бы с большим душевным спокойствием переносят бесконечные зимы. А разве в цивилизованных странах мало таких случаев?

Итукусук прервал мои размышления; он рассказал, что случилось здесь, в Пакитсоке, с отцом его друга Улулика, причем это произошло весной, когда было совершенно светло. Эскимосы, как правило, люди уравновешенные и обладают крепкими нервами, и если с ними случаются истерические припадки, то обычно не опасные. Однако старый Миуклук лишил себя жизни во время такого приступа. Он был здесь в пещере вместе с несколькими охотниками. Все легли спать, но внезапно проснулись оттого, что услышали пение Миуклука, стоявшего посередине пещеры. Его пение становилось все громче и громче. Никто не осмелился заговорить с ним; вероятно, в него вселился дух. Когда старик начал танцевать, а его пение перешло в дикие вопли, всем стало страшно. Наконец, Миуклук выхватил короткий нож, наточенный накануне, и стал размахивать им, выкрикивая, что намерен доказать, насколько остер нож и как он умеет им владеть. Старик воткнул себе нож в левое запястье. Хлынула кровь.

Продолжая петь свою песню, Миуклук сделал глубокий разрез до самого плеча. <Кожа жесткая! Кажется, она годится на подошвы для камиков!> - воскликнул он, рассекая себя.

Его спутники решили, что настало время прекратить это страшное самоистязание: они схватили Миуклука, но тут он сам повалился на пол пещеры. Старик все еще продолжал петь, но его голос становился все слабее; вскоре он умер в огромной луже крови. Охотники похоронили его в камнях, прямо перед пещерой. Вы и сейчас можете видеть его могилу, сказал Итукусук.

Наверное, сильные летние лучи солнца повинны в том, что он лишился ума, так как обычно Миуклук был тихим и приветливым человеком. Его друзьям пришлось просидеть в пещере пять дней, ибо они дотрагивались до трупа и теперь должны были дожидаться, когда духи умершего покинут это место. Горе и страх они оставили в Пакитсоке, так как поделили между собой имущество покойного. Миуклук был великим охотником, и его опечаленные друзья могли найти утешение только в том, что каждый из них получил часть большого запаса мяса, добытого стариком, часть его охотничьих принадлежностей и несколько быстроногих собак. Им, конечно, пришлось положить несколько негодных упряжных собак у его могилы и вырезать игрушечное оружие взамен того, что у него взято. Я перевел эту историю Рокуэллу Симону; слишком взволнованный рассказом Семундсена, он не мог уснуть и страшно досадовал, что у него нет бумаги. Американец сказал, что напишет книгу о своих злоключениях и о тех рассказах, которые он услышал.

* * *

На следующий день перед Пакитсоком нагромодилось столько льда, что продолжать путешествие оказалось совершенно невозможным. Единственное, что мы могли сделать, - это оттащить лодку подальше, так как северный ветер выталкивал лед на берег - все выше и выше. За день лед почти достиг входа в пещеру и одно время казалось, что он совсем закроет маленький лаз в Пакитсок. Нам было очень уютно в пещере, продуктов хватило бы на несколько дней, но Билл Раса и его товарищи начали проявлять нетерпение. Я тоже не был в восторге от предстоящего нам долгого путешествия. Сегодня был последний день августа, с каждым днем становилось все холоднее, и я боялся, что залив Мелвилла замерзнет раньше, чем нам удастся достигнуть острова Тома.

Мы провели в пещере два дня, а затем погода изменилась к лучшему. Появились тяжелые облака на юге, что предвещало теплую погоду, а следовательно, льды могли прийти в движение. Мы дождались прилива и, как только вода сдвинула лед у самого берега, снова спустили лодку. Пока еще вокруг было слишком много льда, и как-то не могли нам пригодиться; мы уложили их на носу поперек лодки. Меквусак занял свое место у руля и

повел нас через льды. Двигались мы чрезвычайно медленно, пробираясь между льдинами.

Как только Меквусак замечал, что можно проскользнуть через открытое пространство, сидевшие на веслах начинали грести изо всех сил, пока проход не закрывался. К сожалению, один раз мы слишком стремительно тронулись с места. Лодка на полном ходу неслась на льдину, которая была значительно выше ее бортов. Каяки попали между льдиной и лодкой и их там зажало. Один совершенно раздавило; чинить его было невозможно. Мы подобрали остатки деревянных частей, которые могли пригодиться как топливо. Второй был сильно поврежден, и воспользоваться им мы смогли бы, лишь заменив обшивку. А с этим приходилось повременить. Пока не доберемся до мыса Йорк, у нас не будет шкур для каяков; да и обтягивать их - чисто женская работа.

- А что я говорил? - воскликнул Томас Ольсен. - Ведь я все время твердил, что надо взять Алоквисак с собой! Он никак не мог забыть гостеприимную вдову в Туле; мы постарались уверить его, что на мысе Йорк тоже есть женщины, умеющие чинить каяки.

- Стоит еще заметить, что женщины на мысе Йорк знают, чем они могут угодить гостям, - обещал ему Меквусак. - Они умеют не только обтягивать каяки, но и многое другое, что может доставить радость проезжающим через мыс Йорк.

Мы продвигались вперед, но очень медленно; теперь льдины и торосы попадались настолько большие, что они садились на мель задолго до того, как достигали берега, поэтому образовывались протоки, которыми можно было воспользоваться. Все шло довольно хорошо, пока мы находились среди неподвижных льдов, но время от времени небольшие айсберги загораживали нам путь. Тогда нам приходилось выгружаться и тащить тяжелую лодку к воде. Несчастные китобои не привыкли к такому способу передвижения и каждый раз здорово ругались, но я был очень доволен, так как мы достигли Кангека, самого северного мыса у входа в залив Паркер Сноу Бей. К этому времени у нас осталось очень мало мяса; ужин состоял только из тюленьего жира и чая, но люди настолько устали, что даже не думали об этом. Все обрадовались, что проведут следующий день здесь, у Кангека. Мы отдохнули и запаслись кое-какой провизией на дорогу, настреляв довольно много крупных чаек и зайцев.

Паркер Сноу Бей, или Ифсуиссок, как его называют эскимосы, был местом встречи многих людей на протяжении столетий; здесь на северном склоне скал имеются большие залежи камня-жировика. Все кухонные принадлежности и лампы раньше вырезались из него и, пока не пришли белые люди и не привезли металлические изделия, эскимосы вынуждены были издалека приезжать сюда. У эскимосов есть превеликое множество историй о разных племенах, которые встречались здесь, в Ифсуиссоке; часто рассказывают об убийствах, когда мужчины дрались из-за женщин.

Я показал Рокуэллу Симону место, на котором когда-то стоял снежный дом моего друга Торнге и его семьи; здесь он потерял свою мать Ивалу, которая <возродилась> через несколько лет. Рокуэлл хотел услышать об этом более подробно, и я рассказал ему о том, что случилось, так же, как в свое время это рассказывал мне сам Торнге.

* * *

Торнге был еще совсем маленький, когда его семья однажды весной поехала в Ифсуиссок за камнем-жировиком. Внизу у подножия отвесных утесов намело великолепные снежные сугробы; в них отец выстроил снежную хижину, где они могли расположиться на ночлег. Снаружи бушевала буря, но их это не тревожило - внутри было тепло и уютно. Вдруг среди ночи они услышали страшный шум, будто под ними раскалывается лед. В один миг Торнге оказался погребенным под кучей снега, но ему удалось выбраться; наполовину освободившись, он увидел на льду своего отца. Как и все эскимосы, они ложились спать на лежанке совершенно голые, поэтому Торнге думал, что умрет от холода; но тут отец бросился к нему с куском медвежьей шкуры, на которую он и поставил Торнге, - это спасло его ноги.

Оказалось, что снежная лавина, катившаяся с горы, налетела на них, и их дом был погребен под толщей снега. Отец выкопал двух женщин, но мать Торнге навсегда осталась под завалом. Когда отец копал, надеясь отыскать семью, то обнаружил свою одежду. Все разумные эскимосы снимают на ночь одежду, связывают ее и вешают под потолок, чтобы туда не забралась вши. Хотя отец и нашел свои вещи, но сколько он не разгребал снег руками, так и не отыскал Ивалу, свою жену. Торнге поделился одеждой с другими, но на всех ее все равно не хватило. Они должны были полуголые отправиться за помощью, а весна стояла холодная. Ивалу и двух детей так и не удалось найти. Буря продолжалась. Трудно было предположить, что засыпанные снегом остались в живых. А вернуться сюда, в холод, без теплой одежды было нельзя. Много недель прошло, пока они, наконец, снова оказались в Паркер Сноу Бей и нашли под снегом мертвую Ивалу. Ветром смело снег с ее левого плеча и кисти руки. И в этих местах, пока она лежала, чайки поклевывали мясо.

Много лет спустя Торнге женился на Авианганак и у них родилась дочь. Они называли ее Ивалу, потому что всем было ясно, что дух матери Торнге возродился в ней. Маленькой девочке так хотелось быть Ивалу, что она постаралась родиться с большим красным родимым пятном, которое шло от плеча по руке до самой кисти, то есть, как раз в тех местах, где чайки склевывали мясо с костей. Я рассказал, что сам много раз видел это удивительное пятно у нынешней Ивалу.

Рокуэлл снова переживал приступ отчаяния из-за того, что у него нет бумаги. Раз уж он не мог читать, то во всяком случае с удовольствием писал бы - он чувствовал себя таким несчастным без книг. Я с трудом упросил его не брать с собой книги из моей небольшой библиотеки в Туле. Другие китобои, по их словам, вполне обходились без книг. Они относились к книгам так же, как Семундсен, который говорил, что всегда берет с собой на судно библию, но только на тот случай, если кто-нибудь из моряков умрет во время путешествия. Семундсен утверждал, что человек потеряет уважение к священному писанию, если станет читать его каждый день, да к тому же он считал себя слишком занятым, чтобы заниматься каким бы то ни было чтением.

К счастью, у Рокуэлла не оставалось времени для скуки, так как в Паркер Сноу Бей мы задержались ненадолго. Вскоре представился случай продолжать путешествие. Нам пришлось сначала пройти мимо стойбища в фиорде,

где в такое время года никто не жил. Я показал чужеземцам это место, чтобы они увидели, где только не селятся люди - даже на таких неприступных скалах, как здесь. Домики построены высоко на склонах утесов. Между входом в дом и краем отвесной скалы расстояние едва достигает метра, а уступ обрывается прямо в море; зимой внизу лежит лед. Каждый раз, когда я останавливался в стойбище и мне приходилось выбираться из хижины, я испытывал животный страх, хотя выползал на четвереньках. Я значительно выше эскимосов, следовательно, моя голова всегда оказывалась над пропастью, как только я начинал распрямляться. Когда эта узкая полоса покрывалась льдом, то проделывать такой маневр в темноте еще страшнее.

Однажды я пожаловался на это Квисунгуаку, у которого гостил. Он охотно согласился, что это место очень опасно для детей.

- Но совершенно очевидно, что жизнь в таком месте идет детям на пользу, - объяснил он мне. - Такие дети становятся более проворными, чем другие. Они много раз в день упражняют свое внимание и делаются ловкими, когда вырастают!

<Да, те, которые вырастают>, - подумал я, смотря на ребятшек, выкатывающихся из хижин. Они играли в салочки. Дети еще были настолько малы, что могли выбегать из дому не сгибаясь или же почти не сгибаясь.

Фокус заключался в том, чтобы уцепиться за один из выступающих углов у входа. Удерживаясь таким образом, они могли повернуться и избежать падения с отвесных склонов. Иногда это им не удавалось.

Вот что случилось в Сарфалике с двумя сыновьями Кволугтангуака и с его племянницей. Было начало лета или конец весны. У Сарфалика всегда много открытой воды, потому что сильное прибрежное течение не дает стать льду. У детей есть особая игра на этих ледяных склонах, которые круто спускаются к берегу, а внизу переходят в ледяной порог.

Дети карабкаются на ледяной склон и скатываются вниз. У них нет саней, они пользуются шкурой тюленя.

Рулевой - один из мальчиков, - сидящий впереди, придерживает край шкуры, прекрасно скользкой по шерсти вниз. Задача состоит в том, чтобы донестись до кромки, насколько хватит храбрости; затем тот, кто сидит впереди, быстрым движением поворачивает всю шкуру с пассажирами в сторону, чтобы избежать падения в море. Дикий визг девочек, сидящих сзади, - такова награда; они потом будут рассказывать, что чуть-чуть не перелетели через ледяной порог. За детьми с улыбкой наблюдают родители, ведь они сами в детстве играли в эту игру и тоже тряслись от страха, смотря на бурлящую внизу воду. Это место - Сарфалик - знали все, оно славилось развлечениями для детей.

И вот что произошло однажды. Кволугтангуак и его жена стояли и наблюдали за игрой детей. Может быть, присутствие отца возбудило мальчика или же он натолкнулся на что-нибудь пяткой, трудно сказать. Трое детей перелетели на шкуре через порог и тотчас же исчезли.

Родители помчались к месту падения, был отлив, и вода отошла от ледяного края на большое расстояние. Там виднелось множество льдин, но от детей не осталось и следа. Ничего нельзя было сделать, чтобы спасти их. Прыгнуть за ними в воду было равносильно самоубийству. Никто из эскимосов не умеет плавать, да и вода слишком холодна, а течение очень сильное.

Я встретил Кволугтангуака через некоторое время после этого несчастья. Он в одиночестве покинул Сарфалик и отправился далеко по льду залива Мелвилла, чтобы забыть свое горе. Когда несчастный захотел вернуться, на него снова нахлынули воспоминания о детях, и он решил отправиться к тем гренландцам, которые живут в стойбищах к югу от залива Мелвилла. Там Кволугтангуак прожил целый год и прославился как замечательный охотник. Он никогда и никому не рассказывал, почему покинул родные места. А если его и спрашивали, то только замечал, что есть вещи, о которых лучше не говорить. Здесь он жил вместе с толстой девицей в летах, у которой родился ребенок еще до его отъезда. Но ребенок оказался совершенно черным и вскоре умер. Кволугтангуак сказал тогда, что его горе теперь исчезло. Ведь ребенок умер потому, что на него перешли все мрачные мысли. Поэтому тело младенца и почернело. А так как мысли Кволугтангуака были печальные, такие печальные, что человек не мог их вынести, то ребенок умер очень быстро. И Кволугтангуак утверждал, что теперь уже освободился от воспоминаний о своей утрате. Он отправился на охоту и вернулся с неосвежеванной тушей медведя, которую отдал подруге. Пока от удивления она голосила на весь поселок, так что жители со всех ног стали сбегаться к ним в дом, Кволугтангуак пошел к своей упряжке и уехал; никто не обратил на это внимания. Он возвратился в Туле с пятью медвежьими шкурами, окончательно избавившись от печальных мыслей.

А дети в Сарфалике продолжают играть в ту же игру - скатываются вниз по ледяному склону, и родители с гордостью смотрят на них, вспоминая собственное детство.

Я спрашивал эскимосов, не лучше ли запретить детям так забавляться после случая с детьми Кволугтангуака. Они посмотрели на меня такими глазами, будто считали, что я либо очень невежлив, либо глуп, а может быть - и то, и другое вместе. Они терпеливо объяснили мне, что в детстве они сами так же чудесно играли, и было бы величайшим грехом запретить детям забаву, от которой они получают такое удовольствие, тем более, что и их родители и родители их родителей играли так испокон веку - с тех самых пор, как в Сарфалике появились первые люди. И именно потому, сказала одна старая женщина, Сарфалик превратился в место, которым все любят, так как дети всегда находят здесь веселые забавы.

* * *

Мы пересекли фиорд и вскоре увидели перед собой Коническую скалу. Хотя ветер был не сильным, он все-таки принес немного тепла, и мы в тот же день достигли знаменитой пещеры у Агпата, находящейся на полпути между Туле и мысом Йорк. У Конической скалы нам попалось несколько гаг, и поэтому обед у нас был великолепный. Прежде чем лечь спать, мы послали Квангака и Итукусука на разведку; они скоро вернулись и сообщили, что где-то поблизости должны быть люди. Они нашли закрытые камнями склады мяса, которые были заложены после недавних морозов. До этих людей можно добраться в несколько часов.

- Вполне возможно, что завтра представится случай увидеть Квидлугтока, - объявил Итукусук.

- Почему именно Квидлугтока? - спросил я. - Откуда ты знаешь, кто заложил эти склады?

Квангак объяснил, что у каждого охотника своя манера класть камни. Это все равно, что написать свое имя - все сразу понимают, кто укладывал эти камни.

На следующий день рано утром мы пустились в путь, чтобы убедиться, правы ли охотники. Мы медленно продвигались вперед, так как Меквусак заставил нас держаться как можно ближе к берегу. У него был обычный для всех, привыкших к каяку, страх перед открытой водой. Если бы мы сказали ему об этом, он, конечно, хотя и с неохотой, пересек бы залив или фиорд напрямик, но так как мы молчали, то он точно следовал всем извилинам берега.

Через несколько часов после отплытия из Агпата, как и предсказывали эскимосы, мы приблизились к небольшому лагерю. Квидлугток поставил свою палатку в маленькой долине; сразу за палаткой возвышался отвесный глетчер. У меня создалось впечатление, что Квидлугток совсем недавно покинул мыс Йорк и поселился в этом уединенном и труднодоступном месте, где, насколько люди помнят, раньше никто не жил.

Естественно, мы не спросили его, почему тот решил переехать в такое странное место. Он предупредил вопрос и сказал, что теперь ясно, какие умные у него были мысли, когда он выбирал это место для жилья, так как белые оказали ему честь и посетили его дом. Это несколько искусственное объяснение, вероятнее всего, было высказано как некое извинение перед его женой Арналуак, еще молодой, веселой и хорошо выглядевшей. Она, судя по всему, была взбешена тем, что ее завезли в такое глухое место.

С ними было двое маленьких детей, и Квидлугток взял с собой старую женщину Семигак. Она занималась почетным делом - выжевывала кожу птиц на рубахи для всех жителей поселка. На таких старух всегда большой спрос, так как у них не осталось зубов и они не могут прокусить тонкую кожицу птиц. С кожей люрика [22], что идет на детские рубашки, надо обращаться особенно осторожно. А старухам это не доставляет никаких неудобств, их почти не надо кормить, когда они жуют кожу, потому что они сыты жиром птиц и теми кусочками мяса, которые остаются на коже. Кроме того, старухи хорошо присматривают за детьми. Такое понятие, как заработная плата, в Гренландии не существует. Арналуак была очень довольна, что старая Семигак составляет ей компанию, когда муж уходит на охоту.

Я очень удивился, заметив что-то необычное в поведении Квидлугтока. Казалось, он все время чего-то опасается, и если бы я не знал его хорошо, то мог бы подумать, что он боится нас. Сначала я решил, что тому виной встреча с первым мужем его красавицы жены (адмирал Пири отдал ее Квидлугтоку, пока Итукусук был в экспедиции с доктором Куком).

Я рассказал об этом случае китобоям; их очень взволновало то, что на их глазах происходит встреча главных героев драмы, действие которой происходило на Крайнем Севере. Оба мужа были слишком тактичны, чтобы вообще как-нибудь обмолвиться о давнем конфликте, но старая Семигак вовсе не хотела сидеть спокойно. Она готова была лопнуть от возбуждения и старалась подлить масла в огонь. Когда мужчины приветствовали друг друга обычными вежливыми речами, она сразу начала выть: <Случилось так, что старуха увидела прошлой ночью страшный сон; он предвещал странные события и теперь, кажется, они произойдут! В их жилище явился мужчина в сопровождении могущественных друзей, и он потребует обратно свою жену. Теперь доказано, что эта женщина обладает способностью рожать мальчиков, и почти наверняка сегодня ночью в долине будет единоборство!>

Эти недвусмысленные намеки оба эскимоса оставили без внимания. Но Арналуак, казалось, была весьма польщена и очень довольна, что, возможно, произойдет битва между ее возлюбленными. Она вела себя так, словно все происходящее ее не касается и любовалась видом, который открывался перед ней, как будто она никогда раньше не видела этот фиорд, забитый льдами.

Эскимосы, естественно, были очень насторожены, а Рокуэлл Симон, который не понимал серьезности положения, показал пальцем на Арналуак и сказал несколько слов китобоям. Арналуак восприняла это как признак того, что она стала центром всеобщего внимания. Ей очень хотелось последовать примеру Семигак и ускорить события.

- Очень неприлично быть единственной женщиной среди многих мужчин, - сказала она с притворным смущением. Однако было видно, что ее это вполне устраивает. Она бросила взгляд на двух своих мужей и сказала разочарованно: - Но мужчины слишком заняты и никто не хочет обращать внимания на жалкую женщину; это вполне понятно - ведь она так мало привлекательна и, к сожалению, она одна в этом стойбище.

Потом она обратилась к Семигак:

- Великим мужьям нужно о многом поговорить, и они не замечают, есть ли здесь женщины или нет. Настало время нам уйти.

Конечно, ее очень задело, что никто не реагировал на ее слова, рассчитанные на то, чтобы вызвать действие. Она отвернулась, помедлила еще немного, а потом пошла к палатке и скрылась в ней; старая карга Семигак последовала за ней, бормоча себе под нос, как следовало бы поступить в такой роковой момент. У Семигак за плечами был опыт долгой жизни, прошедшей не без любовных сражений и бурных столкновений.

В тишине, которая наступила после этой драматической сцены, я сделал попытку разрядить обстановку и стал рассказывать Квидлугтоку о судьбе китобоев и о предстоящем нам долгом путешествии на остров Тома.

Квидлугток был опытным путешественником, участвовал в больших экспедициях Пири и тогда научился немного говорить по-английски. Он сказал, что ему очень бы хотелось присоединиться к нам и отправиться на остров Тома, но его семья не может без него обойтись; приходится добывать пищу, ведь они живут одни, и он не может их оставить. Квидлугток попросил нас переночевать у него и не уезжать до прилива на следующий день. Он недавно вернулся с мыса Йорк через глетчер и считал, что мы, вероятно, сумеем добраться до острова Тома, так как трещины во льдах еще не успеют замерзнуть.

Мы закончили обильную трапезу, которой нас угостил хозяин, но пока не заметили никаких намеков на предстоящую борьбу между двумя эскимосами. Поэтому китобои спросили меня, нельзя ли им переночевать в палатке, чтобы еще раз хорошенько отоспаться в нормальных условиях. Но ясно, что основной притягательной силой была Арналуак, а следовательно, на мир и покой рассчитывать не приходилось; поэтому я сказал Биллу

Раса, что он может забрать с собой китобоев и устраиваться на ночлег в лодке. А если им станет скучно, то они могут пригласить Семигак, она с радостью составит им компанию. Однако такое предложение отнюдь их не вдохновило. Они надулись и отправились в лодку, оставив меня с эскимосами.

С их уходом Квидлугток стал как будто спокойнее, а мои два эскимоса шепнули мне, что хотят остаться и посмотреть, не произойдет ли чего-нибудь между двумя мужчинами. Я решил попытать счастья в качестве миротворца.

- Кажется, у меня болят уши, - сказал я Квидлугтоку. - У меня в ушах все еще звучат неразумные речи этой старой бабы!

Квидлугток быстро взглянул на Итукусука, но промолчал. Меквусак и Квангак изнывали от любопытства, но делали вид, что заняты совсем другими вещами. Наконец, Итукусук нарушил молчание; по всему было видно, что он на что-то решился:

- Настало время, когда мы дивимся тебе, Пит?. Твои уши все еще болят. Может быть, голова твоя имеет способность долго помнить? Даже если другие и поняли пустую болтовню старой женщины, эти слова давно уже надо забыть.

Снова честный Итукусук предпочел мир. Он дал понять, что вовсе не собирается драться из-за Арналуак, и мы все можем пребывать в мире. Я высказал свое удивление по поводу того, что Квидлугток выбрал такое уединенное место. Но в этом проявился присущий ему ум, добавил я, он живет один и тем самым не лишает своих соседей добычи. О нем идет слава как о таком великом охотнике, который уничтожает все, что попадется ему на пути, сказал я, желая доставить ему удовольствие этой лестью.

Квидлугтоку, вероятно, не понравились мои слова, он смотрел на меня, как бы пытаясь узнать, нет ли тут скрытого смысла. Он пробормотал, что предпочитает собственное общество. В его поведении по-прежнему было что-то неестественное, когда мы направились в палатку, чтобы взглянуть на его детей. Арналуак с нетерпением ждала внутри - будет ли единоборство? Итукусук мирно играл с двумя мальчиками, которые вполне могли быть его детьми, если бы он не поехал с доктором Куком.

Семигак была страшно разочарована. Давно-давно мужчины сражались из-за нее; теперь она должна довольствоваться лишь тем, чтобы смотреть, как другие женщины устаиваются такой чести. Но ей доставляло удовольствие давать добрые советы и рассказывать о своих прежних успехах. У нее было четыре мужа, не считая многочисленных временных спутников, и старуха всегда уверяла, что ее красота была причиной многих столкновений в стойбище. Она скалила свой беззубый рот, рассказывая о бесчисленных побоях, которые доставались ей от мужей за ее измены.

Теперь, конечно, она стара, продолжала Семигак, но в молодости была сильной женщиной, ведь красота умножает силу! Бедные женщины, которые не пользуются вниманием великих охотников! Так как они некрасивы, то к старости делаются слабыми и достойными сожаления, объяснила нам Семигак. Но они тогда рано не умирают, так как смерть не хочет их взять.

Мы оставили циничную старуху, дав ей возможность предаваться воспоминаниям, а сами расположились на отдых перед палаткой и скоро заснули.

* * *

Квидлугток оказался прав, на следующее утро ледовая обстановка изменилась к лучшему. Чтобы обозреть местность, Квангак забрался на гору Насиссорфик, возвышающуюся над стойбищем. Спустившись вниз, он сказал, что открытая вода или по крайней мере подходящие протоки есть на всем пути вдоль берега до самого мыса Йорк. Мы распрощались с нашим хозяином Квидлугтоком, с женщинами и отправились. Прилив уже начался.

Квидлугток все время нервничал, и я заметил, что пока мы были на суше, он ни на минуту не выпускал из рук ружья и не успокоился, пока мы все не погрузились в лодку. Я очень удивился - неужели он все еще боится Итукусука, даже после тех слов, которые тот произнес вчера вечером. Только спустя много месяцев я выяснил истинную причину его странного поведения - объяснение оказалось значительно более трагичным, чем то, которое тогда пришло мне в голову.

* * *

Квидлугток пользовался огромным доверием адмирала Пири, так как эскимос обладал крайне нужными качествами: он был отличным путешественником, мог переносить самые тяжелые лишения, говорил немного по-английски и был более приветлив и усерден, чем другие. Когда Пири делал последние приготовления к своей знаменитой экспедиции на Северный полюс, он решил отправить Квидлугтока вместе с профессором Россом Марвином. Им надо было продвинуться на север дальше других партий и последними повернуть назад; как и другие отряды, они должны были заложить продовольственный склад, которым Пири и его люди могли бы воспользоваться на обратном пути с полюса.

Имея непревзойденный опыт, Пири продумал санную экспедицию до мельчайших подробностей. Каждый из вспомогательных отрядов имел свои определенные задачи, которые так же важны для успешного исхода экспедиции, как задача самого Пири. Он точно рассчитал, сколько может доставить каждый из его помощников и как далеко позволят продвинуться эти запасы. Только эти продовольственные склады могли обеспечить успех всей экспедиции и возвращение обратно. Ничто не было упущено, поэтому и удалось избежать трагической участи Скотта, погибшего на обратном пути с Южного полюса [23]. Пири показал себя настоящим мастером среди полярных исследователей.

Росс Марвин и трое сопровождающих его эскимосов достигли условного места, построили снежную хижину, заложив продовольственный склад на указанной широте. Но Росс Марвин не вернулся из экспедиции. Их застигла непогода, дрейфующий лед отнес их далеко на запад. В Северном Ледовитом океане лед вовсе не так крепок и прочен, как многие думают. Конечно, льды достаточно толсты, но льдины трескаются, образуя широкие

разводья, которые снова замерзают. Не всегда можно быть уверенным, что такие замерзшие трещины достаточно прочны. Марвин этого не знал, и его незнание привело ко многим серьезным последствиям. Профессор Марвин не нравился своим спутникам - Квидлугтоку и Акиоку, они оба были прекрасными путешественниками на санях, таким же был и Инукитсокапалук, совсем еще молодой человек, но волевой, сильный и выносливый - эти качества он мог противопоставить опыту других участников экспедиции. Оставшись сиротой, он с самого детства жил в тяжелых условиях, привыкнув к холоду и голоду. У каждого из трех эскимосов была своя упряжка, у Марвина ее не было. Он сидел с каждым по очереди или бежал на участках со слишком неровной дорогой.

Каждое утро, когда они снимались с лагеря, Марвин глазами аргуса следил за продовольствием. Он выдавал паек и ни одному из эскимосов не уделял ни крошечки больше установленной порции, как бы голодны они ни были. Конечно, на его обязанности лежала забота о том, чтобы продовольствия хватило на сколько было запланировано; профессор боялся, что с этими запасами они не сумеют добраться до главного лагеря Пири. Это опасение эскимосы не разделяли. Ему бы следовало поделиться своими мыслями, улыбнуться им и все стало бы хорошо. Когда погода была плохая и приходилось отлеживаться, он совсем не давал им еды, потому что такие дни не входили в его расчеты. Целыми днями он ни с кем не разговаривал.

Марвин каждый день готовил завтрак и, как только они кончали есть, аккуратно запаковывал остатки. Он шел впереди и следил, чтобы эскимосы двигались за ним как можно скорее. Те, кто раньше бывал с ним в санных экспедициях, говорили, что Кавдлунак очень нетерпелив и никогда не улыбается.

Временами он выходил из себя и кричал на эскимосов, и они сделали вывод, что это очень неприятный спутник. Но у них не было выбора: Пиули сказал им, что они должны ехать с Марвином, а ведь Пиули - человек, который <думает за всех>.

Не раз эскимосы признавались друг другу, что им хотелось бы, чтобы все обстояло иначе; но они понимали, что Марвину, так же как и им, это путешествие не доставляет удовольствия; ведь ему не с кем поговорить. Он не понимал их языка, а запаса английских слов Квидлугтока не хватало даже на то, чтобы обсудить самые необходимые вещи. Когда Квидлугток говорил со своими товарищами и они смеялись, Марвин часто спрашивал, о чем идет речь и почему они смеются. Квидлугток не мог ему объяснить, он только пожимал плечами и говорил бедному Кавдлунаку, что все это незначительные слова, недостойные перевода на нездешний язык. И Марвин всегда приходил в ярость.

На обратном пути им часто попадались свежие трещины, как правило, уже покрытые льдом, так как было очень холодно; но лед не всегда был достаточно прочен, чтобы ехать по нему. Эскимосам стоило взглянуть на поверхность, чтобы понять, выдержит ли лед или нет; если он темный, то идти по нему опасно, тогда как лед, ставший белым, как молоко, - надежен. Собаки инстинктивно чувствовали, как нужно вести себя на слабом льду. Они рассыпались веером, чтобы вес всей упряжки не сосредоточивался в одном месте; двигались собаки медленно и осторожно. Эскимосы тоже знали, что новый лед может оказаться предательским и что трудно без посторонней помощи выбраться, если провалишься. Случалось, что и опытные люди тонули, так как слишком тонкий лед не выдерживал веса человека, а когда тот пытался вскарабкаться на льдину, то край обламывался; можно спастись, если только поблизости оказывается толстая льдина, в противном случае утопающий гибнет, он выбивается из сил, обламывая тонкий лед.

Марвин не знал этих опасностей. Однажды эскимосы остановились и стали объяснять ему, что слишком опасно ехать по такому льду и надо либо попытаться объехать трещину, либо подождать, пока лед окрепнет. Марвин рассердился и стал обвинять эскимосов в лени; он говорил гневные слова, и лицо у него было злое. Первый раз, когда они заспорили, Марвин уступил, но пообещал еще доказать, что они ничего не понимают, если судят о крепости льда по его цвету. Следующий раз эскимосы остались на старом, твердом льду, а он пошел по темной, тонкой корке. Едва он сделал несколько шагов как провалился.

Трое мужчин без особого труда вытащили его. При таком морозе человек никогда сразу не тонет - так бывает всегда при низких температурах. меховая одежда снаружи почти такой же температуры, как и воздух, и в тот момент, когда мех попадает в воду, на нем образуется тонкая ледяная корка. Этот ледяной панцирь не позволяет воде проникнуть внутрь, кроме того, он изолирует маленькие пузырьки воздуха, которые остаются между тысячами волосинок. Обычно человек плавает на поверхности до тех пор, пока ледяная корка не растает в воде. Марвин ничего не сказал, когда его вытащили. Он разрешил эскимосам построить снежную хижину и дожидаться, когда можно будет без опасности ехать дальше. На следующий день снова натолкнулись на трещину, но, очевидно, Марвин ничему не научился после вчерашнего происшествия. Он опять рассердился и стал нетерпеливо требовать, чтобы эскимосы ехали дальше. Но тут Квидлугток нашел надежный объезд, и Марвин согласился, однако без особой охоты. В этот день они еще много раз расходились во мнениях, и присутствие этого человека доставляло очень мало радости. Вечером, когда раскинули лагерь, никто и словом не перемолвился, а тут еще внезапно заболел Инукитсокапалук. Он не мог ничего есть, и его тошнило, а наутро он почувствовал сильную слабость. Понятно, что он не мог справиться с упряжкой и каждый раз, когда приходилось перебираться через торосистый лед, двое эскимосов помогали ему. К вечеру их больной товарищ настолько отстал, что Акиоку пришлось возвращаться за ним. Инукитсокапалук лежал на снегу, не в состоянии сдвинуться с места. Акиок дотащил его до снежной хижины. Квидлугток объяснил Марвину, что надо подождать день или два, пока их товарищу не станет лучше.

Марвин сказал <нет>. Он очень боялся, что не сможет вернуться домой и требовал, чтобы они ехали. Поэтому на следующий день больного пришлось привязать к саням. Двигались очень медленно, так как Акиоку и Квидлугтоку приходилось править тремя упряжками. Теперь эскимосы начали немного сердиться на Кавдлунака; поэтому, когда они снова приблизились к трещине, то Квидлугток пошел на маленькую хитрость. По льду можно было спокойно проехать, но оба эскимоса заявили, что здесь слишком опасно. На этот раз Марвин согласился, и, хотя было еще довольно рано, разбили лагерь. У Инукитсокапалука был жар и почти все время он находился без сознания. Есть он не мог и нуждался только в отдыхе и покое.

Утром ему стало немного лучше, но он все еще был слаб. Квидлугток знал, что теперь юноша поправится, если отдохнет несколько дней. Он сказал об этом Марвину, но кавдлунак отказался разрешить стоянку и велел трогаться в путь, бросив больного. Ему можно оставить паек, сказал Марвин, а когда эскимос поправится, то двинется по следам саней. Профессор сам возьмет его упряжку и будет ею править.

Сначала эскимосы не поверили, что это было сказано всерьез. Но когда Марвин начал нагружать сани больного, они поняли, что тот и в самом деле намерен поступить так, как грозил. Марвин торопил их: <Мы и так потеряли много драгоценного времени, задержавшись на день>.

Квидлугток в последний раз спросил его, действительно ли он намерен оставить здесь Инукитсокалука?

- Безусловно! - сказал Марвин нетерпеливо. - Если больной тотчас же не выйдет из хижины, то он останется здесь.

- Но ведь это мой двоюродный брат! - сказал Квидлугток Марвину.

Может быть, Марвин не понял его, а может быть, просто не чувствовал сострадания к больному. Он только пожал плечами и закричал, что надо поторапливаться.

Квидлугток ничего не сказал; пошел к своим саням и сделал вид, что поправляет поклажу, а когда Марвин повернулся к нему спиной, вынул свое ружье. Больше разговаривать было не о чем, и Квидлугток выстрелил ему в голову.

Квидлугток оставил кавдлунака на том месте, где тот упал, спокойно вернулся в хижину и сказал эскимосам, что все же придется одного оставить на этой стоянке - но не человека, а кавдлунака.

Все трое долго молчали, им было страшно; потом Акиок спросил, что теперь делать. Вполне возможно, что американцы рассердятся, если эскимосы вернутся к судну без Марвина и расскажут, что случилось. Они долго обсуждали этот вопрос, а потом все трое сошлись на том, что надо сослаться на всем известную неосторожность Марвина. Порешили рассказать американцам, что белый человек по свойственной ему глупости попробовал первым пройти по тонкому льду, который еще не успел затвердеть. Он упал в воду, а когда другие подоспели к этому месту, тот уже ушел под лед и утонул - разломанный лед свидетельствовал о том, что произошло. Они уверяли друг друга, что такое и в самом деле могло случиться по неразумности Марвина. Потом эскимосы привязали ружье Марвина и исследовательские инструменты к его труп, вырубili в трещине, затянувшейся свежим льдом, отверстие и втокнули туда тело. Они видели, как оно медленно погружается в воду.

Затем все вернулись в снежную хижину и улеглись, чтобы обдумать положение, но вскоре заснули и проспали весь день. Когда проснулись, то приготовили себе пищу и съели значительно больше, чем дал бы им Марвин; после этого они опять легли спать.

На следующий день начался буран, который вынудил их остаться на месте. Отдых и обильная пища восстановили силы Инукитсокалука, и, когда метель улеглась, они смогли отправиться в путь. Но эскимосы съели все продукты, которые Марвин так тщательно делил на порции, и им приходилось каждый вечер закалывать собаку, чтобы продержаться. Они легко могли обойтись без собак: ведь их осталось трое, можно было бросить одни сани и ехать на двух упряжках.

Через пять суток эскимосы, наконец, достигли земли. Они очень сильно уклонились на запад, и прошло еще много времени, пока они добрались до судна, но трудностей на суше было меньше. Им удалось набить много зайцев, а на второй день пребывания на берегу охотники застрелили трех мускусных быков. Находясь уже вблизи судна, они решили воздать покойнику должные почести и заранее возвестить о его судьбе. Квидлугток начал избивать своих собак, чтобы их вой привлек внимание людей. Эскимосы издали заметили, что люди выбегают из своих домов, и поняли, что их услышали, поэтому уселись на сани спиной к людям, спешащим им навстречу. Этим они извещали приближающихся, что кто-то умер.

Эскимосы замолчали, увидя спины сидящих на санях. Некоторые начали плакать, решив, что умер Пиули. Другие стонали, так как не видели Маррипалука - так они называли Мэттью Хенсона, негра, сопровождавшего Пири [24], который говорил по-эскимосски лучше всех американцев, когда-либо посещавших эти места; кроме того, он был самым лучшим охотником и лучше всех правил упряжкой. Когда они подошли ближе и узнали Квидлугтока, им стало ясно, что это не упряжка Пиули, поэтому они перестали плакать. Смерть Марвина не могла вызвать слез у эскимосов.

Боб Бартлетт - <Большой капитан> - распоряжался в штаб-квартире Пири в отсутствие хозяина. Он тотчас же расспросил, что случилось с профессором Марвином. Рассказывал от лица всех троих Квидлугток, так как он был самым старшим и, кроме того, именно он спас своего двоюродного брата от неминуемой смерти, если бы его бросили одного среди льдов. Квидлугток объяснил капитану Бартлетту, что Марвин ушел вперед, когда они утром снимались со стоянки. Эскимосы часто предупреждали его, чтобы он не шел по ненадежному льду, но белый никогда не хотел прислушиваться к их словам и советам. Так и на этот раз - Марвин пошел по тонкому льду и провалился, а когда эскимосы подоспели на санях, он уже утонул.

Капитан Бартлетт страшно рассердился и отказался им верить. Человек, провалившийся в трещину, не может так быстро утонуть, сказал он, и обвинил их в умышленном убийстве Марвина. Капитан прекрасно знал, что эскимосы не любили покойного. Поэтому он заявил трем эскимосам, что теперь они не будут получать питание на корабле, а должны оставаться в своих снежных домиках до приезда Пири. Ему они и расскажут, что произошло на самом деле.

Квидлугток ничего не возразил, он немного постоял молча, а потом совершенно спокойно сказал, что <Большой капитан>, вероятно, и в самом деле обладает большим умом, если знает то, чего никто не видел и о чем никто не слышал. Трое эскимосов остались на берегу со своими семьями; они весьма подробно обсудили это дело с друзьями и старыми мудрыми людьми племени. Они поведали своим соотечественникам всю правду и было решено, что Квидлугток не станет отступать от рассказанной им истории. Если он откажется от первоначального рассказа и сообщит Пиули, как он убил Марвина, спасая Инукитсокалука, то очень возможно, белые скажут, что люди здесь разучились говорить правду, а это может повлечь за собой решение никогда больше не приплывать сюда на своих судах.

Квидлугтока всячески хвалили люди его племени за то, что он так храбро защищал своего двоюродного брата. Инуарсук, сестра Инукигтокпалука, как она сказала, была гораздо счастливее оттого, что возвратился ее брат, а не Марвин, и она заклинала не говорить правду белым людям. Очень возможно, что они захотят отомстить за гибель своего товарища. И Пиули, их хороший друг, естественно, будет горевать о своем умершем друге, но он еще больше огорчится, если ему скажут, что в отряде была вражда. Все сошлись на том, что о Марвине больше не стоит распространяться.

Вскоре Пири вернулся с триумфом из своей экспедиции, счастливо достигнув <Пупа Земли>. Все сопровождавшие его были целы и невредимы. Одарк и трое его соплеменников, которые участвовали в этой поездке, не могли, однако, разделить его радость и удовлетворение. Там нет ни отверстия, ни чего-либо похожего на пупок, сообщили они своим друзьям. По пути на север эскимосы часто говорили между собой, что надо быть очень осторожным, когда достигнешь полюса, - ведь можно поскользнуться и исчезнуть внутри земли; но никакой подобной опасности не было. Они просто переехали через большие льдины, и тут Пиули вдруг сказал, что дальше никто не пойдет. Он посмотрел на солнце через свой обычный, довольно смешной бинокль и выяснил, что они находятся в нужном им месте. Под ними находился <Пуп Земли>, или <Северный полюс>, как он назвал его.

Впервые Пиули дал возможность разочароваться в нем. Хотя он и могущественный человек, хоть он думает за всех в этой стране и у себя на судне, но люди увидели теперь, что он предпринял тяжелейшее путешествие, которое не имело никакого смысла. Пиули рассказывал им, что он многие годы мечтал добраться до этого места, однако Одарк и его товарищи очень удивились этим словам, которые казались им глупыми: ведь здесь не было ни зверя, на которого можно охотиться, ни вообще чего-нибудь такого, за чем следовало сюда приезжать. Так как Пиули был добрым человеком, хорошо ко всем относился и давал ценные подарки [25], они решили объяснить ему, что с его стороны просто ребячество отправиться сюда ни за чем, а потом заявить, что он очень доволен. Эскимосы качали головами от удивления, когда в ответ на их речи он только улыбнулся; но они обрадовались, что повернут назад, так как теперь дорога стала лучше.

На обратном пути все измучились и исхудали, однако Пири не давал им много спать - спали столько, сколько он считал нужным, и только во время бураны могли вдоволь отсыпаться. Каждое утро он будил их, хотя они чувствовали, что могли бы поспать еще. Но на Пири нельзя было сердиться, несмотря на его странные мысли. Он очень осторожно расходовал продукты и никогда никому не разрешал съесть больше, чем он считал нужным. Их гнев всегда быстро проходил, потому что Пиули улыбался и находил ласковые слова, и становилось понятно, что раз уж они заехали в такие места, где не на что охотиться и неоткуда раздобыть пищу, то им, вероятно, никогда не удалось бы вернуться домой, если бы мысли Пиули не были такими мудрыми.

Когда по возвращении домой Пиули отдохнул от поездки к <Пупу Земли>, он спросил о Квидлугтоке. Трое эскимосов были в подавленном настроении и страхе; они даже подумывали, не покинуть ли стойбище, отправившись восвояси еще до приезда Пири. Теперь Квидлугток сказал своим спутникам, что, может быть, Пиули намерен приумножить радость от возвращения домой, застрелив их за то, что они вернулись без Марвина. С тяжелым сердцем сказал он Арналуак, что идет на судно с Акиоком и Инукигтокпалуком.

Пири вышел к ним навстречу с приветливой улыбкой и поблагодарил за то, что эскимосы доставили пищу ему и собакам. Благодаря этому он сумел вернуться с <Пупа Земли>. Это место он давно мечтал увидеть, хотя там и не на что смотреть. Он очень огорчен смертью Марвина, сказал Пири, но знает, что его никак нельзя было спасти. Затем он обещал, что они получают такие же ценные подарки, как и все другие эскимосы, и что теперь все трое снова могут питаться на корабле.

Он подарил им табак, чай и другие, приносящие радость подарки. Узнав, что Квидлугток привык жить с Арналуак, Пири предложил оставить все как есть. И когда они, наконец, вернулись на пароходе в Эта и там встретили Итукусука, Пири решил, что Арналуак больше не будет его женой, а станет женой Квидлугтока. Пири вскоре покинул Гренландию и никогда больше не возвращался в полярные страны, поэтому правда о гибели Марвина в течение многих лет была известна только эскимосам. Но произошло другое трагическое убийство, которое случилось еще до того, как тайна Квидлугтока была раскрыта, убийство, которое странным образом перекликалось со смертью Марвина.

Спустя некоторое время после отъезда Пири из Гренландии, в Эта прибыла новая американская экспедиция, во главе которой стоял Дональд Мак-Миллан - Налагапалук, как его звали эскимосы. Его хорошо знали, как одного из спутников Пири; с ним приехали белые, и они построили в Эта большой дом. У этих людей было больше разума, чем у Пиули; они приехали, чтобы посмотреть, что кроется в земле, а не тратили силы и время на открытие <Пупа Земли>, которого никто так и не смог увидеть. Мак-Миллан отправился в далекое путешествие в новые земли с Итукусуком, который раньше сопровождал доктора Кука. Мак-Миллан очень насмешил эскимосов, рассказав, что доктор Кук вернулся домой и стал говорить, будто бы он тоже побывал у <Пупа Земли>, и многие белые ему поверили. Кавдлунаки доказали, что они не понимают, что значит это путешествие и какие с ним связаны трудности, если поверили, будто бы человек, вроде доктора Кука, мог его проделать. Белые не знали, что только такой человек, как Пиули, мог найти <Пуп Земли>, который бывает лишь в одном определенном месте. Ведь никто не родится с двумя пупками - ни человек, ни сама земля, уверяли они Мак-Миллана, поэтому Кук, конечно, не мог там побывать.

Некоторые из американцев, приехавшие с Мак-Милланом, совсем не походили на него самого и на участников экспедиции Пири. Одного звали Грин, и хотя он был молодой человек, никто не видел на его лице улыбки. Эскимосы называли его Колерссук. Молодость его проявлялась только в безудержном влечении к женщинам; он выбрал себе красивую женщину по имени Алакрасина. Она была замужем за Пиуватсорком. Грин часто брал ее к себе, не спрашивая разрешения у мужа.

Когда пришла весна, Мак-Миллан запланировал длительную санную экспедицию на другую сторону Земли Элсмира. У Пиуватсорка появилась охота покинуть стойбище Эта и вообще уйти от белых людей. Тем временем Грин настолько привык к красоте Алакрасине, что вовсе не отпускал ее от себя.

Бедняга решил уже уехать из Эта без жены, когда Мак-Миллан предложил ему отправиться в длительную экспедицию - его желание было так велико, что Пиуватсорт не смог отказаться. Мак-Миллан не знал о том, что случилось в лагере, и распорядился так, что Пиуватсорт пришлось ехать в пролив Эврика вдвоем с одним из белых - этим белым оказался Грин.

Никто точно не знает, что произошло во время этой роковой поездки к проливу Эврика. Они выехали вместе - неопытный Грин, который никогда не смеялся, и добродушный Пиуватсорт, у которого Грин украл жену. Через много дней Грин вернулся один.

Когда Мак-Миллан спросил его, что случилось с Пиуватсортом, Грин спокойно ответил: <Я застрелил его!> Мак-Миллан пришел в ужас: он боялся, что эскимосы отомстят за убийство, если узнают об этом. И вдвоем с Грином они сочинили историю, которую я услышал в Туле. Гренландцам рассказали, что Грин и Пиуватсорт построили снежную хижину под скалой и во время сна на них обрушилась снежная лавина, засыпавшая их. Грин чуть не задохся, но ему удалось выбраться из-под восемнадцатифутового слоя снега. Но Пиуватсорта он не обнаружил - его либо раздавила лавина, либо он задохся под снегом. Еще тогда мне показалось странным, что они разбили лагерь в таком неподходящем месте и что молодой и неопытный Грин выбрался и спас себе жизнь, а опытный и ловкий Пиуватсорт погиб. Но так рассказывали, да и чего не случается во время путешествия на санях. Не было никакой возможности опровергнуть эту версию, пока Грин твердо ее придерживался, а труп Пиуватсорта не был найден; кроме того, никто не допускал мысли об убийстве.

После этого случая Грин стал сам не свой. Он потерял всякий интерес к жене погибшего, красавице Алакрасине, и не ладил со своими соотечественниками. Поздней осенью Грин послал ко мне гонца с письмом, где просил приютить его на некоторое время. Я совсем не знал этого человека, но отклонить такую просьбу было немыслимо. Грин приехал и прожил с нами много месяцев.

Однажды я попытался разузнать, при каких обстоятельствах умер Пиуватсорт и что в действительности произошло в проливе Эврика. Он побледнел, заволновался и просил меня не говорить с ним на эту тему - думать об этом для него невыносимо. У меня создалось впечатление, что молодой человек был глубоко подавлен тем, что не смог спасти своего спутника, этим и объясняется его нежелание говорить; в дальнейшем я никогда не упоминал о несчастном случае. Велико же было мое изумление, когда через несколько месяцев, поехав в Упернавик за почтой, я получил письмо от датского инспектора в Годхавне, представляющего высшую власть в Северной Гренландии. Он писал мне: <Ходят упорные слухи о том, что один американец из экспедиции Мак-Миллана убил эскимоса!> Он хотел бы знать подробности этого дела, хотел выяснить, не является ли это, как часто бывает, просто необоснованным слухом.

Как возник такой слух, я не знаю и больше всего склонен думать, что гренландцы это выдумали сами. Я ведь не мог знать, что все соответствует действительности.

Во всяком случае, пока Грин гостил у нас в доме, мы ничего не подозревали. Наварана и я делали все, чтобы ему было хорошо у нас. Он тоже всегда был доброжелателен и вежлив, пока жил с нами, но тем не менее все эскимосы инстинктивно не выносили его; у нас же никогда не возникало с ним никаких споров. Только когда он покинул Туле, я впервые понял, как он в действительности относится к здешним жителям.

Я обещал ему и еще трем членам экспедиции переправить их через залив Мелвилла, потому что корабль, который пришел, чтобы отвезти экспедицию домой, затерло льдами. Я должен был доставить их в Упернавик. Как только мы выехали из Туле и сделали первую остановку на льду, чтобы укрепить постромки на собаках, Грин сказал, что, наконец, он счастлив и снова чувствует себя свободным, так как покидает это проклятое место. За все долгие месяцы, проведенные здесь, сказал Грин, он не встретил ни одного эскимоса, который превосходил бы в своем развитии собаку. Я сделал вид, будто бы не обратил внимания на его слова, хотя они меня глубоко оскорбили, и совершенно спокойно заметил ему, что в течение пяти месяцев он был гостем моей жены. Грин как будто не понял своей бестактности, так как ответил мне, что это не имеет никакого значения - ничто не может изменить его мнения об эскимосах!

Тогда я еще не знал, что он убийца; я подумал, что ему просто хотелось облегчить муки нечистой совести. Он дал погибнуть своему спутнику-эскимосу и теперь пытается, думалось мне, убедить себя и других, что жизнь эскимоса не дороже жизни собаки.

Много месяцев спустя я получил книгу Мак-Миллана об этой экспедиции. В ней он цитирует Грина, который нагло заявил: <Да, я действительно убил эскимоса у пролива Эврика. Я был вынужден застрелить его, так как он не слушался моих приказаний!>

Это признание произвело сенсацию в Гренландии. Насколько нам было известно, ни один белый в этой части земного шара не убивал эскимоса. После Пиуватсорта осталась вдова и множество малышей, и о них некому было позаботиться. Когда все стало известным, то было выдвинуто требование о вознаграждении пострадавших от этого преступления. Но случилось так, что был выдвинут встречный, столь же обоснованный иск.

Вскоре после отъезда Грина в Туле приехал новый пастор. Там уже и раньше бывали миссионеры, но вновь прибывший оказался способным и авторитетным служителем церкви. Ему удавалось обращать эскимосов в свою веру и он усердно крестил их. Сначала они выучивали начатки христианской религии, а перед принятием в лоно церкви от них требовали признания своих прегрешений.

Квидлугток случайно оказался в Туле именно в это время и ему очень захотелось креститься. Покаяние в грехах, как говорилось выше, играло при этом важную роль; среди эскимосов развилась конкуренция, они считали, что чем тяжелее грехи, тем лучшими христианами они станут, поэтому боролись за честь иметь самые большие проступки, чтобы получить за них отпущение. Квидлугток безусловно считал себя первым, когда лихо пришел открыть свою тайну пастору, рассказав, что он застрелил профессора Марвина, чтобы спасти Инукитсокалука. Пастор сообщил о случившемся церковным властям. Об этом было напечатано в миссионерской газете [26], как о типичном примере того, какими ужасными эскимосы были до прихода миссионеров и каковы они теперь, когда с них смыты все их грехи. Но американские власти, получив известие о смерти Марвина, потребовали расследования и судебного разбирательства. Вопрос о Грине еще оставался нерешенным, и все кончилось тем,

что молчаливо согласились не предавать гласности оба эти убийства - одно оплатило другое. Всего этого я не знал, когда мы осенью с пятью китобоями остановились у Квидлугтока по пути на остров Тома. Я только удивился его странному поведению. Мне показалось, что он взволнован тем, что видит у себя чужих и поэтому держит ружье наготове. А бедняга, по всей вероятности, боялся, что эти белые пришли отомстить ему. Квидлугток бежал сюда, в Агпат, так как знал, что здесь он вряд ли увидит белых людей. Если бы он остался на мысе Йорк, где постоянно жил, то наверняка встретил бы там много белых, так как в это время года туда приезжают китобои. Случай с Марвином был свеж в его памяти; все произошло лишь два года назад. Квидлугток не мог знать, известна его тайна или нет; поэтому он считал, что каждый белый представляет для него опасность. И поэтому почувствовал огромное облегчение, когда мы исчезли во льдах.

Глава 6

ВПЕРЕД, И К ЧЕРТУ В ПЕКЛО!

В течение ночи основная масса льда отошла от берега, кое-где образовались широкие каналы, по которым можно было двинуться вперед. Дул попутный ветер, поэтому мы могли сложить весла и лечь отдохнуть - мы шли под парусом в направлении мыса Йорк. Мою неуклюжую тяжелую лодку никак нельзя считать быстроходным парусником, кроме того, к корме привязали каяк, а это тоже не способствовало увеличению скорости; однако мы продвигались быстрее, чем тогда, когда сидели на веслах, обливаясь потом; да что и говорить - идти под парусом несомненно приятнее.

Все побережье до мыса Йорк было залито солнечным светом, и я, как всегда, любовался горами и глетчерами. Горная цепь с остроконечными вершинами - весьма незначительная преграда для материкового льда, и даже по узким ущельям лед пробивается вниз к морю. В некоторых местах <ворота> столь малы, что не пропускают основную массу льда, и глетчер останавливается на полпути, но там, где есть возможность спуститься к самому морю, <льды сползают, чтобы утолить свою жажду соли>, как говорят эскимосы.

Здесь в горах множество птичьих базаров; сотни тысяч морских птиц гнездятся на вершинах и по склонам до самого берега. Большинство из них устраивают свои гнезда на отвесных утесах недалеко от воды. Они не дожидаются, когда их птенцы научатся летать; их кормят, пока не столкнут со скалы в воду. И если они оказываются внизу, им ни за что не попасть обратно. Птенцам приходится уплывать от неприступных скал и с этих пор самим добывать себе пищу.

Гаги, напротив, кладут свои яйца подальше от воды, а не на отвесных скалах, откуда удобно сталкивать птенцов прямо в воду. Поэтому им приходится заботиться о птенцах и кормить их, пока те сами не смогут спланировать с гнезда на воду. Несчастные родители день и ночь заняты добыванием пищи для маленьких обжор, которые с нетерпением ждут их возвращения. Тысячи птиц щебечут и гогочут все время; создается впечатление, что звучат сами горы - ликующий веселый гимн лету и красоте.

Эта часть года самая лучшая для эскимосов. Жирные гаги - неисчерпаемый источник пищи; можно прекрасно полакомиться вкусной птицей, ощущая, как жир стекает по щекам и подбородку. Когда гагу варят, то вода покрывается слоем блестящего прозрачного жира и кажется, что все прелести арктического лета заключены в этом супе. Если вдоволь наешься молодых гаг, то язык развязывается и с жирных губ легко соскальзывают приятные слова; эскимосы тогда счастливы, им все нипочем.

Для песцов это тоже лучшее время года. Молодые, плохо умеющие летать птицы вылезают из своего укрытия в камнях и греются на теплом солнышке. Ведь они не знают, что песцы подстерегают их. Стоит только птенцам покинуть свое гнездо, как песец набрасывается на них. А этот враг - враг номер один - очень хитер. Он душит птицу не только, чтобы тут же наесться досыта, но и чтобы сделать себе запасы на зиму. Даже молодые песцы, родившиеся этой же весной, которые еще ни разу не видели длинной, холодной и темной зимы, инстинктивно чувствуют, что надо запастись пищей заранее.

Песцы тщательно прячут свои зимние запасы, аккуратно укладывая битую птицу ровными рядами, одна за другой, как поленицу дров. Головы они всегда откусывают. Неизвестно, почему песцы оставляют на зиму только обезглавленных птиц. У эскимосов есть рассказ о том, что это началось давно, с той самой поры, когда один легкомысленный песец положил среди убитых птиц не совсем придушенную. Пришли морозы, полумертвая птица проснулась, подняла голову и заговорила: <Здесь очень холодно, давайте полетим на юг!> И так как она сама воскресла из мертвых, то обладала силой оживлять всех других птиц.

И вот все мертвые птицы ожили, поднялись и улетели. Когда настала зима, песцам пришлось голодать. Многие вымерли, а те, которые остались в живых, отправились в глубь страны в поисках куропаток. Этих неосторожных птиц было легко ловить, так как они полагали, что песцы живут далеко на берегу и питаются гагами, а следовательно, можно чувствовать себя в безопасности. И куропатки погибали из-за своей неосторожности. Вот с той поры песцы откусывают головы гагам, а белые куропатки зимой становятся пугливыми.

Вокруг нас плавали бесчисленные гаги; они ныряли в поисках пищи для своих птенцов. Это тяжелый труд, ведь птенцы должны стать жирными и сильными, чтобы научиться летать. Эскимосы утверждают, что у каждой пары гаг бывает только один птенец именно потому, что если бы их было больше, то родители не смогли бы их прокормить. Однако это одно яйцо гаги так велико по отношению к самой птице, что эскимосы обычно обвязывают ногу гаги вокруг шеи новорожденной девочки, чтобы способность птицы рождать больших детей перешла к будущей женщине.

Об этом и о многом другом я рассказал своим друзьям, пока мы пребывали в праздности, предоставив ветру гнать лодку вдоль берега. В конце концов все заснуло, только Меквусак остался у руля; он необычайно гордился своей почетной обязанностью. Когда кто-нибудь из нас просыпался и озирался вокруг, Меквусак говорил, что все в порядке, бояться нечего и мы можем спокойно спать дальше, а старику сон не нужен, пока он не ступил на сушу. Я привык полагаться на него. Старик знал, куда править и вообще многое умел. Я только забыл, что он ничего не понимал в парусном деле, и нам вскоре пришлось убедиться, что это не его стихия.

Пока мы плыли, я лежал в полусне, совершенно забыв, где мы находимся; я думал о той части пути, которая называется <дорога домой>. Я знал, что даже если мы благополучно достигнем острова Тома и наши друзья застанут там китобойную шхуну, то все равно пройдет много времени, пока я с тремя эскимосами вернусь в Туле. В Туле еще не было сильных морозов, и хотя солнце светило круглые сутки, по ночам оно заметно приближалось к горизонту, а значит, оно скоро и совсем скроется. В заливе Мелвилла даже в середине лета бывают сильные морозы. Массы холодного воздуха идут с материкового льда и в любое время может образоваться молодой лед в проталинах на льдинах. Когда я лежал в полудреме, раздумывая о том, как мы будем возвращаться, у меня возникло ощущение, что движение лодки изменилось и стало более быстрым. Мне показалось, что нас с силой отклонило в сторону; я сразу же проснулся, осознав, что на долгое время выключился из действительности. Остальные как будто бы ничего еще не замечали, но вдруг нас бросило в кучу друг на друга, и все, конечно, очнулись. Произошло это мгновенно; мы не успели даже понять, что случилось. Все насквозь мокрые плескались в воде, наполовину заполнившей лодку.

Оказывается, мы обогнули мыс Йорк и вышли в открытое море; здесь всегда трудно справиться с парусом - ветер в этом районе очень коварен. Среди мертвого штиля налетел шквал: он с силой ударил в лодку и она легла на борт; заскрипели снасти, затрещал рангоут. Наше тяжелое суденышко глубоко зарылось в волны и в него хлынула вода. Даже после того как лодка выпрямилась, она настолько глубоко сидела в воде, что каждая волна перехлестывала через край. Мы вынуждены были вычерпывать воду так быстро, как только могли, и всем, что попадалось под руку. Море, которое еще несколько минут назад было тихим, теперь бушевало и пенилось. Больших льдин мы не видели, но ропак и обломки льда представляли для нас серьезную опасность, так как мы плыли теперь с необычной скоростью. Меквусак судорожно вцепился в руль; он совершенно не представлял, что теперь нужно делать с лодкой.

Лодка принадлежала мне и, формально говоря, я был тут главнокомандующим. Я тотчас подумал, что мне следует вступить в свои права; хотя я и мало смыслю в навигации, но все-таки мог принести больше пользы, чем старик. Ветер крепчал. Я было собрался занять место у руля, как внезапно и очень драматично на сцене появился Томас Ольсен, который сразу же освободил меня от ответственности.

Одним прыжком, если можно вообще говорить о прыжках в такой лодке, длинный и молчаливый датчанин оказался на корме. Он оттолкнул старого Меквусака, занял его место и схватился за руль. Один только вид его увесистых, привыкших к труду кулаков, сжимавших румпель, внушил мне полное доверие. Он напоминал скалу; не было никакого сомнения, что этот человек привык командовать. Его громовой голос сразу поставил нас по местам; без тени раздумий или неуверенности он приказал каждому, что тот должен делать. Как-то само собой вышло, что я сразу стал выполнять его распоряжение, когда он проревел, что надо убрать парус. Оставить парус при сломанном рангоуте было бы равносильно самоубийству, но в общей растерянности это еще никому не пришло в голову. Я развязал фал, но парус не опустился. Еще раньше мы укрепили мачту двумя проволоочными оттяжками; теперь парус застрял между ними. Нам нужно было ухватиться за парус и спустить его. Ольсен кричал, что мы должны поторапливаться, если хотим когда-либо живыми выбраться на сушу. Порывом ветра фок забросило назад; казалось, что его разорвет в клочья, но Ольсен ухватился за него и выпрямил лодку. Теперь она двигалась по ветру, но борта еще находились вровень с водой. Вода уже как будто перестала проникать в лодку, а Ольсен продолжал ругаться и кричал, что каждый должен не зевать и вычерпывать воду чем попало. Он перерубил буксирный трос, на котором был привязан каяк.

Нам показалось, что Билл Раса собирается запротестовать. Ведь он-то был первым штурманом и, следовательно, начальником Ольсена. Кроме того, Билл считал, что ему следует проявить свой авторитет, но его быстро и решительно поставили на место.

- Заткни глотку и вычерпывай, черт бы тебя побрал! - заревел Ольсен. - Теперь я здесь командир и я знаю, что делаю. Не каждый может с этим справиться. Все вы тут сухопутные крабы! Вычерпывайте, черт вас возьми, проклятые идиоты! Да побыстрее, а не то, видит всемогущий бог, трахну так, что раскрою ваши безмозглые головы!

Он был как безумный. Никто из нас не сомневался, что он может поступить, как грозит. Ни Билл, ни кто-либо другой не сказали ни слова. Я схватил котелок и вычерпывал им с быстротой, на которую только был способен; я не останавливался ни на минуту, но вода в лодке не убывала, хотя теперь мы и боролись с нею. Кругом вздымались высокие волны, осыпавшие нас тучей брызг. Двум китобоям было приказано сидеть с веслами наготове, чтобы предупреждать столкновение с обломками льдин. Мы все еще неслись со слишком большой скоростью, и Ольсен не мог управлять лодкой так, чтобы избежать всех льдин, и хотя обломки попадались совсем небольшие, морякам пришлось немало поработать веслами, чтобы расчистить нам дорогу. Меквусак, полностью передав командование Ольсену, сидел на дне лодки. Вода доходила ему до пояса, но он ни слова не произнес. Итукусук и Квангак, как и я, изо всех сил вычерпывали воду.

Шквал длился еще недолго, но пока он не прекратился, жизнь наша висела на волоске. Всем стало ясно, что только благодаря Томасу Ольсену мы не очутились на дне залива: если бы датчанин решительно не взял на себя командование, никто бы не вышел живым из такой переделки.

Я раньше уже встречал этого человека, когда он был капитаном собственного судна; теперь он нанялся на <Хортикулу> простым матросом, без всякого чина, но здесь в лодке Ольсен занимал то положение, к которому привык, - руль находился в его руках, и Ольсен командовал всеми. Томас никому и ни в чем не уступил своих командирских прав, пока мы благополучно не достигли берега.

Шквал бушевал непривычно мало, исчезнув так же внезапно, как появился. Едва он начал утихать, как Ольсен приказал ставить грот. Необходимо укрепить его как можно быстрее, если мы хотим сохранить лодку на плаву, сказал он. Только он один заметил, что лодка дала большую течь. Возможно, что во время шквала мы наскочили на льдину, которая содрала часть обшивки, поэтому вода просачивалась почти с такой же быстротой, с какой мы ее вычерпывали. Временно мы заложили пробоину несколькими тюленьими шкурами и посадили на них двух мужчин. Между тем Билл и Семундсен срастили лопнувший шкот. Мы подняли парус, Ольсен сидел у руля,

направляя лодку к мысу Йорк. Это - клочок земли, в который в течение года вглядывалось множество моряков; его очертания навсегда запечатлелись в их сознании.

Однако наши злоключения еще не кончились. Мы хорошо понимали, что только благодаря Ольсену, который сидел у руля, мы смогли справиться с предательским ветром; здесь у мыса он дул самым необычайным образом. То его почти не было, он едва наполнял паруса, то вдруг задувал с такой силой, что грозил опрокинуть лодку. Он налетал то с одной, то с другой стороны; нас могло опять залить, и мы все время вычерпывали воду. Шквал нагнал огромные массы битого льда к берегу, и маневрировать среди них стало труднее, а заранее предугадать порывы ветра - вообще невозможно.

В обычных условиях видно по воде, что приближается ветер, но когда кругом плавают льды, то вовремя это увидеть невозможно. Встречный ветер мгновенно может превратиться в шквал, налетающий с кормы. Порывы ветра походили на удары бича; иногда у нас создавалось впечатление, что ветер шел вокруг нас и снова возвращался обратно. Ольсен показал себя непревзойденным мастером. Казалось, он заранее чуял порывы ветра; через некоторое время он подвел нас к берегу: глядя на Ольсена нельзя было сказать, что это стоило ему громадного труда. А самое главное - он удержал лодку на плаву, и нам не пришлось высаживаться на льдину, чтобы починить лодку. Никому другому это не удалось бы.

Очутившись на суше, мы были рады возможности согреться и обсохнуть. У нас еще оставалось достаточно мяса, чтобы приготовить хороший обед, а Семундсену каким-то чудом удалось сохранить коробку спичек в более или менее сносном состоянии. Все промокли до нитки, а смены одежды у нас не было.

Меквусак немного посмеялся над нашей радостью по поводу спичек. Во время шквала ему было страшно, но теперь, когда мы оказались на земле, меньше всего его беспокоили спички. Ведь большую часть жизни он прожил без них.

Старик хотел выразить свою благодарность Томасу Ольсену за наше спасение, поэтому он попросил меня перевести следующее: <Пришло время, когда видишь, что возраст не всегда определяет мудрость. Есть дела, которым старику надо учиться, хотя у него за плечами многие годы. Возможно, мы все очутились бы на дне моря, если бы более молодой и опытный человек не занял почетное место у руля!>

Ольсен понял, что имел в виду Меквусак и улыбнулся ему, а это было большой редкостью. Его серьезное и суровое лицо непривычно подобрело, он стал человечнее, как будто его развеселила борьба с морем и шквалом. Меквусак мог точно определить, где мы находимся, ведь он знал каждый камень - и здесь и во всех тех местах, которые лежали на нашем пути. Он привел нас в небольшую пещеру, где было очень уютно; мы развели огонь у входа, чтобы полакомиться горячей пищей. Отсюда хорошо было видно, что на расстоянии мили или двух на море свирепствовал шторм, но у нас было тепло и спокойно, и мы могли разложить одежду и шкуры для просушки на солнце. Итукусук и Квангак пошли на охоту за гагами; каждый из них вернулся с тяжелой ношей; они принесли немало молодых птиц, и мы тотчас принялись за готовку. Все долго ели великолепных птиц. Никому из нас не хотелось идти и возиться с лодкой. Мы совершенно измотались в тяжелом единоборстве со шквалом, но несмотря на это, спать нам не хотелось. Последние часы, вероятно, сказались больше на наших нервах, чем на мускулах, нам было достаточно просто лежать и греться на солнце. Кроме того, нас согревал костер; никто ничего не говорил, занятый своими мыслями.

Я думал о той разнице, которая существует между пятью белыми и мной. У них было единственное желание - как можно скорее попасть в цивилизованный мир, а я больше всего хотел вернуться в Туле - и чем скорее, тем лучше. Я попытался поставить себя на их место, и мне казалось, что они стремятся обратно к новым сложностям, а я, наоборот, пользуюсь неограниченной свободой и меня ничто не беспокоит. Конечно, я прекрасно знал, что я несколько не лучше, чем они, и безусловно не умнее их. Должно быть, у меня какой-то изъян.

Я никогда не мог понять, почему людей так тянет обратно к цивилизации: ведь они всегда стремятся уйти от нее, ищут уединения, как только чувствуют, что устали душой или телом и им нужен покой и мир. Если посмотреть вокруг, то выходит, что люди все дальше и дальше отходят от природы, но в то же время их охватывает непреодолимое желание вернуться к ней. Может быть, именно я открыл эту великую тайну? Это, конечно, мало вероятно, но я убежден, что сделал правильный выбор. Меня несколько не соблазняло ехать с пятью китобоями. Я был еще молод и со всей непримиримостью молодости верил и в свою правоту, и в то, что никогда не изменю своего решения [27].

Ольсен прервал наши размышления. Он повернулся к Биллу и ко мне и сказал, что мы должны опять взять на себя командование. Давно пора двинуться дальше, сказал он.

Билл Раса посмотрел на него с некоторым замешательством, он чувствовал себя неловко и смущенно проговорил:

- Но ведь все мы - гости Петера. Это его лодка, и он везет нас на остров Тома. Если бы мы лодку наняли или украли, тогда я был бы главным. Но раз это не так, то я не вижу причины, почему мне отдают предпочтение перед другими. Нам всем ясно, что ты, Том, управляешь лодкой лучше, чем любой из нас. Я бы ни за что не справился сегодня. У меня есть диплом штурмана и я знаю, что такое китобойный промысел, но ведь это не то же самое, что управлять парусником. И я сразу могу отличить настоящего моряка, когда вижу его за работой. Клянусь, что никогда в жизни не видел лучшего моряка!

Ольсен снова улыбнулся:

- Да, правда, я, пожалуй, старше вас всех, - сказал он. - Мне, кроме того, приходилось иметь дело со многими людьми побольше, чем вашему брату. Я был старшим над ними. Видишь ли, если ты хочешь чтобы тебя слушали, тебе самому нужно уметь слушаться. Очень может быть, Билл, что сегодня я обращался с тобой не как с первым штурманом, но если привыкаешь командовать, то от этого не так-то легко отучиться. Я знал, что сегодня справлюсь лучше, чем кто-либо из вас, и долго не раздумывал. А раз я сижу за рулем, то уж позабочусь, чтобы меня слушались. Я долгое время подчинялся приказам, плавая простым моряком. Теперь всему этому конец. Наши судовладельцы не боятся доверить мне судно, можешь в этом не сомневаться!

- Ты хорошо знаешь, Том, что занимало всех нас, - сказал Билл Раса. - Ни о ком столько не судачили на

<Хортикуле>, как о тебе. Едва мы вышли в море, как все поняли, что раньше ты был капитаном. Но никто не знал, почему ты нанялся простым матросом, да и не наше это дело. Ведь никто не докучал тебе расспросами, не так ли?

- Расспросами! Попробовал бы кто-нибудь расспрашивать! Ведь вы знаете, что я могу справиться с троими. Клянусь, если бы кто-нибудь оказался назойливым, ему бы не поздоровилось.

- Но ведь ты не мог запретить людям говорить о тебе, - сказал Рокуэлл. - Помнишь Мака Тодда с <Хортикулы>? Он тоже когда-то был капитаном и совсем неплохим. Но был замешан в какое-то дело с контрабандой; его лишили документов, и теперь ему никогда больше не получить судно!

- Да, а вспомните великого Карла Калахама, у нас в Тромсё! Ведь когда-то он был замечательным капитаном, - вставил Семундсен. - Водил большие корабли, потом стал прикладываться к бутылке и никак не мог оторваться от нее. Пришлось ему расстаться с кораблем и всем прочим. Странные истории происходят с бывшими корабельными офицерами, когда они нанимаются на судно матросами: они либо становятся самыми лучшими в команде, либо никуда не годятся. Середины не бывает!

Я повернулся к Томасу Ольсену:

- Мне кажется, я видел тебя, когда ты был капитаном, - сказал я ему. - Но не могу припомнить, где и когда, а раз ты не сказал, что знаешь меня, я и не стал упоминать об этом!

- Да, Петер, ты меня видел, - ответил Ольсен - Это было в Эске-фиорде, в Исландии, ты был там с датской экспедицией. Однажды вечером у вас на судне устроили грандиозную попойку, пива и спирта было больше, чем я когда-либо видел в других местах. Но мне кажется, что в тот вечер ты был незаметной фигурой!

- Да, ты прав: я стоял на вахте, потому что не пью. Я должен был смотреть за собаками на палубе и, кроме того, пересчитывать гостей, по мере того, как их уносили на берег. Мне приходилось следить, чтобы вместе с гостями не унесли членов нашей экспедиции!

- Во всяком случае, Петер, ты не видел, чтобы тащили меня. Мои старые ноги всегда могли довести меня до дому без посторонней помощи.

- Пьешь ты или не пьешь - это неважно, - серьезно сказал Семундсен. - Но в тот день, когда ты получишь корабль, я первый приду к тебе наниматься, капитан.

- А почему ты не пошел штурманом в этот рейс? - спросил я. - Конечно, это не мое дело, - добавил я, - но если бы ты захотел...

- Ерунда! Во-первых, меня не взяли бы штурманом на шотландское судно. Штурманский диплом у меня ведь датский. Пришлось бы сначала сдать экзамен. А я уж, черт возьми, половину позабыл. Я могу управлять судном не хуже других, а что касается китов, то, пожалуй, тоже знаю не меньше любого, но вот вся эта бумажная писанина, все эти исчисления - не для меня. Мне довольно знать широту, иметь проложенный курс и компас, которым, к слову сказать, в этих водах пользоваться невозможно. Нет, уж либо брать на себя всю ответственность, либо никакой. И я вел себя, как подобает матросу, во всяком случае до тех пор, пока мы не очутились во льдах. Но не подумайте, что это первая переделка, в которую я попадаю; пока что мне всегда удавалось выкручиваться из беды.

Рокуэлл Симон хотя и не был моряком, но много путешествовал и тоже попадал в кораблекрушения. Он рассказал о знакомых морских офицерах, которые вынуждены были уйти на берег из-за того, что по той или иной причине лишались документа.

Я заметил, что Ольсен хотел бы рассказать о себе. Нас свел случай, мы знали, что скоро расстанемся и никогда больше не встретимся. А это, по-моему, способствует откровенной беседе. У человека порой возникает потребность поговорить, а в арктических районах она проявляется чаще, чем в каком-либо другом месте земного шара. Может быть, это стремление облегчить душу, или же вид защиты, когда человек хочет оправдаться перед самим собой и проверяет на других силу собственных доводов? Мне думается, что именно поэтому Ольсен в конце концов и заговорил.

РАССКАЗ ТОМАСА ОЛЬСЕНА

Мне кажется, я могу угадать, о чем вы думаете, друзья мои. Но вы ошибаетесь, могу вас уверить - я не лишился своих бумаг и не вступил в конфликт с судовладельцами. Для них я всегда был хорош, ведь я привозил им много денег. Нет, ни судна, ни бумаг я не терял - я потерял команду. И это для меня гораздо тяжелее, чем если бы я был осужден.

Я вижу, что вы таращите глаза, но я не оговорился, я сказал осужден. Совершенно точно: было следствие и тому подобное. Меня обвинили в убийстве - ни больше, ни меньше. Но меня оправдали, хотя с тем же успехом могли и осудить. И это оправдание было так же тяжело, как и любое наказание, которое я мог бы получить. Теперь я вам расскажу все, и уж судите сами. Но скажите мне, как бы вы поступили на моем месте? Так вот, я был капитаном, капитаном китобойного судна, и моя единственная ошибка заключалась в том, что я не годился в няньки.

Да, меня обвинили в убийстве, действительно в убийстве. И всего два года тому назад. Меня потащили в суд, и я был вынужден выслушивать все, что мне считали нужным сказать; я должен был сидеть спокойно, не произносить ни слова и выслушивать все, что этот несчастный сопляк, а не человек, мог вытащить из себя перед судьей и всем сборищем людей, явившихся на это представление. Какой-то жалкий сухопутный краб заявил, что я убил его сына. Вы только представьте себе, каково мне было слушать, как этот заморыш кричал изо всех сил: <Я обвиняю вас в том, что вы убили моего сына>.

Избить человека до полусмерти - это я понимаю, такое может случиться с каждым из нас. А что еще можно сделать, когда ты оторван ото всех в арктических широтах? Ведь бывает человек так заносится, что вырастает из своих собственных штанов. Бывает, что ты вынужден задать такому человеку хорошенькую трепку, и может случиться, что изволтузишь его сильнее, чем надо. Если у парня есть хоть крупца ума, он никогда не станет жаловаться и извлечет из порки хороший урок. Конечно, он устроит скандал, но потом все забудется и вы с ним снова становитесь друзьями. А если какой-нибудь негодяй решит пожаловаться полиции - что ж делать? Ты

платишь штраф, но уж ему больше не ходить в плавание всю свою жизнь. Все станут над ним насмехаться, а таким людям не место на борту судна.

Но убийство - это совсем другое. Меня обвиняли в убийстве. Мне не дали права самому защищать себя. Я должен был нанять адвоката. Защитник сказал, что если я отзову этого карлика в сторону и попытаюсь решить дело миром, то все будет испорчено. Ведь этот народ ничего не понимает в жизни моряков, поэтому не имеет никакого смысла разумно говорить с ним. Я не хотел унижаться, оправдываясь перед этими книжными червями. Но я знаю, что вы-то поймете меня, поймете, что произошло; поэтому я расскажу вам все, ведь вы ни полицейские, ни судьи, ни защитники. Что эти люди знают о жизни? Ничего на свете они не видели, кроме своих сводов законов и параграфов.

У меня был свояк, который жил в провинциальном городке. Собственно говоря, он-то и явился причиной всех бед. Но сам по себе он парень неплохой, хотя ни разу в жизни не ходил в море. Зимой я бывал у него, и вот он-то мне и сказал, что у него есть друг - бухгалтер или еще что-то в этом роде, - который очень хочет встретиться со мной. На такую просьбу трудно что-либо возразить. Много людей носятся с романтическими представлениями о морской жизни и китобойном промысле. Такие люди любят потолковать с нами, надеясь услышать о всяких небывлицах и необычайных приключениях. Ведь у них нет ни малейшего представления о том жалком существовании, которое влачат зверобой, из года в год отправляющиеся во льды, чтобы выслеживать китов. Еще выяснилось, что у этого слюнтя и его жены есть сын, которого они никак не могут пристроить. Он окончил школу, его несколько раз пробовали отдать в учение, но ничего из этого не выходило. Наконец, малый настолько отбил от рук, что вмешалась полиция, и ему пришлось отсидеть в тюрьме. А вы сами понимаете, что значит отбыть срок, когда живешь в маленьком городишке. Все друг друга знают, бабы судачат: <Уж, конечно, вина родителей... наверное, он пошел в отца... никакого воспитания, бедный мальчик, его не научили слушаться...> Не мне вам говорить, как это бывает.

Вот у родителей и появилась мысль отправить малого со мной в Гренландию. Они предполагали, что, может быть, эта поездка сделает из него человека. Родители всегда так говорят, когда хотят отделаться от непутового сына. На самом же деле этот жалкий парень нуждался в гораздо большей опеке, чем они могли ему дать; но этого они не понимали. Однако, несмотря ни на что, я все же обещал взять его с собой, когда в марте мы выйдем в море.

Я охотно соглашусь, что с таким недоноском возни, конечно, много. Нечего скрывать - стоило взглянуть на него и становилось ясно, что проку от этого человека не жди. Впрочем, о покойниках плохо не говорят. Но ведь и хорошего-то в нем ничего не было. Он был самым большим лодырем, с каким мне приходилось сталкиваться, выходя в море; он только и стремился, как бы увильнуть от работы или свалить ее на других; на все у него находилось оправдание: он был хитер как бестия. Естественно, никаким авторитетом в кубрике он не пользовался, и ему разными способами давали понять, как к нему относятся. Само собой разумеется, я не знал, что там происходит, но могу представить, что ему тоже было не особенно сладко.

Этот слюнтяй принес с собой несчастье! Мы дошли до Гренландии, но не обнаружили ни одного кита. Сначала я направился в Кумберлендский пролив, где всегда много китов, но в то время там стояла адская погода. Никогда в жизни я не видел такого количества льда; огромные массы плотного льда далеко в море - никакой надежды пробиться в прибрежные воды, в которых обычно плавают киты. В конце концов я решил послать все это к черту и попытать счастья в заливе Мелвилла; но приходилось торопиться, чтобы попасть туда раньше других китобоев. Ветер и погода благоприятствовали нам, и мы быстро продвинулись на север. Крепкий зюйд-вест помог нам мгновенно проскочить через пролив Девиса. Льда почти не было. Круглые сутки начало светить солнце, что тоже поднимало настроение. Ведь если вначале немного не повезет, нечего сразу падать духом; это хорошо всем известно, но, однако, чертовски тяжело так рассуждать, когда попадаешь в беду. Легко об этом говорить только тогда, когда благополучно добрался до дому.

* * *

Как я уже сказал, все как будто складывалось удачно. Единственное, что вызывало беспокойство - это проклятые киты. Шли дни, а ни одного кита не показывалось. Нас это не пугало - ведь сезон только начался; но все-таки меня не покидало предчувствие чего-то плохого. В тот год мой брат отправился к восточным берегам Гренландии; он, понимаете ли, хотел перехитрить меня и вернуться домой с лучшим уловом. А мне очень хотелось доказать ему, кто в нашей семье понимает, что такое охота на китов.

Так вот, мы вошли в залив Мелвилла. Дул свежий ветер, и море было неспокойно. Но едва показался остров Тома, как погода переменилась. Такую погоду можно наблюдать только в Гренландии. В течение недели, а то и больше дуют стремительные ветры, но вдруг все затихает, и долгие дни, а иногда и недели ничего не шелохнется; кругом так тихо, что не задует и спички. Именно такой погоды следует опасаться.

Когда лед вдруг снова начинает передвигаться, то это происходит с такой быстротой, что корабль неизбежно затрет. Пока сообразишь, лед окружит тебя настолько плотным кольцом, что открытой воды нигде не увидишь. А через несколько часов... да что говорить, ведь вы это знаете не хуже меня.

Штормовая погода подняла чертову зыбь с обеих сторон, так как мы находились вблизи от кромки льда, от которой шли отраженные волны. Море так раскачивало шхуну, что нас всех чуть не вытряхнуло. Я думал, что нам стоит подождать здесь еще несколько дней, и поэтому решил подойти поближе ко льдам, чтобы избежать качки. Тут мы вдруг услышали из бочки крик впередсмотрящего - возглас, которого мы так долго ждали. Я взобрался на мачту с быстротой обезьяны; действительно, появился фонтан прекрасного большого гренландского кита. Он был сравнительно недалеко, и я мог видеть, насколько он велик: его туша поблескивала на солнце.

Я мигом оказался внизу и прогремел: <Все наверх!>. Второго штурмана я отправил в бочку, чтобы наблюдать и подавать сигналы. Все три наших лодки были тут же готовы.

Нелегко заставить людей выйти в море при таком волнении, но ведь это было нужно, и мы это сделали - даже в рекордно короткий срок, могу вас уверить. Я сел в лодку второго штурмана, за мной следовали лодки первого

штурмана и боцмана. Когда спускали нашу лодку на воду, два человека и я сам прыгнули в нее. Было бесконечно трудно удержать ее от столкновения с судном, однако все обошлось благополучно. Едва мы оказались на воде, как вся наша задача свелась к тому, чтобы удержать тяжелую лодку поодаль от судна. Волнение оказалось сильнее, чем я предполагал, и если бы волна подняла нас и бросила о корпус шхуны - то можете себе представить, что бы случилось. Лодку разбило бы в щепки, и все было бы кончено.

Команда была наготове. Наши лодки прыгали вверх и вниз, как ореховая скорлупа; мы то оказывались на самом гребне волны, то в ту же секунду падали вниз; судно рядом с нами напоминало высокую гору. Но каждый раз, как мы сближались и какой-то миг находились на одном уровне с палубой, матросы один за другим прыгали в лодки. Как только новый человек попадал в лодку, становилось немного легче выравнивать ее, и я радовался тому, что люди уже внизу. Я немного нервничал, так как никто не мог поручиться, что кит будет нас ждать.

Нам уже надо было отходить, когда я обнаружил, что у меня в лодке не хватает человека. Я взглянул вверх и увидел Торвальда, парня, о котором я рассказывал. Он все еще стоял на палубе. Лицо его позеленело от страха, он вцепился в такелаж.

- Давай, прыгай, черт тебя возьми! - закричал я ему.

Нас взметнуло вверх, судно было внизу, а Торвальд все стоял.

- Смотри в оба, - предупредил я его, - сейчас мы приблизимся!

Мы прыгали вверх и вниз, как чайка на волне, но если бы прикоснулись к борту судна, хотя бы на секунду, то для нас все было бы кончено. Не осталось бы и щепки от того, что раньше было китобойным ботом. Мы снова взлетели вверх, парень стоял на планшире и не двигался - длинная худая жердь со светло-желтыми волосами.

- Ну, прыгай же! - крикнули мы в один голос и приготовились подхватить его, но он не тронулся с места и по-прежнему цеплялся за канат.

- Прыгай! Прыгай сейчас же! - закричали мы, проносясь мимо. Похоже было, что он ни за что не оторвет рук.

Наконец, я потерял терпение и выкрикнул одно из своих ругательств; не было еще такого человека, на которого оно бы не действовало. Я загремел во всю силу своего голоса, и парень услышал меня.

Он все-таки прыгнул.

Как и следовало ожидать, Торвальд прыгнул именно тогда, когда прыгать было нельзя. Он оттолкнулся ногами, а руки его еще сжимали канат, поэтому он не мог сразу оторваться от корабля. Вместо того чтобы попасть в лодку, когда мы проносились мимо, он полетел прямо вниз, и в следующее мгновение море поглотило его.

Молодой парень, сидевший у кормового весла в моей лодке, вскочил. Решив, что нужно что-то предпринять, он схватил весло и начал грести. Лодка почти повернулась и стала приближаться к судну; тут мне стало по-настоящему страшно.

Я выдернул румпель и вскочил, держа его в руках. Я был в бешенстве и, высоко подняв тяжелый румпель, размахивал им над головами людей.

- Гребите! Все гребите! Сейчас же гребите! - заревел я. - Прочь отсюда, к черту в пекло! Гребите изо всех сил.

Такой мрази - до черта, кит - один. Мы пришли сюда за китами. Парню представился случай, он его упустил.

Прочь отсюда! Пусть подышает. Налегай! Вперед, и к черту в пекло!

Понятно, что кое-кто из бывалых моряков почувствовал угрызение совести. Они хотели что-то сказать, хотели протестовать. Но я был командиром и заставил их подчиниться.

- Первому, кто откроет рот, раскрою череп! - прогремел я. - Мы здесь, чтобы бить китов, а не спасать сухопутных крабов!

Я рассвирепел, лицо мое исказилось, и, клянусь богом, я бы действительно размозжил голову тому, кто начал бы протестовать. Они знали, что я так и сделаю, и поэтому заткнули глотки. Торвальд пошел ко дну, и ничего тут нельзя поделать. На самом деле я был подавлен случившимся, но так уж вышло и ничем этого не поправишь. Боже мой, как этим людям было страшно. Я посылал на их головы проклятия и угрозы. Они, наверное, думали, что сам черт вселился в меня, и они были правы, я поступал так, будто стал дьяволом во плоти и крови. Все силы они вложили в греблю, и мы намного опередили две другие лодки. Люди на этих лодках не имели ни малейшего представления о том, что произошло; они думали только о ките и не могли понять, почему мы так спешим.

Приходилось туго, волнение было сильное, но я не давал команде ни минуты передышки. Если бы они имели хоть малейшую возможность подумать и поговорить друг с другом, они бы выкинули меня за борт. Это было написано на их лицах; люди были взбешены и готовы к мятежу. Именно поэтому я, ни на минуту не выпуская румпель, изрыгал самые страшные ругательства, какие я слышал у докеров Лондона [28]. Время от времени я взмахивал румпелем, делая вид, что собираюсь ударить кого-нибудь из них.

Кита мы обнаружили. Он вдруг всплыл недалеко от нас и пустил фонтан; мы его загарпунили, прежде чем он нырнул. Пока мы ждали, когда снова покажется фонтан, я боялся, что люди начнут обсуждать случившееся, но они слишком измучились. Им надо было отдышаться, и они прислушивались к тому, как колотится собственное сердце. Сейчас это были самые кроткие моряки, каких мне когда-либо приходилось видеть. Вскоре подошли обе лодки, и кит всплыл. Убить его было не трудно, так как драться он не хотел; мы начали буксировать его к судну - все три лодки.

- Быстрее, быстрее! - погонял я их, хотя чувствовал, что это бесчеловечно: ведь мы тянули за собой тяжелую тушу кита - и все при страшном волнении. Первый штурман и боцман решили, что я пьян, но им приходилось повиноваться и следовать за мной.

- А ну, шевелись! - ревел я. - Я, черт подери, научу вас грести, проклятые сухопутные крабы! Я выколочу из вас всякую изнеженность! Никогда в жизни не видел таких кисейных барышень!

Когда мы, наконец, вернулись на судно, они едва держались на ногах. Думаете, я дал им отдохнуть? Не тут-то было! Мы тотчас же принялись разделывать тушу. Штурман решил устроить скандал, но я ударом сбил его на палубу, и он заткнулся, поняв, что творится со мной.

Мы работали до тех пор, пока команда не стала валиться с ног от усталости. Тогда я приказал стюарду дать каждому по хорошей порции рома и снова заставил их работать. Я погонял их, не давая ни минуты отдыха до тех

пор, пока не увидел, что они раз и навсегда забыли о Торвальде. И только тогда я разрешил спуститься в кубрик и ложиться спать. Теперь, когда они придут в себя, то будут говорить уже о другом.

Второй штурман все время просидел в бочке и все видел; он понял, что произошло, и в этот день вел себя хорошо.

Для меня это был самый ужасный день в жизни. Первый штурман валялся без чувств на палубе. Он не мог даже доползти до своей каюты. Я отнес его к себе и дал такую порцию рома, которая воскресила бы мертвеца. Потом я ему все рассказал, и это его тотчас же отрезвило; затем я отправил его отсыпаться.

Все получили разрешение спать несколько вахт. Я один остался на палубе; теперь уже опасность миновала, ветер стих, волнение вскоре улеглось, солнце сияло, а я не мог заснуть. Остальные заслужили свой отдых... Когда сезон кончился, мы вернулись домой с большим грузом. Никогда еще у меня не было такого удачного года. А почему? Очень может быть, что счастье переменялось именно тогда, когда мы избавились от этого проклятого слюнтяя; а может быть, это произошло потому, что у меня была команда, которая знала, что я за человек, когда дело доходит до выполнения приказов; теперь они не смели пикнуть, какой бы приказ ни получили.

* * *

Едва мы вернулись домой, как на борту появился несчастный бухгалтер: он хотел видеть сына. Как на грех он явился слишком рано, я еще не успел протрезвиться; я встретил его и услышал, что он спрашивает, сделали ли мы из его сына человека.

- Мы сделали лучше, - сказал я ему. - Мы превратили его в ангела.

Конечно, подло так ответить отцу, но мне тоже было тошно. Скажите, кто не напивается в первый же день на суше? По-моему, каждый. В первой же гавани, в которую судно входит после китобойного сезона в Гренландии, все уже пьяны как стелька, не так ли?

Бухгалтер сошел на берег и донес обо всем полиции. Он нанял защитника, они опросили всех свидетелей, которые, однако, все еще ничего не поняли. Бухгалтер явился в суд со свидетелями и с людьми, которые слышали, как я ответил, когда он спросил меня о сыне.

- Все это правда, каждое слово, господин судья, - подтвердил я, когда бухгалтер и свидетели высказали все, что имели сказать. - Эта история истинная правда, как если бы сам святой дух стоял здесь и присягал. Забыли только об одном маленьком обстоятельстве, господин судья, вам ничего не сказали о сильном волнении на море, которое в тот день швыряло нас, и мы были совершенно беспомощны. Нас было одиннадцать человек в лодке, и можете убить меня на месте, но я дрожал, как мышь, боясь, что нас разобьет о борт судна. Лодку разнесло бы в щепки; это заняло бы меньше времени, чем рассказ о том, как мы ударились о судно. Две другие лодки уже отошли от борта, и слишком поздно было звать их на помощь. Утонуло бы одиннадцать человек. У нас не было никакого выбора. Одиннадцать человек отправились бы на тот свет, одиннадцать несчастных душ стучались бы в райские врата, господин судья.

А отвечал за них я. Мне приходилось принимать решения, отдавать приказания, держа наготове румпель. Я ничего не мог сделать, чтобы спасти Торвальда. Может быть, я поступил не так? Вы должны мне это сказать, господа, - обратился я к суду.

- Но только помните одно, - добавил я. - Вы, господин судья, и вы, ученые господа, можете спокойно сидеть и часами не спеша обсуждать это дело. Можете рассматривать его то с одной стороны, то с другой стороны, а у меня в распоряжении была одна секунда, даже меньше!

- Считаете ли вы, что вы вправе судить об этом, господин судья? - спросил я. - Поговорите с другими капитанами. Спросите их, что сделали бы они, и был ли у меня выбор? Много лет я плаваю капитаном на собственном судне. У меня были плохие годы и хорошие годы, у меня были скверные команды и первоклассные команды. Но я всегда мог с ними справиться, когда мы поближе узнавали друг друга и когда они понимали, что на судне команду я. Но на этот раз на борт попал не тот человек. Вот за это вы можете меня судить, а вовсе не за то, что он утонул.

- Да, вот все, что я сказал в свое оправдание. Меня признали невиновным, но повторяю, что толку? Бухгалтер подошел ко мне на суде и пожал мне руку:

- Я ни в чем не могу упрекнуть вас, - сказал он. - Все прощено и забыто.

Прощено! Он-то мог спокойно говорить так! Вот если бы он получше воспитал своего сына, то вообще ничего бы не случилось. Но забыть? Где угодно, но только не у нас. Люди так быстро не забывают - это я хорошо понял.

Они ничего не говорили в моем присутствии, но много болтали за моей спиной. Все эти учителя воскресных школ с куриными мозгами - бездельники, которые могут сидеть, уютно устроившись в креслах, и ни за что не нести ответственности - ведь им никогда не надо принимать решение в какую-то долю секунды, когда дело касается жизни людей, вот у них-то нашлось, что сказать. Их языки трещали без умолку. <Капитан-убийца>, называли они меня, конечно, тогда, когда я не мог их услышать. Теперь меня звали только так.

Дела сложились настолько скверно, что я не мог уже удержать свою прежнюю команду. Им не на что было жаловаться: в этом сезоне улов был велик, они здорово заработали и ничего не могли мне сказать в лицо. Но все шли одной дорогой: один за другим моряки нанимались на другие суда - те, кто плавал со мной много лет.

Сначала я хотел нанять новую команду, взяв людей со стороны. Но я сообразил, чем это кончится, и отказался от этой мысли. Думаю, что тяжелее всего пришлось жене и дочерям. Мальчики, разумеется, находились в море; им эта история не повредит, они станут моряками, как их отец. Конечно, им все станет известно, но они хорошо знают отца и поймут, что он поступил так, как только можно было поступить в этом положении, а вот женщинам, сами знаете, каково приходится. Им ведь никак не избежать шпилек и колкостей. Поэтому я сказал жене, что решил наняться на шотландское китобойное судно, а штурман возьмет мою шхуну и будет на ней плавать. Я прикинул, что на шотландской китобойной шхуне можно неплохо заработать. Шотландцы - отважный народ и забираются далеко на север. Судовладельцы поговорили о постройке нового судна, которое со временем я смогу зафрахтовать. Если получу новое судно, то все будет в порядке. Понимаете? Всегда найдутся люди, желающие попытать счастья на новом судне, ведь говорят, что оно приносит удачу.

А пока я наймусь матросом и получу немалые деньги, сказал я жене при расставании. Но что из этого вышло? Вот я с вами в лодке, которую мы одолжили и на мне нет ничего своего.

* * *

Старый гордый Томас Ольсен горько улыбнулся, закончив свой рассказ, но голос у него был добрый. Мы сидели молча. Очевидно, каждый из нас подыскивал нужные слова, чтобы как-то выразить ему сочувствие. Я сам понимал, что ничего не могу сказать, чтобы достаточно выразить свое чувство и расположение к нему. Поэтому я тихо встал, подошел к Ольсену и пожал ему руку, а когда снова уселся у костра, то увидел, что другие поступили так же [29]. Все испытывали потребность выразить капитану свое сочувствие. Ольсен тоже не сказал ни слова, но он понял нас, и, я полагаю, ему принесло большое облегчение то, что он имел возможность выговориться. Когда мы решили, что отдыхали достаточно долго, Семундсен и я спустились на берег посмотреть, что с лодкой. Оказалось, что дела не так уж плохи. Мы смогли кое-как залатать пробоины, и вскоре лодка снова годилась для плавания. Меквусак сказал, что стойбище отсюда недалеко и мы вполне сможем добраться до него к вечеру. Солнце уже зашло за гору; мы успели обсушиться, а когда влезли в лодку, чтобы проделать последний участок пути до стойбища на мысе Йорк, я понял, что мы все-таки еще не отдохнули как следует.

Глава 7 ЧУДЕСА МОРЯ

На мысе Йорк даже летом, когда солнце заходит за горы, создается впечатление, что наступила ночь. Именно в такое время нас обнаружили собаки. Начался обычный собачий концерт, и все население высыпало из чумов. Жители собрались на берегу, чтобы приветствовать нас. К моему удивлению, в стойбище остались одни женщины - обстоятельство, которое, судя по всему, ничуть не огорчило некоторых китобоев. Легко было догадаться, что мужчины отправились на охоту за тюленями, и единственным эскимосом, оставшимся здесь, оказался бедняга Усукодарк, глухонемой парень, которого не могли брать на охоту из-за его природного недостатка.

Охотник за тюленями непременно должен услышать, как животные поднимаются в разводьях льда подышать, и ему ни в коем случае нельзя самому шуметь; он только распугает тюленей. Усукодарк не мог знать, шумит ли он, и тем более слышать, как сопит тюлень. В гребцы он тоже не годился, поскольку производил много шума веслами, и животные могли издали услышать приближение человека. Бедняга не мог даже ходить с детьми на зайцев, потому что спотыкался, громко топал, и зверьки разбегались еще до того, как их удавалось увидеть. Родители Усукодарка были настолько добросердечными людьми, что не решились вовремя расстаться с ним. Еще до рождения мальчика Агпалерк, его отец, попал как-то в страшную беду. Он получил сильные ранения, когда разорвало его ружье. Часть черепа вообще раздробило, и он отморозил себе обе ноги, прежде чем его нашли. Нам всем казалось, что он умрет, но он выжил, и раны его постепенно затянулись; правда, прежняя сила и ловкость так к нему и не вернулись. Пока Агпалерк болел, его жена Алоквисак [30] родила сына. Она полагала, что это единственное дитя, которое родится от ее мужа.

Только много месяцев спустя они обнаружили, что ребенок ничего не слышит и, значит, не может научиться разумно изъясняться. Но к этому времени мать успела так сильно полюбить свое дитя, что она ни за что в жизни не решилась бы погубить его. Женщина обратилась тогда к адмиралу Пири за советом, считает ли он, что ее долг как хорошей матери убить своего ребенка; но Пири посоветовал оставить ребенка в живых.

С этого дня считалось, что Усукодарк находится под особым покровительством Пиули. Когда же американцы перестали посещать Туле, эскимосы, естественно, переложили эту ответственность на меня, поскольку я был белым человеком, как и Пири.

Я действительно взял на себя заботу об Усукодарке и старался обеспечить его всем, чем мог. Мальчик был ужасно непоседлив и зачастую убегал без всякого предупреждения. В последний раз его нашли далеко от Туле по дороге на мыс Йорк; его усадили в сани и привезли домой. Всюду, где бы мальчик ни появлялся, его встречали без особого восторга, правда, хорошим обращением он и не был избалован. Усукодарк мог приспособиться к чему угодно: ел он мало, а спать мог в любом положении. Этой весной он ушел из Туле, так как у меня не осталось больше табаку. Теперь Усукодарк бежал к нам, как будто мы условились встретиться здесь. Казалось, он упрекает меня за то, что я немного опоздал. Объясняться мы с ним умели так, что нас мало кто понимал. Нам рассказали, что все мужчины селения ушли на каяках в фиорд Мертвецов. Там, в узком фиорде, затянутом молодым льдом, они охотятся на тюленей, и их нет уже третьи сутки.

Мыс Йорк - удивительное место. Зачастую здесь в один и тот же день бывает и весна, и лето, и зима. Это единственное место, где весь фиорд может покрыться льдом даже в середине лета. Холодные потоки воздуха всегда направляются с материковых льдов к фиорду Мертвецов, куда множество небольших рек приносит пресную воду, она растекается поверх морской соленой воды, а так как пресная вода замерзает быстрее соленой, то фиорд Мертвецов, как правило, покрыт льдом и там много тюленей.

Лучше всего ловить тюленей с молодого льда, на котором нет снега: тюлени замечательно слышат под водой. Когда на лед ложится снег, то каждый шаг способен предупредить их о приближении человека. Но если лед чист, охотники могут подойти прямо к лункам, из которых тюлени высовывают голову, чтобы подышать. Охотники подвязывают к подошвам куски медвежьей шкуры и двигаются совсем бесшумно. Без такой подкладки даже на гладком льду можно задеть небольшие неровности. Как только услышишь сопение тюленя, надо двигаться в такт с его дыханием. Каждый раз, как животное выдыхает, следует сделать шаг в его направлении. Когда тюлень находится под водой, надо стоять на месте. Так продолжается до тех пор, пока не окажешься над самой отдушиной. Остальное уже не сложно - вонзить гарпун в голову тюленя, когда он высунет ее из воды. Затем лунку расширяют, чтобы вытащить животное на лед. Этого тюленя оставляют на месте и стараются как можно скорее поспеть к следующей лунке. Действовать нужно быстро, ибо чистый лед бывает редко. Позже, когда он

покрывается снегом, не всегда легко находить тюленьи отдушины. Зачастую берут с собой собаку, чтобы она по нюху могла обнаружить животное. Так чаще всего поступают весной, когда всюду лежит толстый лед. В это время отдушины имеют форму колокола; сверху остается лишь маленькое отверстие, а нижняя часть колокола настолько велика, что в нем помещается все тело тюленя. Когда собака находит отверстие, охотник становится над ним и ждет, не шевелясь, с гарпуном в руке. Узнать, здесь ли тюлень, можно только по слуху, чего Усукодарк сделать не мог.

Теперь, когда прибыли гости, а все мужчины ушли на лов, важная роль выпала на долю Усукодарка. Он разыгрывал из себя хозяина и всем распоряжался. Юноша делал знаки женщинам, чтобы они принесли мяса и другие яства, причем он издавал нечленораздельные звуки, которые женщины, как это ни странно, понимали и действовали согласно его приказам. Перед чумами они зажгли костер из сала и подвесили над ним котел. Усукодарк нарезал мясо и кидал куски в котел, женщины поддерживали огонь, а затем подавали пищу. Поскольку здесь было так много белых, женщины послушались мальчика даже тогда, когда он, отчаянно жестикулируя руками, заставил их убраться в чумы и не оскорблять почетных гостей своим присутствием, пока мужчины едят. Мы вынуждены были переночевать в стойбище - против этого ничуть не возражали ни китобои, ни женщины мыса Йорк. Однако мы уговорились, что при всех обстоятельствах завтра рано утром отправимся в дальнейший путь, независимо оттого, какие предлоги выдумают Пабло, Семундсен или кто-либо другой, чтобы остаться здесь подольше. Мы не могли позволить себе зря тратить время, поскольку нам надо было достичь острова Тома, а я хотел побывать еще в фиорде Мертвецов и встретиться там с Кволугтангуаком; на мысе Йорк он считался великим ловцом, и выслушать его совет всегда было полезно. Я знал, что у него есть медные гвозди, которых нам не доставало для починки нашей лодки. Она все еще протекала, и я хотел исправить ее более основательно, чем нам удалось это сделать вчера.

* * *

На следующее утро китобои не очень-то охотно соглашались пуститься в дальнейший путь. Все же мне удалось вытащить их из чумов. Они распрощались со своими гостеприимными хозяйками, и, наконец, мы тронулись в путь. Мы отплыли уже довольно далеко, когда я обнаружил в лодке Усукодарка; я и не заметил его в предотъездной сутолоке. Моя попытка вернуться, чтобы высадить его, натолкнулась на отчаянные протесты с его стороны, и мне пришлось уступить. Я понимал, какое значение имела для него поездка с шестью белыми. Обычно его уделом было стоять на берегу, когда другие подростки гордо возвращались со своей добычей. Неоднократно Усукодарк был свидетелем того, как его сверстников брали в экспедиции, а о нем не могло быть и речи. Постоянно люди шили себе одежду из шкур убитых ими животных, тогда как ему приходилось довольствоваться поношенным старьем, которое бросали ему другие. Поездка явилась бы триумфом для него, и я не мог лишить парня такой радости.

Мы находились в пути уже много часов, и тут я вдруг осознал, какую огромную глупость совершил. Мне раньше представлялось, что Усукодарк сможет вернуться с эскимосами, к которым мы теперь направлялись в фиорд Мертвецов; но они ведь пришли туда на каяках, а в такой лодке невозможно поместить пассажира, и никто из них не сможет захватить с собой Усукодарка. Как же мне отделаться теперь от бедняги глухонемого и отправить его обратно на мыс Йорк?

Я ничего не сказал остальным, уж очень мне не хотелось сознаваться в своей оплошности. От Усукодарка не только не будет никакой помощи - более того, он станет обузой для всех нас. Юноша был весел и счастлив. Он все время улыбался и неуклюже указывал руками на все, мимо чего мы проплывали. Погода стояла замечательная, на море был полный штиль. Льдины встречались лишь изредка. За каких-нибудь шесть часов мы добрались до фиорда Мертвецов. Блестящая огромная льдина сверкала, как зеркало, и уже издали мы увидели мужчин с мыса Йорк, которые разбрелись по всему ее пространству. Как только ловцы заметили нас, они направились навстречу, ведь это было для них приятным развлечением в однообразном дежурстве над отдушинами.

Нам помогли втянуть лодку на толстую льдину, и эскимосы сразу же принялись чинить ее, а мы все сгрудились возле огромного котла с мясом только что убитого тюленя. Пока варилось мясо и пока мы его ели, я рассказал о нашем далеком путешествии с острова Саундерса до острова Тома, где мы надеемся встретить китобойное судно.

Как я и ожидал, эскимосы отказались взять с собой Усукодарка на мыс Йорк. Они безусловно сделали бы это, если бы имели возможность, но у каждого из них было по одному тяжело нагруженному каяку. Для Усукодарка просто не оставалось места. Мне не хотелось терять еще один день на возвращение к мысу Йорк, и нам ничего не оставалось, как взять парнишку с собой на остров Тома. На прощание эскимосы подарили нам трех тюленей. Теперь мы могли пуститься в путь, чтобы пересечь залив Мелвилла.

Когда мы вышли из фиорда Мертвецов, все еще стояла хорошая погода. Мы даже поставили парус и взяли курс на остров Бушнан, где собирались заночевать. Спустя час после того, как мы отошли от берега, неожиданно исчез весь крупный лед. К юго-востоку насколько хватал глаз была свободная вода, и именно туда нам и предстояло плыть. Если бы ветер не изменился и вода осталась открытой, мы, пожалуй, могли бы добраться до острова Тома за 24 часа, и я уже подумывал над тем, не миновать ли нам остров Бушнан. Китобои могли бы спать в лодке, пока держится такой ветер. Но в этот момент я, естественно, не стал делиться с кем-либо моими светлыми надеждами. Ведь неизвестно, как долго нам будет сопутствовать счастье.

Кое-кто уже дремал, когда Усукодарк всех переполошил... Он вскочил, дико замахал руками и начал что-то нечленораздельно выкрикивать. Легко было догадаться, что он увидел нечто необычное, и вначале я даже подумал, не судно ли это. Но постепенно, прислушиваясь к его гортанным звукам и присматриваясь к жестам, я понял, что он увидел белого медведя.

- Откуда ты мог догадаться, что он увидел медведя? - спросил меня Пабло, - на мой взгляд, ни его звуки, ни жесты не имеют смысла.

Пришлось объяснить, что, конечно, мальчик не в состоянии говорить, но он может изъясняться по-другому. Ему известно, что в Туле слово <медведь> также означает <штаны>, поскольку их шьют из медвежьей шкуры, так что произнося свои непонятные слова и одновременно указывая на штаны, он достаточно ясно дал понять, о чем идет речь. Все глядели в том направлении, куда указывал глухонемой.

Меквусака это происшествие сильно задело. Обычно он раньше других все обнаруживал своим единственным глазом; сейчас старик воспринял удачу Усукодарка как свое личное поражение.

- Случилось так, что старый человек смотрел только туда, куда ему велено направлять лодку, чтобы спасти всех, - сказал он в оправдание.

Усукодарк готов был лопнуть от гордости. Ему казалось, что медведь целиком принадлежит ему, а мы все должны поражаться его острому зрению. Зверь все еще находился далеко от нас и казался небольшим белым пятнышком среди других белых пятен. Вокруг медведя была открытая вода, плавали только небольшие льдины. Он лежал на спине, не испытывая никаких неудобств. Как только мы приблизились настолько, что выдали себя, косматый повернулся и попробовал уплыть от нас; однако у него не было уже ни малейшей возможности сделать это. Мы спустили парус, когда отклонились от курса, но и на веслах шли гораздо быстрее медведя. Некоторые полагают, что белый медведь может ловить рыбу и тюленей, поскольку плавает быстрее их, но на самом деле он медлителен и неуклюж. Даже на каяке его легко догнать. Крайний выход он видит в нырянии - именно к этой уловке и прибегнул медведь Усукодарка.

Нырнув в воду, медведь становится опасным противником. Он, например, приближается под водой к тому месту, где на льду стоит охотник, когтями задних лап цепляется за льдину и вдруг вырастает перед человеком во весь рост - создается впечатление, что он стоит в воде. Тут же зверь наносит удар своей огромной передней лапой. Такой удар способен убить собаку наповал, а человека валит с ног.

На этот раз мы обнаружили медведя там, где поблизости не было крупных льдин, под которые он мог бы нырнуть, и эскимосы справились бы с ним своими гарпунами и копьями, не тратя даже заряда. За какие-нибудь полчаса мы нагнали зверя, и началась охота. Итукусук стоял наготове со своим гарпуном, а мы прекратили грести, чтобы не мешать ему наблюдать за зверем. Вдруг мы ощутили толчок огромной силы, и мне показалось, что лодка наша переворачивается, меня чуть не выбросило за борт. Оказалось, что медведь пошел сам в наступление и, вцепившись в борт, накренил лодку. Вода хлынула в лодку, но мне все же удалось свалиться на ее дно. Открыв глаза, я увидел, что медведь стоит над нами. Правда, Итукусук и Квангак, знавшие повадки медведей, не потеряли ни присутствия духа, ни равновесия - их гарпуны впились в зверя до того, как он успел уйти под воду. В наступившем замешательстве никто не заметил, что произошло с Усукодарком. Бедняга так увлекся, что забыл о всякой осторожности. Его выбросило за борт и теперь он барахтался в воде недалеко от лодки. Все остальные что-то громко кричали друг другу, но мне все же удалось сказать Меквусаку, что Усукодарк за бортом и теперь пытается обратить на себя внимание своими странными звуками. Плавать мальчик не умел - ни один эскимос не умеет плавать, - и мы подоспели ему на помощь в самый последний момент. Парень наглотался воды, но нам некогда было сейчас заниматься им. Мы бросили его на дно лодки и наблюдали за медведем и моим верным псом Эрсуликом, вцепившимся в голову своего кровного врага. Полуживого Усукодарка даже не повернули на живот, чтобы из него могла вытечь хотя бы часть воды.

Все наше внимание приковал медведь. Бедное животное отчаянно пыталось освободиться от гарпунов. Медведь изломал в щепки гарпунные древки, но этим только углубил и разодрал свои раны. Он настолько занялся собой, что совершенно забыл о нас; мы подгребли к нему, и я выстрелом в голову убил его наповал. Мы накинута ему на шею веревку и потащили к большой льдине, чтобы освежевать и разделать тушу.

Китобои гребли, а эскимосы занялись еле живым Усукодарком. Повернув его, они начали выкачивать из него воду, и вскоре он ожил. Как только Усукодарк понял, что медведь убит, к нему вернулись силы. С большой страстью он объяснял нам, что лишь благодаря ему обнаружили медведя, так как все остальные спали с открытыми глазами. Он бил себя в грудь, прикасался к глазам и гордо улыбался. С презрением юнец указывал на единственный глаз Меквусака, а меня дергал за бороду, как бы говоря этим, что я слишком стар и ни на что не гожусь при охоте на медведя. Настал его великий день, и никто не должен был думать о другом. Как только пантомима подошла к концу, она тут же начиналась сначала. Стоило кому-нибудь отвлечься, как Усукодарк напоминал о себе ударом в спину. Когда мы, наконец, приблизились к льдине и готовились вытащить на нее медведя, юноша успел уже всем изрядно надоесть.

В своем порыве заносчивости Усукодарк захотел первым высадиться на лед. Для этого он пробрался на нос лодки, но перестарался и прыгнул раньше времени. Ему не доставало нескольких дюймов, чтобы очутиться на льду, но именно эти дюймы и оказались решающими; он угодил прямо в воду и пошел под лед.

Мы все перепугались, но вдруг Итукусук увидел, как нога Усукодарка в камике отчаянно ударяет снизу по льду. Ясно, что мальчик всеми силами борется за свою жизнь, но не представляет себе, как выбраться. Я схватил левой рукой конец веревки и прыгнул в воду. Тут же я нырнул под лед и еще не успел сообразить, насколько близко находится Усукодарк, как он вцепился в меня со всей силой, словно огромный спрут обвил меня всеми своими десятью щупальцами. Юноша рвал на мне одежду, толкал ногами, наконец обхватил рукой мою шею и делал все, что в его силах, чтобы задушить меня.

Теперь и мне пришлось отчаянно бороться за свою жизнь. Веревку заклинило в трещине, и хотя мне казалось, что я не выдержу больше ни единой секунды, мне пришлось все же отталкиваться ногами, чтобы опуститься ниже и высвободить веревку, которой нас могли бы вытащить товарищи. К этому времени я совершенно забыл об Усукодарке, но он крепко держался за мою шею, пока меня не вытащили на поверхность, а затем и на лед. Я пришел в себя довольно быстро, но Усукодарк, уже второй раз проделавший такое упражнение, долго не подавал признаков жизни. Мои друзья потрудились над ним как следует, делая искусственное дыхание, и некоторое время спустя он начал оживать. Те, кто в данный момент не занимались им, принялись за медведя. У эскимосов свои особые правила дележа добычи. В нашем положении не было оснований делить мясо, его имелось более чем достаточно для всех нас, но шкура представляла большую ценность.

Загнавший первый гарпун всегда получает самую лучшую часть: голову вместе с передними лапами. Ему же достается холка, откуда женщины берут мех на оторочку камиков. Квангак первый поразил медведя, так что эта часть досталась ему. Итукусуку отдали среднюю часть, которой бы хватило на штаны. Это тоже соответствовало правилам. Третья часть должна бы достаться мне, поскольку я выстрелом добил медведя, но у меня в Туле было достаточно шкур, и я решил отдать свою часть Усукодарку в компенсацию за его злоключения. Когда нам, наконец, удалось растолковать бедняге, что эта часть туши отводится ему на штаны, он чуть не спятил с ума от радости.

Такого счастья, чтобы на его долю досталась часть добычи, ему еще не выпадало. Он всегда мечтал лишь о еде и не знал, как сохранить тепло в тех отрепьях, которые носил. Теперь Усукодарк впервые в жизни вернется в стойбище как настоящий ловец с добычей, достаточной, чтобы сшить новые штаны. Когда до него дошло, что часть шкуры действительно принадлежит ему, он начал носиться вокруг медведя, смеяться и выкрикивать свои гортанные звуки. Ему во что бы то ни стало хотелось сделать и нас участниками своего триумфа.

Меквусак был единственным из всех, кто не только разделял радость Усукодарка, но и наблюдал за льдами, и теперь последовало предупреждение:

- Не исключено, Пит?, что лодку затрет льдами. К сожалению, лед и погода не ждут, пока мы закончим свежевать медведя.

Старик был прав. По открытой воде мы плыли не более часа, взяв курс прямо на остров Тома; встречались лишь отдельные, небольшие льдины. Вдруг вода покрылась льдом, и произошло это тихо, без всякого шума, но с ошеломляющей быстротой. Не видно было даже ни одного протока во льдах. Если льды загородят выход из бухты, нам придется проторчать здесь много дней. Мы поторопились закончить разделку туши, выбросили все, в чем не было острой нужды, и сели в лодку. Теперь наш путь лежал на остров Бушнан, около которого все еще виднелась чистая вода. Парусом уже нельзя было пользоваться, а вскоре невозможно было даже грести. У нас не осталось выбора - пришлось вытащить лодку на лед.

* * *

Следующие три дня были сплошным кошмаром. Вначале никто из нас не проявлял особого беспокойства. Мы расположились лагерем на льдине и с радостью принялись есть свежую медвежатину, причем ели ее сырой, как это всегда делалось в Туле. Сырая медвежатина - изысканное блюдо, если есть ее не слишком часто. В этом году такое мясо мы вообще пробовали впервые. Попозже, в сентябре, оно нам уже надоедало. Именно в это время медведи уходят на берег, чтобы устроиться на зимнюю спячку. В Туле, там, где сейчас расположился целый американский город с авиабазой [31], медведей появлялось особенно много.

В те дни мы пребывали в счастливом неведении, что по меньшей мере половина белых медведей болеет трихинозом [32]. В наше время везде развешаны плакаты, предупреждающие, что собачье и медвежье мясо нельзя есть, основательно не проварив. Меня тогда спасла любовь к хорошо проваренному мясу, но все равно я съел не одну сотню килограммов сырой собачатины и медвежатины, и все же, насколько я знаю, оно мне не повредило. Вечером мы забрались в лодку и накрылись парусом; так провели ночь. Места хватило на всех, но приходилось лежать не ворочаясь. Усукодарк, который промок насквозь, лежал в самом низу лодки, между Пабло и Рокуэллом Симоном: там им было тепло.

Погода на следующий день стояла ясная и тихая, но не было никакого намека на то, что лед вскроется. Меня это беспокоило, поскольку я знал, что движение льда несет нас обратно к мысу Йорк. Если так будет продолжаться, я вернусь в Туле и откажусь от дальнейших попыток достичь острова Тома. В конечном счете наши друзья смогут подождать, когда установится санный путь. Ранней осенью мы сможем доставить их на санях до Уперनावика. Это, правда, означало бы, что до следующей весны они не увидят ни одного китобойного судна или какого-нибудь другого корабля. Я решил поэтому подождать еще день-два перед тем, как окончательно отказаться от дальнейшей поездки. Пока не появится открытая вода, не имеет никакого смысла тащить нашу тяжелую лодку; поэтому следующий день мы провели в своем лагере.

Неожиданно нам на помощь пришел айсберг. Он возвышался огромным колоссом за несколько сотен метров от нас; и вдруг эта махина стала двигаться. Так часто бывает с айсбергами. Ледяная гора приближалась, проходя мимо нас. Льды были неподвижны, да и другие айсберги не трогались с места, а этот, к нашей великой радости, величественно двинулся вперед. Зрелище было фантастическое, но у нас не оставалось времени любоваться красотой, нам приходилось работать быстро. Айсберг двигался в нужном направлении и образовывал замечательный проток, которым мы не преминули воспользоваться. Фарватер получался как по заказу - пока продолжалось движение айсберга. Но вдруг ледяная гора замедлила ход и остановилась. Мне помнится, что на этом месте айсберг простоял потом несколько лет. Сейчас же он сделал прогулку, чтобы порадовать нас. Благодаря ему мы здорово продвинулись к острову Бушнан, и нам казалось, что теперь есть возможность дотащить нашу лодку по льду.

Я не совсем понимаю, почему другие участники похода так стремились достичь острова, должно быть просто для того, чтобы почувствовать под ногами землю. У меня лично были довольно веские основания стремиться на это нагромождение скал. Я думал, что передвижки льдов теперь больше не будет до самой зимы, и мне хотелось оставить лодку на земле, а не на плавучих льдах. На острове она могла простоять до весны, пока я не перевезу ее в Туле на санях.

На третий день после нашей медвежьей охоты мы, совершив с лодкой мучительный переход по льду, наконец, добрались до канала, который вывел нас к открытой воде вокруг острова Бушнан. Все измотались и хотели высадиться тут же, но Меквусак не желал и слышать об этом. Он предлагал обогнуть половину острова, чтобы добраться до места, где, как он утверждал, имеется пещера, способная укрыть нас на время нашего пребывания здесь. На этом острове я был не раз, но никогда не видел этой пещеры. Она оказалась просторной и глубокой, но вход в нее расположен так низко, что ее заливало водой во время приливов. Мы смогли въехать в пещеру на лодке и грести, пока не добрались до ее конца. Я отчитал Меквусака за то, что он не сказал нам, что пещера

залита водой. Но старик очень гордился своим водяным прибежищем.

- За всю свою жизнь старику удалось найти только одно-единственное место, позволяющее на лодке заехать в жилище, - ответил он спокойно.

В пещере оказалось много уступов, достаточно сухих мест, и нам удалось хорошо расположиться.

На следующий день шел дождь, была отвратная видимость, и мы не могли нарадоваться нашим убежищем.

Вообще же мы были беспомощны, потому что компасом совершенно невозможно пользоваться так близко от Северного магнитного полюса, а туман стоял непроглядный. Нам ничего не оставалось другого, как отлеживаться на острове Бушнан, или Сагдлерк, как его называют эскимосы, что означает <крайняя земля>. Такая характеристика действительно оправдана, ибо остров виднеется с крайней точки мыса Йорк; его можно разглядеть, если двигаешься с юга, а широкий залив Мелвилла остается позади. Он кажется тогда началом новой земли. На острове нет ни птиц, ни зверей; даже моржи сюда не заходят. Эскимосы изредка посещают его зимой, а летом вообще сюда не заглядывают.

За предыдущие дни мы очень устали, перетаскивая лодку по льду, и были очень рады, что можно денек отдохнуть. К счастью, нам удалось поддерживать огонь. Итукусук ходил на разведку вдоль берега и нашел два больших чурбана, прибитых волнами к острову. Мы переправили их в пещеру и теперь грелись у костра. Нам было тепло, и пищи у нас хватало; и все же день тянулся долго и однообразно.

* * *

Хуже всех чувствовал себя Рокуэлл Симон. Это был нервный и непоседливый человек, и бездействие угнетало его. Все свободное время он обычно проводил за чтением, и ему никогда еще не приходилось оставаться без книг. Рокуэлл не настолько устал, чтобы спать, а безделья он не выносил. Вот он и пристал к нам, чтобы ему что-нибудь рассказали. Через меня он обратился к Меквусак, чтобы тот поведал что-либо из своей жизни.

- Какое право имеет говорить старый, слабый человек этой страны, когда он находится в присутствии сильных людей из чужих краев? - заметил Меквусак скромно.

- Ты, должно быть, встретил много замечательных людей за свою долгую жизнь, - настаивал Рокуэлл, - почему же ты не хочешь рассказать нам о самых интересных.

Меквусак долго думал над этим предложением. Наконец он подтвердил, что действительно однажды встретил человека, отличавшегося от всех других людей. Это, пожалуй, был самый необычный человек из всех, когда-либо встретившихся ему.

- Чудесно! - воскликнул Рокуэлл. - Расскажи же о нем, как его звали?

- Его имя нельзя произносить, ибо оно еще не передано другому человеку, - ответил Меквусак торжественно. - Но иногда его называли вымышленным именем, которое можно, пожалуй, произнести, но тихонько. Мы часто называли его Миук, хотя у него совсем другое имя.

Слово <Миук> Меквусак проговорил шепотом, нервно озираясь кругом.

- Пусть так, но расскажи скорее об этом необычайном человеке Миуке и его любопытной жизни.

- Миук совсем не походил на других людей. Каждый раз, когда он говорил кому-нибудь <да>, он вертел головой из стороны в сторону, а если <нет>, то кивал головой! [33]

Рокуэлл ждал нетерпеливо, и поскольку Меквусак все молчал, он торопил его:

- Конечно, так другие не поступают, но что же было с Миуком, какие необычайные события произошли с ним, что сделало его примечательным?

- Ничего другого об этом странном человеке никто не помнит. Он вертел головой, когда другие согласно бы кивали, и кивал, когда другие вертели бы из стороны в сторону.

- И это все, что ты можешь о нем рассказать?

- Во всех других отношениях он был таким же обычным человеком.

Мы громко рассмеялись, услышав эту историю, но больше всего нас веселило разочарование Рокуэлла.

Меквусак горделиво выпрямился, поскольку рассказ из его долгой жизни с необычайными происшествиями так всем понравился. Я хорошо знал, что он пережил больше, чем многие другие, и с ним лично случалось такое, о чем он мог бы рассказывать Рокуэллу целыми днями, и тот сидел бы зачарованный, но мне не хотелось понукать старика. Если бы Меквусак был в настроении, он сам завел бы разговор о пережитом.

Мы помешали огонь, добавили дров и спокойно продолжали греться, но Рокуэлл на этом не успокоился. Теперь он обратился к молчаливому португальцу Пабло. Тот все время держался особняком, потому что плохо говорил по-английски. Но он был хорошим товарищем и способным человеком. Пабло де Соуза - таково было его полное имя - никогда не отказывался даже от самой черной работы, за что все очень уважали его, хотя он и был молчалив и несколько мрачноват.

- А что ты можешь рассказать нам, де Соуза? - обратился к нему Рокуэлл. - Как ты попал на <Хортикулу>? Почему ты нанялся на китобойное судно, а не на рыболовное, как все другие португальцы, которых встречаешь в гренландских водах?

- Я не китобой, - ответил Пабло на своем ломаном английском языке. - Я действительно рыбак, как ты правильно заметил, но меня подобрала <Хортикула>, когда я отбился от своего судна на рыбачьей лодчонке. Мое изменчивое рыбацкое счастье привело меня сюда. Эта история не представляет интереса!

- Это еще не известно! Ты хоть расскажи, как отбился. Да говори что-нибудь, я не могу так сидеть и глазеть на огонь! Рассказывай, рассказывай!

- Оно и в самом деле не интересно, то что случилось со мной: обычная история, происходившая со многими, - отнекивался Пабло, - но можно рассказать о моем брате Жоао. Вот он - человек особенный. Его не сравнишь с остальными. Других таких рыбаков, как он, на свете нет, потому что Жоао находится под покровительством Святой Мадонны. Для Жоао она даже <чудо> [34] совершила, о котором действительно стоит рассказать. Я полагаю, Петер, - обратился он ко мне, - ты здесь, в Гренландии, слышал эту историю: <чудо> с судном <Санта Женеви́ева>?

Что-то об этом судне я действительно слышал, но не знал никаких подробностей, поэтому я попросил его рассказать всю историю сначала. Мне помнилось, что несколько лет назад на <Санта Женеви́еве> произошли какие-то необычные события, но я не знал, что речь шла о чуде.

- Это было чудо, тут не может быть сомнения, - убеждал Пабло. - Это случилось с моим младшим братом. Вот я поведаю вам всю историю, и вы согласитесь, что речь идет о чуде! - И тут же начал рассказ о своем брате. Вначале ему не хватало слов, но постепенно он разошелся и в конце говорил совсем гладко.

РАССКАЗ ПАБЛО

Я думаю, что знаю о рыболовстве в гренландских водах больше, чем кто-либо из вас. Чтобы знать, что это такое, надо посидеть в рыбацкой лодке, поработать не разгибая спины день за днем, пока позволяет погода.

Приходится трудиться по восемнадцати часов в сутки, а спать можно дома, зимой. Жизнь эта собачья, пока находишься в море, но как только оказываешься дома, в Португалии, с хорошим уловом, все забываешь и можешь провести зиму, греясь на солнышке в деревне. Наши деревни - это разбросанные маленькие домики, утопающие в цветущих садах. Население целиком зависит от моря, люди живут лишь рыболовством.

Сотни лет мы переплываем Атлантический океан, чтобы ловить рыбу на огромных отмелях. Утверждают, что мы, португальцы, добрались до Ньюфаундленда еще до того, как Колумб открыл Америку; пренебрегая бурями и непогодой, мы наполняли наши суденышки рыбой - замечательной блестящей и жирной треской с больших отмелей. Посолив, ее отвозят домой, чтобы набожные католики могли питаться ею во время поста, да и круглый год в каждую пятницу, поскольку в этот день запрещено есть мясо.

Подготовка начинается в первых числах марта: мужчины чинят рыболовные снасти, красят свои лодочки; женщины заняты починкой белья и одежды. Жены, матери, сестры и невесты - все усердно трудятся последние недели перед отправкой к отмелям. Готовят теплое нижнее белье для холодных дней в туманном море, разноцветные рубахи и шарфы. Женщины вышивают, шьют и вяжут, и все молятся Святой Мадонне о защите моряков.

В эту весну, о которой я рассказываю, Жоао де Соуза старался больше всех в нашей деревне. Ему было всего лишь двадцать четыре года, но он отправлялся в плавание в качестве капитана. До этого юноша уже проработал десять лет простым рыбаком. С тех пор, как ему исполнилось четырнадцать лет, он каждый год отправлялся ранней весной и возвращался осенью с Ньюфаундленда с грузом трески. Каждое лето мужчины мечтают попасть домой в деревню, но как только кончаются деньги, заработанные с таким трудом, они опять стремятся на отмели. Жоао был сделан из другого теста, чем большинство его товарищей. Он не забирал все свои деньги, когда возвращался осенью домой. Половину всегда оставлял у судовладельцев и все копил, пока не сбудется его гордая мечта. А это было нелегко, так как наша семья жила очень бедно.

Отец наш был капитаном рыболовного судна, и вот в одно лето его не стало. Он погиб вместе с двумя старшими сыновьями - трое де Соуза и вся остальная команда утонули. Жоао был тогда совсем мальчишкой. Меня, старшего, отдали в семью моего дяди в соседнюю деревню. Поэтому, когда священник справлял панихиду по отце, он сказал мальчику, что отныне тот несет ответственность за семью. Ему надо стать человеком, сказал священник, чтобы обеспечить мать и сестер. Жоао обещал так и сделать и даже дал клятву, но остальные жители деревни только посмеялись над маленьким кормильцем.

Вечно его видели за каким-нибудь делом, всегда у него была улыбка и веселое словцо на устах, и рыбаки его полюбили, когда он стал выходить с ними на лов. Зимой Жоао хлопотал не меньше сестер, добывая соль; правда, в деревне к нему относились не так сердечно, поскольку он был очень бережлив. Никогда не удавалось уговорить его посидеть с другими юношами за бутылкой вина, поиграть на деньги в карты или кости. Жоао даже не участвовал в деревенских праздниках и процессиях. Слишком уж он был занят работой, слишком экономил деньги.

Никто в деревне не понимал, почему Рафаэла была так привязана к нему. Она и сама была такой же бедной, как Жоао, ведь ее отец погиб вместе с нашим отцом. Она вечно возилась в накаленных от солнца бочках для засолки рыбы и не раз ложилась спать голодной. Красивых платьев она не носила, но казалось, что этому она не придает значения. Как и Жоао, Рафаэла всегда была весела и счастлива, а когда подросла, стала самой красивой девушкой в деревне. Она любила повеселиться, наслаждалась музыкой, носила цветков в волосах, по вечерам танцевала; пела она как ангел, и все молодые рыбаки молились на нее. Но Рафаэла быстро забывала их, как только Жоао возвращался из плавания.

Рафаэла и Жоао дружили с детства, да и трудились они во имя одной и той же далекой цели. Днем они работали не покладая рук, а вечерами гуляли вместе по берегу, собирали прибитые дрова на топливо, и все другое, что могло пригодиться, они тоже подбирали. Рафаэла хоть и любила танцевать, но помогала Жоао сберечь каждый грош. Она и не думала над тем, что Жоао не приглашает ее никуда, не приносит подарков. Ведь она знала, что он копил для нее: Рафаэла была частью его мечты о будущем.

Жоао не хотел оставаться всю жизнь бедным рыбаком, как его товарищи из деревни. Он мечтал о своем собственном судне, о покупке красивого большого дома для Рафаэлы. Как только они поженятся, Жоао не позволит ей больше копаться в соли, которая разъедает пальцы рук и ног и даже глаза, если возиться в ней долгие годы. Рафаэла будет дамой, говорил он всегда. Они вместе строили планы, поскольку он хотел создать ей обеспеченную жизнь, чтобы Рафаэле не надо было трудиться и терять свою красоту, как другим женщинам.

* * *

И в конце концов Жоао действительно добился своего. В одну из весен он стал капитаном собственного судна. Правда, его капитанская форма не была лучшей из лучших, да и судно он получил не самое новое, но все же <Санта Женеви́ева> была добрым судном. Прежний капитан поддался на соблазн стать лоцманом с постоянным годовым жалованьем, и владельцы предложили де Соузе взять судно. Во всяком случае он прикрепил к фуражке золотой позумент, купил себе синюю тужурку и стал называться капитаном де Соуза.

Брату, естественно, здорово завидовали, но все же молодые люди из наших мест старались попасть на его судно. Они знали, что он суров и заставляет трудиться изо всех сил, но думали прежде всего о его рыбацьем счастье. Стоит человеку прослыть удачником, как все лучшие рыбаки стараются перейти к нему. Святая Мадонна, как видно, дала ему особое благословение. Поскольку его семья понесла столь тяжелые потери, Мадонна взяла Жоао под свое покровительство, и счастье сопутствовало ему во всех его начинаниях. Жоао пришлось, конечно, вложить свои деньги в судно, это было твердое правило. Ему пришлось также оплатить часть расходов на снаряжение команды. Рыбаки имели право получить пару высоких резиновых сапог, непромокаемый костюм и толстые шерстяные рукавицы. Это - самое малое, на что они могли претендовать. Жоао пришлось также заплатить за лодки и за провиант. Судовладельцы предоставляли судно, рыболовные снасти и соль. Такое распределение расходов и соответственно прибыли было давнишним и довольно хитроумным правилом. Капитан всегда будет больше стараться, если он получает часть прибыли, а не просто постоянное жалование. Жоао пришлось пойти и на другое условие: половину своего заработка он обязался в дальнейшем вкладывать в судно.

Жоао собирался справить свадьбу с Рафаэлей, как только станет капитаном, но, подумав хорошенько, они все же решили подождать еще немного. Молодые люди послушались голоса разума и не уступили своим желаниям. Стоит ему отправиться в плавание - и его жена останется совершенно без денег. Это означало, что Рафаэле опять придется все лето копать в соли; но это уж последний раз; нежеже жене капитана работать на засолке рыбы наравне с женами рыбаков.

Жоао не все доставалось легко. Судовладельцы были суровыми людьми в денежных делах и отказывались платить выше, чем полагается по закону, а от Жоао они пытались вытянуть как можно больше. Ему напоминали, что в качестве капитана они могли найти и другого человека, располагавшего б?льшими средствами для снаряжения в плавание. Жоао знал, что это действительно так, но он знал и то, что ему отдали предпочтение из-за его рыбацкого счастья. И все же он не решался ответить им отказом или даже торговаться. В конце концов ему пришлось израсходовать абсолютно все, что удалось скопить. Раз уж он принял решение, то приходится вложить все свое состояние в эту первую поездку в качестве капитана.

В последнее воскресенье перед отплытием Жоао взял Рафаэлу под руку, и они направились в церковь. На нем была его капитанская фуражка с золотым позументом, синяя тужурка, золотые сережки в ушах, а Рафаэла повязала ему на шею красный шелковый платок. В церкви они прошли к самым верхним стульям, где обычно располагались капитаны. Рафаэла перешла на женскую половину, а Жоао присоединился к другим капитанам, ждавшим, пока епископ [35] благословит их. Епископ сам был сыном рыбака, погибшего в море, и мог с основанием напоминать об их обязанностях перед богом и родиной, перед своими семьями и экипажем. Затем он их благословил и обратился к Святой Марии, чтобы та хранила рыбаков и привела невредимыми обратно. После богослужения капитан де Союза и его невеста поговорили с другими капитанами. Любой из этой компании считал бы ниже своего достоинства стоять и разговаривать с Жоао, когда он был еще простым рыбаком. Рафаэла была счастлива и горда - вот так все будет и в дальнейшем. Мать Жоао и сестры подошли, подали руки и пожелали счастливого плавания. Все это время Рафаэла держала его под руку. Всем в церкви было понятно, что отныне он принадлежит ей; мать и сестры не имели больше на него права.

Наша мать вполне отдавала себе отчет в этом. Все стало теперь по-другому, и она перестала приносить ему небольшие подарки, которые сперва окроплялись святой водой, как она делала это раньше. Теперь не она должна это делать. Обычно женщины приносят своим сыновьям коровьи рога - последнее средство, к которому прибегали рыбаки, когда в своей лодке отбивались от судна. Рыбак легко теряет из виду судно в ньюфаундлендском тумане, и тогда единственное его спасение - коровий рог, в который он трубит, пока его не услышат и не подберут.

Теперь Жоао не нуждался больше в таком роге. Он сам будет посылать рыбаков в море рано утром и подбирать их вечером. Ему придется беспокоиться о том, чтобы им хватало и пищи и наживки, занят он будет больше других, а спать ему придется меньше, чем всем остальным, но уж когда он приляжет, то это произойдет в капитанской каюте, где он останется один. На нем лежит ответственность, но и власть в его руках - во всяком случае все будет совершаться по его команде, а не по указке другого.

В понедельник они уходили. Жоао отправился с Рафаэлей на шлюпке, поднялся на борт и отдал свой первый приказ:

- Спустить женщин и детей на берег! Подготовиться к снятию с якоря!

Никто не возразил против его приказаний. Последнее объятие, последний поцелуй, и все посетители спустились в ожидавшие внизу шлюпки. Жоао проводил Рафаэлу в свою каюту. Она, конечно, видела ее уже неоднократно, но оставаться на борту, пока все остальные женщины не спустятся с судна, было привилегией жены капитана. После этого и она спустилась в шлюпку, и <Санта Женеви́ева> могла отплывать.

- Поднять якорь! - скомандовал Жоао.

Паруса поползли вверх, ветер надул их, и гордое судно заскользило по морской глади. Молодой капитан забыл все, даже Рафаэлу, - забыл от великой радости, что исполнилась его мечта после долгих лет тяжелого труда и расчетливой бережливости; теперь он сам ведет судно, выйдя раньше, чем другие знакомые ему капитаны. Его небольшое старое судно не имело мотора, как многие современные корабли, но это было его судно, и он сумеет с выгодой плавать на нем.

* * *

Первую остановку сделали на Азорских островах, где Жоао должен был набрать недостающих рыбаков. Как только они вышли в открытое море, сразу же сказало его счастье. Погода как нельзя лучше, ветер дует сильно и ровно. До Азорских островов дошли в рекордное время, набрали рыбаков и пустились в дальнейшее плавание через Атлантический океан. И хотя <Санта Женеви́ева> покинула Португалию раньше обычного, ей все же повезло; ее подгонял крепкий устойчивый восточный ветер, который называли <пасхальным>. Обычно он

начинал дуть на несколько недель позже - но на этот раз ветер сразу же наполнил паруса и погнал судно через весь океан вплоть до огромных отмелей. Жоао обогнал даже другие португальские суда. На одном из них был установлен новый, очень мощный мотор, но судно стояло на месте из-за неполадок в машинном отделении. Жоао не смог удержаться, чтобы не просигнализировать капитану, не нуждается ли он в помощи.

Вначале тот вообще не ответил; возможно, распекал в это время своего машиниста, по милости которого он оказался в таком унижительном положении. Жоао так обрадовался этому обстоятельству, что не мог отказать себе в удовольствии воспользоваться им. Когда суда поравнялись, Жоао зашел с подветренной стороны, окликнул капитана и предложил взять его пароход на буксир. Теперь тому пришлось ответить: у него, мол, все в порядке, и он справится сам. Жоао просигналил <счастливого плавания>, и вскоре <Санта Женеви́ева> легла на курс.

В этот вечер гордый капитан Соуза приказал выдать всей команде двойную порцию вина.

Когда судно добралось до отмелей, шел дождь. Большинство рыбаков не любит дождь, а Жоао умел и из этого извлечь выгоду. Он выкачал воду из всех баков и налил свежей дождевой воды, чтобы позже не приходилось пить застоявшуюся португальскую воду. Затем он приказал прибрать судно так, чтобы оно выглядело, как прогулочная яхта. Вся команда смогла помыться и постирать белье. Такое чистое судно никогда еще не рыбачило на отмелях.

Как только дождь перестал, Жоао приступил к выбору места для лова. Он понимал, как много от этого зависит; ответственность лежала на нем, и он направлял свое судно то вперед, то назад, измерял глубину, присматривался к направлению ветра и течения и, наконец, приказал бросить якорь. Море успокоилось, и стояла замечательная погода для лова; все рыбаки подготовили свои лодки и снасти, чтобы на следующее утро приступить к делу. Пока плыли к отмелям, лодочки были закреплены на палубе одна в одной. Теперь их осматривали, каждый рисовал свой опознавательный знак и надписывал свое имя. Кое-кто предпочитал написать имя своей жены или невесты, но большинство на всякий случай выводило имя своего ангела-хранителя. Капитан де Соуза устроил короткий молебен на палубе и обратился к Святой Марии, чтобы она сохранила всех, благословила их труд, способствовала удачному лову и помогла вернуться домой к своим близким. <Аминь>, - отозвалась дружно вся команда. Улеглись рано, чтобы в эту ночь хорошенько выспаться, чего теперь долго не удастся сделать. При первых признаках рассвета их разбудят и начнется тяжелая работа. И пока будет стоять хорошая погода, им не придется спать больше четырех-шести часов в сутки.

Но и в эту ночь рыбакам не пришлось как следует насладиться сном. Дежурный всегда опускал леску с наживкой, чтобы проверить, клюет ли треска; спустя несколько минут он вытащил свой первый улов - довольно большого спрута. Он опять забросил и опять тут же вытащил еще одного. Только успевай забрасывать. Море кишело спрутами. В обязанность дежурного входило поднять всю команду, чтобы все могли воспользоваться его рыбацким счастьем. Эти десятиногие спруты - лучшая наживка, а здесь их несметное количество.

Жоао был первым на ногах и попытался организовать лов. Команда охотно слушалась капитана, но вскоре все так увлеклись этим занятием, что уже не слышали его слов. Всю палубу завалили спрутами; ими наполнили бочки и чаны, а их все вытаскивали и вытаскивали. Никогда такой массы спрутов никто не видел. Когда косяк, спустя несколько часов, поредел, <Санта Женеви́ева> была обеспечена наживкой на весь сезон. Спрут - не только лучшая наживка, но он еще и очень долго хранится.

Счастливые рыбаки радостно улыбались своему капитану. Да, они сделали правильный выбор. С капитаном де Соуза они не пропадут. Его рыбацкое счастье улыбалось им всем.

* * *

На рассвете начался лов трески. Все вышли в море - каждый в своей лодке. Погода стояла прекрасная, море было спокойное, видимость замечательная. Лодки, рассеянные по бесконечной глади океана, казались затерянными и беспомощными. Но каждый рыбак знал свое дело и умел находить <Санта Женеви́еву>, когда набирал полную лодку трески.

У любого рыбака - свой собственный подход к лову, и каждый направлялся к месту, которое по той или иной причине считал наиболее подходящим. Здесь он выбрасывал якорь и опускал леску со множеством крючков - до 300 штук. Эта леска оставалась в море часа два, а тем временем рыбак ловил на мормышку [36]. Наконец, он принимался вытаскивать леску. Это тяжелая работа - если только повезет и рыбы наберется порядочно. Вот здесь-то и выручали рыбака шерстяные варежки, без которых запросто можно стереть руки. Как только вытаскивали треску, сразу же выпускали из нее кровь, чтобы она потом была белой и аппетитной, когда ее подают. Каждый набирал рыбы полную лодку и, когда считал, что на сегодня уже хватит, возвращался к <Санта Женеви́еве>. Это бывало медленное и порой довольно опасное плавание.

Жоао с нетерпением ожидал возвращения первой лодки. Однако ему не хотелось показывать своего волнения; важно было проверить, сопутствует ли ему бывшее рыбацкое счастье, правильно ли он выбрал место для лова. Команду судна он постарался занять, пока они ждали. Надо было подготовиться к приему рыбаков. Кроме того, полагалось наживить сотни новых крючков. Рыбу обычно разрезали, чистили, вымывали, солили и укладывали в трюм. Команда старалась изо всех сил и все же не была готова, когда первый рыбак подплыл к борту. Это был Таварес с Азорских островов - один из лучших рыбаков португальского флота. Его лодка была так нагружена, что бортов вообще не было видно.

Никогда он не видел такого богатого рыбой места, как это, сказал Таварес, улыбаясь капитану Жоао. Только поспевай насаживать наживку на крючки. Рыба стоит и ждет, когда можно схватить наживку с крючком. Таварес и не думал закончить на этом свой дневной лов. Рыбы там столько, сказал он, что можно набрать еще одну лодку. Кок принес ему большую чашку горячего кофе, и Таварес пустился в обратный путь, а другие рыбаки стали подгребать к <Санте>.

Жоао в душе поблагодарил Мадонну за ее покровительство. Здесь не только много трески, но она отличного качества, жирная и блестящая. На палубе установили длинные разделочные столы, и люди заработали острыми

ножами. С этого часа для отдыха времени оставалось мало - пока не заполнится весь трюм. Рыбаки так часто подходили к борту судна, что команда не успевала разделать рыбу и засолить ее. Все до единого работали не покладая рук. Тресковые головы и внутренности летели за борт сплошным потоком. Само собой понятно, что печень вынимали осторожно, обмывали и складывали в специальные чаны. Хребтовую кость взрезали и кидали за борт. Разделанную рыбу еще раз обмывали и бросали в трюм, где ее засаливали.

Жоао больше всего находился в трюме, ему приятно было наблюдать, как растет гора рыбы. Он отдавал приказы, впрочем совершенно излишние, поскольку засолкой руководил старший штурман - человек пожилой и знавший свое дело. Улов первого дня был невероятно большим, гора рыбы в трюме все росла. Жоао, конечно, знал, что двадцать пять процентов веса отойдет водой, которую выкачают насосы, и что результаты первого дня - только скромное начало; нет никакой гарантии, что так будет продолжаться и дальше. Однако начало обнадеживало, и Жоао как капитан был счастлив в свой первый день лова.

Счастье не изменило ему и в последующие недели. Все шло хорошо день за днем. Всех поднимали с коек чуть свет; рыбакам казалось, что они не успевают уснуть, как им опять приходилось спускаться в лодки. К нехватке сна привыкаешь. Даже однообразное сидение в лодке становилось привычкой, более того, удовольствием, погода стояла хорошая, а треска никогда так не лезла на крючок, как сейчас.

Несколько раз Жоао перемещал <Санта Женеьеву>, и делал он это не потому, что улов становился плохим, вовсе нет, но все были в таком настроении, что каждый день подавай им рекордный улов. И всякий раз, когда Жоао переходил на другое место, оказывалось, что оно еще лучше прежнего.

После шести недель на отменях у Ньюфаундлендской банки суда обычно уходили на север, к Гренландии.

Капитан де Соуза не последовал этому обычаю. Он посоветовался с командой, и все поддержали его предложение. Если хорошая погода будет стоять и дальше, а треска не уйдет отсюда, то они могли бы через неделю заполнить трюм.

Путь до Гренландии был длинен и небезопасен. Даже в том случае, если они останутся на месте в течение двух недель, они все равно будут в выигрыше. Одно только плавание до пролива Девиса и обратно займет в лучшем случае две недели. Почему же не продолжать рыбачить здесь, где так хорошо ловилось, да и ловится сейчас? Другие суда отправились на север; <Санта Женеьева> осталась на своем месте.

Спустя десять дней у них кончилась соль; правда, и трюм был заполнен доверху. Ни один португалец не привозил больше трески, да еще и такой отменной! Раньше, чем кто бы то ни было, капитан де Соуза отправился в обратный путь. Мадонна покровительствовала ему! Как только он отдал команду поднять якорь, подул благоприятный крепкий западный ветер, продолжавшийся, пока они не достигли португальского берега.

Когда <Санта Женеьева> приблизилась к своей гавани, ее сразу заметили старики, которые уже не могли плавать, но всегда торчали у причала. Они сокрушенно качали головами. Что-то случилось на <Санта Женеьеве>! Разве они не говорили заранее? Ведь предупреждали же они судовладельцев не поручать судно этому молокососу! Теперь их опасения, к сожалению, оправдались. Теперь бы <Санта Женеьеве> быть у Гренландии, а она - вот где! Тут что-то неладно. Наверное, получила пробоину! Да, молодежь в наши дни взбалмошная! Посмотрите, как шхуна глубоко осела, страшно смотреть! Старики послали сообщить матери Жоао и Рафаэлу, чтобы подготовить их к самому худшему. Бедные женщины горько плакали, пока ждали на берегу и молились за своего любимого Жоао.

* * *

Когда, наконец, жители деревни поняли в чем дело, Жоао стал их героем. Судовладельцы были счастливы; они послали за оптовиками, чтобы как можно скорее продать ценный груз, пока треска еще дорога. Жоао заработал больше, чем мог надеяться. Этим торжеством он свел счеты со всеми, кто насмехался над ним, когда он отказывался тратить свои денежки, выпивая со своими сверстниками.

В это лето не было более счастливой пары, чем Рафаэла и Жоао. Теперь им нечего больше откладывать свадьбу; они отправились к пастору и поженились. Правда, времени на медовый месяц не осталось. Жоао торопился закончить переговоры со своими хозяевами, занимался продажей рыбы и строил планы на будущее. Рафаэла всегда отправлялась с ним, гордо и терпеливо ожидая на улице, пока ее муж разговаривал с сильными мира сего. Теперь исполнились все их мечты, они купили небольшой домик и оба были преисполнены благодарности Мадонне за ее замечательные дары.

Не прошло и двух недель после возвращения Жоао из плавания, как судовладельцы отправили за ним посыльного. Раньше они поговаривали, не пойти ли ему второй раз в этом году за рыбой к берегам Гренландии, но теперь поступило сообщение, что многим судам в том районе не хватает соли. Нужно поскорее отправиться к Гренландии с грузом соли, это верная прибыль, и не надо во второй раз испытывать свое рыбацье счастье. Риска в этом предприятии не было никакого. Жоао спрашивали, готов ли он отправиться к проливу Девиса, как только судно будет загружено?

Половину своего заработка Жоао вложил в <Санта Женеьеву>, поэтому он был заинтересован, как и хозяева, в получении от нее прибыли. Конечно, обидно уезжать от Рафаэлы, но она как благоразумная жена советовала не терять такого заработка. И поэтому Жоао вскоре опять отправился в плавание. <Санта Женеьева> была тяжело нагружена - тяжелее дозволенного законом. Но чем больше соли он довезет, тем больше они все заработают, и Жоао пришлось влить в портового инспектора портвейна больше обычного; чиновник подписал бумаги, невзирая на перегруженность судна. <Санта Женеьева> вышла в море ночью в темноте и никто не мог заметить, как глубоко она сидит в воде.

* * *

На этот раз путь предстоял нелегкий. Стояла холодная осень, и море было беспокойно. Всю дорогу дул встречный ветер. И все же они добрались до места назначения.

Жоао легко нашел те два судна, которые больше всего нуждались в соли. Капитаны явно жаждали. Уже много

дней они не ловили из-за недостатка соли, хотя кругом была масса трески. Оба потребовали, чтобы капитан де Соуза сразу же перегрузил им соль. Жоао не нравилась погода; сильный ветер поднимал довольно высокую волну, и ему не хотелось рисковать, перегружая соль в открытом море. Он попросил капитанов обождать или, перед тем как открывать трюмы, войти в один из тихих фиордов Гренландии. Датские власти не разрешают португальцам сходить на берег, но не возражают, если суда заходят в закрытые фиорды, спасаясь от шторма или для перегрузки. Однако капитаны наотрез отказались от всяких оттяжек. Они и так уже потеряли много времени, да и риска нет никакого, утверждали они, если перегрузить соль в открытом море. Наконец, кто-то спросил, не трусит ли капитан де Соуза. Это решило дело.

Оба моторных судна пришвартовались к <Санта Женеьеве>. Они были защищены от ветра плававшим поблизости айсбергом, который даже несколько уменьшал волнение на море. Жоао установил подъемные блоки, чтобы разгружать соль сразу на обе стороны. После этого открыли трюмы.

Перегрузку можно было бы закончить в несколько часов, если бы им сопутствовало счастье, но, к сожалению, оно им изменило. Не прошло и нескольких минут, как случилась беда. Жоао никак не мог предположить, что такое произойдет именно с ним, и он окажется совершенно беспомощным. <Я слышал, что такое бывает, - пронеслось у него в голове, - но я не думал, что это действительно случается!> На этот раз все произошло именно так. Айсберг, возвышавшийся в стороне, вдруг, без всякого предупреждения и без единого звука, перевернулся. Казалось, что какая-то невидимая рука толкнула этот ледяной колосс. Моряки и опомниться не успели, как все были погребены под огромной волной.

Суда оторвало друг от друга, будто они были связаны не канатами, а нитками; послышался треск ломавшегося рангоута. Жоао очнулся плавающим в воде. <Санта Женеьевы> больше не существовало!

Каким-то чудом спаслись два других судна. Они не столкнулись и, хотя их порядком залило водой, все же не затонули. <Санта Женеьева> камнем пошла на дно. Поскольку трюмы-были открыты, вода хлынула внутрь, и огромная тяжесть воды вместе с многотонным грузом соли потянула судно в пучину.

Четыре человека потонули. Остальных подобрала два оставшихся судна. Жоао, казалось, помешался от случившегося с ним несчастья и только много часов спустя понял всю величину утраты. Он потерял свое судно. Его гордый корабль лежал на дне моря. В течение нескольких секунд Жоао потерял все. То, во имя чего он трудился всю жизнь, исчезло с быстротой молнии.

Теперь мой брат оказался в гораздо худшем положении, чем когда-либо раньше. Он полностью разорился, а дома Рафаэла ожидала своего мужа и его судно. Теперь ему никогда не поручат судна, так как вся вина за случившееся падает на него. Именно Жоао отвечает за то, что они перегружались в открытом море, а это противоречило всем предписаниям страховых обществ и морским законам. Даже в фрахтовых бумагах значилось, что соль следует перегружать на другие суда <в безопасной гавани или в закрытом фиорде>. Кроме того, на нем лежит ответственность за гибель четырех человек, один из которых - четырнадцатилетний мальчик - никогда раньше не выходил в море.

Бедный гордый капитан де Соуза! Теперь он опять стал рыбаком Жоао и за последние дни постарел так, будто прошли годы. Он бродил, словно в тумане, когда судно, на котором он находился, возвращалось в Португалию. Соли не было, и они не могли продолжать лов. Капитан судна был умным старым человеком; он всячески пытался утешить Жоао и вселить в него мужество. Надо начинать все сначала, как многим приходилось делать до него, уговаривал капитан. Рафаэла остается его верной женой, и то, что ему удалось сделать один раз, он сможет сделать и во второй: ведь он еще молодой человек.

- Счастье изменило тебе, Мадонна наказала тебя, не знаю уж за что, возможно, ты слишком загордился, - толковывал ему капитан. - Но помни, что не прощается только одно - отказ от дальнейшей борьбы. Надо начинать сначала. И если ты хочешь стать рыбаком, то я охотно возьму тебя. На моем судне всегда будет место для Жоао!

Брат поблагодарил, но когда они подошли к Португалии, настроение у него было самое скверное. Рафаэла горько плакала, услышав о случившемся, но не оставила своего мужа в беде. Она с удовольствием опять будет возиться в соли, начнет все сначала, пока он не накопит достаточно денег, чтобы снова стать капитаном! Она не понимала, что ему никогда уже не удастся накопить столько денег.

Владельцы <Санта Женеьевы> круто обошлись с Жоао. Они не обвиняли его в том, что он не выполнил предписаний, поскольку ни один капитан их не выполняет. Они знали, что, к сожалению, им не получить страховки за судно, так как оно затонуло из-за небрежности капитана: невозможно было скрыть, что он начал перегружать соль на другие суда далеко от <гавани или закрытого фиорда>. Однако они должны были оградить свои собственные интересы и интересы акционеров, и вынудили Жоао согласиться на выплату 50 процентов от всего, что он будет получать - пока не покроет убытки. Все, что он сам вложил в корабль, - пропало, а теперь еще долгие годы ему придется отдавать половину своих заработков! Он прекрасно понимал, что выплатит свой долг только к старости.

Рафаэла улыбалась ему сквозь слезы. Их надежды рухнули, но почему они снова не могут мечтать? Ее мать возилась в соли всю свою жизнь и то же делала ее бабушка. Рафаэла охотно взялась за работу и опять стала строить планы на будущее. Она молилась Мадонне, она заклинала святую богородицу свершить новое чудо. <Не за себя молю, - говорила она, - а за человека, которого я так горячо люблю. О дорогая Святая Мадонна, сделай так, чтобы его мечты опять сбылись>.

* * *

Всю зиму Рафаэла произносила одну и ту же молитву. Жоао работал не покладая рук. Он был хорошим мужем, его любовь не остыла, но сам он изменился. Его лицо стало мрачным и улыбался он редко. Те две женщины, сыновья которых утонули при гибели <Санта Женеьевы>, избегали его; они ничего не хотели иметь общего с Жоао. Их печаль и немой укор лежали тяжелым бременем на его плечах, так как он встречался с женщинами почти ежедневно. Жоао был рад, когда настала весна и он смог вернуться на отмели. На этот раз он плыл на

моторном судне, но уже простым рыбаком, как и другие.

Жоао работал усерднее прежнего и, казалось, что рыбацье счастье не изменило ему, несмотря ни на что. Его улов был в два раза больше улова других рыбаков, и поскольку Жоао находился на борту, им удалось быстрее обычного заполнить трюмы рыбой. Моторные суда не должны были отправляться в Португалию, как только заканчивали ловлю. Они доплывали до порта Сент-Джонс в Ньюфаундленде и там разгружались. Затем принимали новый груз соли и провианта - конечно, в гавани, а не в открытом море - и вскоре опять выходили на лов.

На этот раз они не пошли на отмели, а направились севернее, к проливу Девиса. Рыбаки выходили на рассвете, к обеду возвращались с полным уловом и снова уходили в море. В отдельные дни Жоао привозил три лодки, доверху наполненные рыбой. Капитан был счастлив, и он роздал по двойной порции вина, когда трюм его судна заполнился рыбой, причем гораздо раньше, чем на других судах. Рафаэла гордилась своим мужем. Он наловил рыбы так много, что даже после уплаты половины всего заработка у него осталось столько, сколько другие заработали за все лето. Если он сможет так продолжать, то они скоро опять станут на ноги. Рафаэла пошла в церковь и поблагодарила богородицу за то, что она вняла ее мольбам. Но как долго Жоао сможет работать в два раза больше других мужчин?

В течение зимы уверенность Рафаэлы росла, и она чувствовала, что произойдут изменения к лучшему.

Судовладельцы не забудут ее мужа, они поймут, что Жоао намного лучше других рыбаков. Ведь в их собственных интересах предоставить ему новое судно. Капитан Алоа уже стар и слаб. Его мучила подагра, и он поговаривал о том, что пора списаться на берег. Может быть, Жоао поставят на его место!

- Святая дева Мария, дай моему мужу возможность показать, на что он способен, - молилась она. - Покажи, что ты на его стороне и что счастье продолжает сопутствовать ему. Соверши чудо для моего мужа. Святая богородица, внемли моей молитве!

Но Мадонна оставалась глухой к ее мольбе. Жоао находился в задних рядах в церкви вместе с другими простыми рыбаками, ожидая благословения. Рафаэла поднималась на борт его судна вместе с другими женами рыбаков. Когда-то она гордо восседала в каюте капитана. Теперь на судне был другой капитан, и это он командовал:

<Спустить женщин и детей на берег>. Рафаэле пришлось сойти вместе со всеми.

Они отправились на большие отмели. Этот год не был таким удачным, как прошлый, но жаловаться все же не приходилось. Жоао был исключением. Он всегда ловил больше других. Создавалось впечатление, что треска ожидает только его. Удача его не покидала, когда он рыбачил. Это только говорит о том, утверждали некоторые, что Жоао родился, чтобы быть простым рыбаком; ему не следовало браться за другое дело. Как только он перестал рыбачить, счастье отвернулось от него. И не потому, что он возгордился, но все же...

* * *

Было уже позднее лето, когда они отправились дальше на север и вошли в пролив Девиса. Трюмы были заполнены только наполовину, и все надеялись, что треска находится у берегов Гренландии.

Пробыли они здесь недолго. Вскоре их застиг туман - злейший враг рыбаков. День за днем все возвращались, промокшие от холодной влаги. Рыбаки не могли отходить далеко, чтобы не заблудиться. И весь день и всю ночь сквозь тяжелые клубы тумана доносились меланхоличные призывы рыбаков, трубивших в рожки, привезенные из дому, а судно отвечало гудками сирены. Сквозь туман плыли португальцы, покинувшие свою теплую солнечную родину, чтобы отправиться сюда, на холодный север, и ловить треску, которую по велению церкви они едят каждую пятницу и во время поста. Блуждая в тумане в поисках своего судна, многие из них думали, что добрые христиане и не подозревают, какого труда и мучений, даже человеческих жертв, стоит добыча рыбы, чтобы выполнить веление церкви и, таким образом, заслужить царствие небесное.

Но, наконец, солнце прорвалось сквозь туман, и рыбаки опять могли приняться за настоящую работу. Впервые за целую неделю Жоао удалось еще до обеда наполнить свою лодку до краев и выйти на лов во второй раз. Какое-то внутреннее чувство подсказало ему, что надо отгрести подальше от судна. Вдали, на расстоянии мили или двух, он видел айсберг и знал, что самая крупная треска, как правило, находится вблизи этих плавучих гор.

Жоао отплыл далеко от других рыбаков и даже не думал о них. Он все время размышлял о своем будущем, о своей бедной Рафаэле, которой обещал счастливую жизнь без нужды и даже без тяжелой работы, преждевременно состарившей ее мать и сестер. Он знал, что Рафаэла опять трудилась изо всех сил в едкой соли и это отражалось на ее коже и губило ее красоту. Какова цена его обещаниям?

Жоао долго греб перед тем, как взглянуть вперед. На этот раз он заметил нечто такое, чего он не видел раньше - что-то белело на горизонте за айсбергом. Он знал, что это означает: возвращается туман. По приказу он должен вернуться на судно, как только начнется туман. Но Жоао не хотелось возвращаться, не наполнив лодки. Он продолжал грести, уверенный в том, что найдет дорогу обратно. У него ведь был компас, и, значит, ничего не случится.

Еще до того как он достиг айсберга, все заволкло туманом - густым, мокрым и непроницаемым. Слабый ветер прекратился, и все затихло. Жоао задумался, поскольку он знал, что туман не улетучится, пока не поднимется ветер, а это могло случиться не скоро. До него доносился слабый звук рожков других португальцев, дававших таким образом знать о себе. И все же он не испугался, так как знал, что его подберут - если и не свое судно, так другое; их было много в проливе Девиса.

Теперь не оставалось ничего другого, как ждать. Он бросил свой буюк на воду и принялся ловить треску. Жоао глубоко задумался, но продолжал вытаскивать одну рыбку за другой. И впервые за всю свою жизнь ощутил горечь бытия. Он думал о том, что каждая вторая рыба, которую он вытаскивает, принадлежит судовладельцам. Они сидят дома, не зная тревог и труда, а получают половину его заработка. Ему приходится трудиться в поте лица своего, подвергаться риску, и все же у него нет никакой возможности когда-либо выплатить свой долг. Он знал, что находится вблизи того места, где потонула <Санта Женеви́ева>; возможно, она лежит теперь под ним. Жоао подумал, был ли у него тогда какой-нибудь выход. Если бы он настаивал на выполнении предписаний и

зашел в фиорд перед тем, как начать разгрузку, было бы потеряно много дней для рыболовства; владельцы ругали бы его и сделали бы вычет из его заработка.

Нет, это не была его оплошность. Несчастье случилось из-за айсберга. И все же он находился в руках судовладельцев. В случае отказа они подали бы на него в суд. Ему внушали, что четыре человека погибли по его вине. Если Жоао не подпишет обязательства, то полиция займется этим делом и его обвинят в непредумышленном убийстве. Он подписал все документы, не читая их, и оказался в пожизненном долгу; но ведь еще хуже то, что две матери потеряли сыновей, которые должны были зарабатывать на пропитание. Жоао молился Святой Мадонне за спасение душ четырех погибших.

Подняв голову, он не поверил своим глазам... Он задрожал от испуга и начал читать <Отче наш>; в тумане перед ним вырисовывался контур судна. Жоао встряхнул головой, опустил обе руки в воду и брызнул себе в глаза. Ничто не помогало. Перед ним было судно, три мачты выделялись в тумане... <Санта Женевьева>!

Он так много думал о своем судне, что, наверное, у него начались галлюцинации. Он слышал о кораблях-призраках, исчезавших на глазах у рыбаков в тумане, - это могло быть и наваждение дьявола и утешение господ бога; Жоао не знал, что это было. Ему показалось, что он сходит с ума. Его судно лежит на дне моря, но ведь это <Санта Женевьева>! Она подходит все ближе и ближе. Это было неописуемое по красоте видение, хотя сам Жоао дрожал от страха и боялся пошевелиться, чтобы не упустить из виду замечательный призрак и остаться опять одному в тумане. Он слышал о <Летучем Голландце>. Может быть, и это явление предвещает, что он сам утонет, соединившись с четырьмя другими морями, которые пошли на дно вместе с <Санта Женевьевой>. Туман вокруг судна медленно рассеивался. Палуба находилась на уровне воды, и вскоре Жоао разглядел украшение на носу и капитанский мостик. Вдруг он разозлился и стал убеждать себя, что не верит в эти никчемные предрассудки. Осталось только одно: вытащить мормышку и лесу, направиться к судну, пройти сквозь него и заставить исчезнуть видение. Но ничего не помогло.

Как только лодка ударилась о фальшборт немного ниже планшира, ее всю сотрясло. Жоао ясно слышал, как дерево стукнулось о дерево, и лодка остановилась. Ему не удалось проехать сквозь призрачный корабль - он оказался настоящим. Жоао заглянул за планшир и увидел открытый трюм. Повсюду налипли ракушки, полипы и кораллы - этого вполне достаточно для доказательства, что здесь нет ничего сверхъестественного, ничего такого, чтобы он сам внушил себе. Это было настоящее судно, его собственное судно.

Жоао поднялся на борт и, почувствовав, что палуба вполне устойчива, прошел по воде и заглянул в трюм. Не было никакого сомнения - чудо, о котором он так страстно молился, свершилось. Он просил Мадонну дать ему судно, но никогда не полагал, что она вернет ему старое судно, подняв его со дна моря.

Тут же на палубе Жоао опустился на колени и от души поблагодарил святую деву. Он просил ее охранить Рафаэлу, которая своими молитвами добилась этого чуда. Это она никогда не теряла надежды, ставила свечи в церкви и клала цветы на алтарь Мадонны. Если бы ему только удалось спасти этот дар моря - сохранить <Санта Женевьеву> на плаву! О, тогда бы он всем показал! Никто на всем белом свете не мог бы вырвать из рук капитана де Союза судно, за которое он уже уплатил половину его стоимости!

* * *

Эта мысль вернула Жоао к действительности. Он внимательно оглядел судно, заглянул в люки. Многотонный груз соли размыло, только в самом низу виднелась белая корка. Именно тяжелая соль потопила деревянное судно. Но <Санта Женевьева> лежала, терпеливо ожидая, пока соль растворится и можно будет подняться. Дерево готово было уже всплыть, требовалось лишь незначительное усилие, чтобы судно оказалось на плаву. Он попытался вспомнить, были ли водяные резервуары пустыми, когда судно пошло ко дну; в некоторых из них безусловно оставался воздух, который помог всплыть. Вероятно, подошел айсберг и, толкнув судно, приложил то небольшое усилие, которое было необходимо. Айсберг потопил его и он же помог ему подняться. Получилось, что лед вернул свой долг.

Некоторое время Жоао бесцельно ходил по палубе, чтобы почувствовать под собой судно, и вряд ли отдавал себе отчет в своих действиях, когда начал убирать палубу. Просто невозможно не выбросить за борт водоросли и ракушки. <Санта Женевьева> всегда была чистой, когда он был капитаном, и ему не нравился ее теперешний вид.

Жоао стал думать о существе дела и наконец понял, что в таком состоянии судно долго не продержится. Только если удастся выкачать воду, оно останется на поверхности. Насосы оказались в порядке, но качать было бесполезно: люки трюма находились почти вровень с поверхностью воды и как бы быстро он ни качал, вода заливала бы люки опять; это все равно, что попытаться выкачать океан. Ему надо было построить вокруг люков загородки, чтобы вода не могла возвращаться в трюм.

Жоао лихорадочно думал над тем, как это сделать, и вдруг услышал далекий звук рожка. Он поспешил к своей лодке, схватил рог и начал трубить изо всех сил. Вскоре до него долетели ответные сигналы. Жоао трубил до тех пор, пока из тумана не появились четыре лодки отбившихся, как и он, рыбаков.

Они испугались, когда увидели человека на ползатонувшем судне: рыбаки не верили своим глазам. Но одним из четырех был его старый друг Таварес, с которым он плавал раньше, и тот узнал <Санта Женевьеву>. Таварес первым забрался на палубу, и Жоао вместе с ним стал искать способ, как выкачать воду из трюма. К этим двум присоединились остальные, и теперь, когда их стало пятеро, они решили задачу. Взяли старые паруса, привязанные к мачтам, тросы, рыболовные снасти - все, что попадалось под руку, и отгородили люки, чтобы вода не лилась обратно. Правда, она могла просачиваться, но если бы им удалось быстро выкачивать воду из трюма, они выиграли бы битву с морем.

Рыбаки взялись за насосы. Четверо качали, а пятый следил за тем, чтобы вода не поступала обратно.

- Скорее, скорее! - возбужденно кричал Жоао. Сам он работал изо всех сил, так, что у него темнело в глазах, судорожно сжимая ручку насоса: вверх - вниз, вверх - вниз, все быстрее и быстрее. Таварес, следивший за люками, вскоре закричал, что вода убывает: ее выкачивали скорее, чем она просачивалась.

Каждый старался изо всех сил, и понемногу стали заметны результаты: <Санта Женевьева> поднималась из воды, правда, очень медленно, как бы сопротивляясь. Через час наметился некоторый сдвиг, а спустя два часа уже не оставалось никакого сомнения: судно поднималось. Когда они вступили на судно, вода доходила до щиколоток. Теперь, когда они поработали насосами, как им казалось целую вечность, воды на палубе почти не осталось. Позже они настолько выбились из сил, что чувствовали вкус крови во рту и чуть не падали от усталости. Наконец палуба стала сухой. Им не нужны были уже загородки из парусов: вода в трюме медленно убывала; <Санта Женевьева> была спасена!

Вскоре они могли спуститься внутрь. Жоао пробрался в свою старую каюту и в камбуз. Внизу вода доходила до плеч, но ощущение счастья не покидало его. Возвратившись на палубу, он торжественно держал в руках котелку. Один из рыбаков отправился на лодке к айсбергу и набрал пресной воды. Все очень хотели пить после такой напряженной работы. Напившись, рыбаки легли на паруса. Они очень устали и нуждались в отдыхе, хотя и не могли уснуть.

Жоао вскоре опять оказался на ногах. У него было слишком радостно на душе, чтобы бездействовать. Теперь он один продолжал откачивать воду. Вода еле-еле текла. Но он чувствовал, что ему важна каждая капля, и качал, качал - совершенно машинально, не отдавая себе отчета: вверх - вниз, вверх - вниз!

Вдруг один из лежавших вскочил, замахал руками и закричал на Жоао, чтобы тот перестал качать. Рыбак был страшно возбужден и потребовал, чтобы все замолкли. Через несколько секунд все услышали звук, который он уловил первым. Сквозь туман издали прорвался гудок. Это был глухой ревуший пароходный гудок. Теперь люди не зависели больше от прихотей судьбы, им будет оказана помощь.

Гудок вновь прозвучал, на этот раз немного ближе. Минуту все было тихо, потом он раздался опять - еще ближе, чем раньше. В тумане звуки часто обманчивы, но на этот раз сомнения не было: пароход приближался к ним. Казалось, он идет прямо на <Санта Женевьеву>. Вскоре он оказался так близко, что они могли слышать, как работает машина. Все пятеро поспешили к своим лодкам и схватили рожки. Они загудели что есть мочи. Звук одного рожка вряд ли можно было услышать из-за шума машины, но когда пять рожков неистово загудели одновременно, то их услышали. Это случилось в тот момент, когда пароход мог еще избежать столкновения с <Санта Женевьевой>. Наконец рыбаки увидели очертания парохода - счастье Жоао не покинуло его.

Это оказался патрульный корабль португальского правительства, и теперь все печали остались позади. Пароход развернулся и подошел к <Санта Женевьеве>. Длинный шланг был переброшен на еще заполненное водой судно; заработал насос. Вместо пяти совершенно измотавшихся людей выкачиванием воды занялась теперь паровая машина. <Санта Женевьева> быстро поднималась из ледяной воды.

Жоао, естественно, не нашел свое судно в точно таком же состоянии, в каком оставил его. Однако корпус был цел и достаточно крепок. Судно уверенно держалось на плаву. Жоао удалось набрать достаточно людей: кое-кого с португальского корабля, кое-кого из числа моряков, которых отпустил капитан рыбацкого судна. <Санта Женевьеву> отбуксировали в порт Сент-Джонс, привели в порядок, и под командованием де Соуза она ушла домой, в Португалию.

* * *

- На этом заканчивается история, - сказал Пабло. - Можно считать, что это начало ее, смотря по тому, как кто к этому относится. Слух о чуде достиг деревни раньше, чем Жоао вернулся домой. Для моего брата началась новая жизнь. Он вернулся к Рафаэлю и вновь сделался героем деревенских жителей, пожалуй, всей провинции. О нем писали даже в лиссабонских газетах.

Жоао всегда все удается. Сейчас он наполовину владеет <Санта Женевьевой>; естественно, он остался на ней капитаном. Я был с ним этим летом в проливе Девиса, когда отбился от судна в тумане. Меня подобрала <Хортикула>. Я простой рыбак, пока смогу рыбачить со своим братом, все будет хорошо. Я, конечно, остался бы в своей лодке; если бы знал, что с вами четверьма отстану от <Хортикулы>. Как только мы выберемся отсюда, я поспешу к Рафаэлю и Жоао. Больше я не китобой! Поживу у них и ежедневно вместе с ними стану молиться Святой Мадонне, услышавшей мольбы Рафаэля и свершившей <чудо>, чтобы спасти Рафаэлу и ее любимого Жоао...

* * *

Пока мы слушали рассказ Пабло, костер погас, никто не догадался подбросить дров. Никому не хотелось встать и развести огонь. Мы приготовились спать, и, как мне казалось, даже любопытство Рокуэллы Симона было удовлетворено. Семундсен начал выпрашивать Пабло об этом странном случае, чтобы уяснить себе, действительно ли все произошло так, как тот рассказал. Португалец продолжал утверждать, что только молитвы Рафаэлы вызвали это чудо. Ему было безразлично, считаем ли мы это возможным или нет. То было чудо, никаких других объяснений не требовалось.

Я мог заверить недоверчивого норвежца, что все именно так и случилось. Я до этого не знал всех подробностей, но кое-что слышал о <Санта Женевьеве>. Датские чиновники в Гренландии рассказали мне об этом судне, побывавшем на дне морском. Всплывшее судно оказалось настоящей сенсацией. И не было сомнения, что оно действительно всплыло - как и почему, я не знаю.

Когда мы подготовили все, чтобы лечь спать, я попытался перевести рассказ Пабло Меквусаку и двум эскимосам, и, по-моему, они единственные, кто не усомнился ни в чем. Они немало наслышались о чудесах, совершенных великим духом, живущим на дне моря и помогающим тем, кто этого заслужил. Ясно, что по ходу рассказа их уважение к португальскому рыбаку все росло. Перед тем как уснуть, я оглянулся и увидел, что все трое эскимосов смотрят на спящего Пабло, а на их лицах застыло благоговейное выражение.

Глава 8 НЕТ КОНЦА ПУТИ

Проснувшись на следующее утро, я увидел, что наша пещера освещена ярким солнцем. Меквусак был уже на ногах и принялся за работу. Он разжег костер и поставил медвежатину, чтобы было чем позавтракать. Старик терпеливо ждал, пока мы проснемся. Ему и в голову не приходило, что можно разбудить кого-либо из нас. Мне никогда не удавалось заставить моих друзей эскимосов потревожить спящего человека. Они твердо уверены, что когда человек спит, душа его покидает тело и отправляется путешествовать по свету. Поэтому эскимосы считают опасным разбудить спящего до того, как его душа вернется из странствия. Если такая блуждающая душа не найдет своего спящего хозяина, то она потеряется навеки, а человек станет без души чахнуть, пока вообще не помрет. Ни один заклинатель ничем не может помочь умирающему эскимосу, если душа покинула его тело, утверждали мои друзья.

Старик Меквусак не только приготовил нам завтрак, но и сходил на гору и своим единственным, но очень зорким глазом высмотрел проток во льдах, по которому мы сможем уехать с острова Бушнан. Воды залива Мелвилла очень глубоки, но они разделены на два бассейна подводным горным хребтом. Мелкая вода над этим хребтом никогда не замерзает так прочно, как в остальных частях залива, и даже в самые суровые зимы в периоды приливов и отливов образуется проток, который эскимосы называют Морской пастью. Меквусак убедился, что Морская пасть сейчас открыта, и если мы поторопимся, то, возможно, пройдем по этому каналу до самого острова Тома.

Мы послушались совета старика и, закусив, поспешили в дорогу. Отправляясь с острова Бушнан, я лелеял надежду, что счастье будет сопутствовать нам и мы сможем достигнуть нашей цели до наступления зимы, до того как закроется Морская пасть. Мы отправлялись замечательным солнечным утром, и, к счастью, предчувствия того, что нас ожидает, не омрачали наши светлые надежды.

Хотя остров Тома находился от нас на юго-востоке, мы вынуждены были взять гораздо восточнее, используя не закрытые еще протоки. Нас подгонял крепкий устойчивый ветер, и мы довольно быстро продвигались к группе колоссальных айсбергов, видневшихся вдали. Глетчер, сползающий в залив Мелвилла, очень плодovit: в весеннее время от него откалывается и уходит в море множество огромных айсбергов. Многие ледяные горы попадают на подводный хребет в заливе и порой остаются на мели по нескольку лет. Они образуют тогда непроходимый ледяной барьер. Именно к такому месту мы сейчас и шли по открытой воде. Другого выбора у нас не было, поскольку мы не решались тащиться с нашей лодкой через льды.

Меквусак первый заметил грозные признаки. Я видел, что он все поглядывает на небо по правому борту, и повернулся в ту же сторону. На западе, у самого горизонта, образовалось продолговатое серое облако. Вскоре и другие обратили на него внимание, но никто из нас и словом не обмолвился по этому поводу. Мы продолжали молча свой путь, используя, пока возможно, силу ветра. Спустя час паруса начали трепетать, а затем и вообще повисли на мачте. Наступил полный штиль. Небо быстро заволакивало тучами, и мы знали, что вскоре подует зюйд-вест, которого надо опасаться. Именно этот ветер погнал пятерых китобоев через море Баффина к острову Саундерса.

Мы отдавали себе отчет в том, какое действие окажет этот ветер на лед. Там, на юге, он, должно быть, уже нажимает на льды, хотя вокруг нас ничего еще не было заметно. Единственная возможность спасения заключалась в быстром продвижении вперед, пока лодку нашу не затерло. Нас было десятеро в лодке, но Усукодарк никакой помощи оказать не мог, а Меквусак прирос к рулю. Все остальные сменяли друг друга на веслах; мы гребли изо всех сил. Никто в лодке не разговаривал, но все понимали, что ситуация исключительно напряженная. Если лед сейчас сомкнется, то он вряд ли вскрыется раньше будущей весны; даже на Морскую пасть надежда была плохая. Только при благоприятных условиях мы могли бы добраться до земли, где живут люди, но теперь уже приходилось отказаться от мысли заблаговременно добраться до острова Тома, чтобы перехватить китобойное судно.

Мы гребли против ветра и течения, а когда началась подвижка льдов, нас стали задерживать еще и плавающие льдины. Мы сменяли друг друга на веслах, но все же двигались медленно. Пятеро китобоев жаловались, что они ослабели от однообразной пищи; об этом они говорили уже в течение многих дней. Им не хватало хлеба. Некоторые, как в бреду, вспоминали о молоке, об овощах и фруктах, но больше всего о хлебе. Если бы я напомнил им, что эскимосы и я не испытываем никаких неудобств оттого, что питаемся одним лишь мясом, китобои только обиделись бы, изображая из себя мучеников. Но мне нельзя было и потакать китобоям, ибо в таком случае они чувствовали бы себя еще более несчастными и слабыми. Я избрал иной путь, сказав, что восхищаюсь их способностью так здорово держаться, несмотря на непривычную пищу, - это заставило их еще сильнее налегать на весла.

* * *

К обеду тучи заволокли все небо, солнце скрылось, и кругом стало еще мрачнее. То, чего я опасался, наступило гораздо раньше, чем можно было ожидать. У нас на глазах закрылась Морская пасть - и случилось это не постепенно, исподволь, а сразу, неожиданно, и мы не успели даже принять необходимых мер. Нам опять пришлось вытащить лодку на лед. Все устали и были подавлены. Мы уселись в лодку и закрыли ее сверху парусом. Никто не мог собраться с силами, чтобы разжечь костер, а китобои еще не настолько проголодались, чтобы есть сырую медвежатину. Эскимосы и я все же подкрепились, а те пятеро заявили, что их тошнит от одного вида сырого мяса.

Не успели мы залезть под парус, как пошел снег. Он падал большими мокрыми хлопьями и был густой, как туман. Билл и я дежурили поочередно, но все было спокойно - никаких изменений в погоде: дул холодный ветер и снег валил всю ночь, всю длинную ночь. Единственное, что мы могли делать, это сгребать снег с паруса, чтобы холст не опустился на спящих. К утру мягкий и липкий снег превратился в твердые, холодные кристаллы, больно

бившие в лицо. Ничто другое не изменилось. Снег шел два дня подряд. Мы промерзли насквозь и проголодались, как волки; нам надоело бездействие, но мы были вынуждены сидеть в лодке сложа руки.

Спустя три дня погода прояснилась, и снег прекратился. Началась оттепель! Глубокий снег, покрывавший лед, превратился в сплошное месиво, по которому было бы трудно протаскать лодку даже небольшое расстояние. Солнце радостно нам улыбалось, и хотя мы находились в довольно безнадежном положении, настроение у всех заметно улучшилось, когда мы разожгли костер, чтобы в первый раз за три дня сварить горячую пищу.

Едва мы принялись за дело, как услышали ужасающий гром. Должно быть, течение, подточившее айсберг, и ветер вывели его из равновесия. Он тронулся с места в паковом льду, сминая его, как тонкую бумагу, и, наконец, перевернулся. На мгновение вся ледяная гора исчезла, а затем снова появилась на поверхности, но имела уже совершенно другие очертания.

От падения айсберга во льдах образовались длинные трещины. Вокруг нас открылись даже широкие каналы, и мы взобрались на высокий торос, чтобы посмотреть, не сможем ли двинуться дальше по свободной воде.

Меквусак остался возле лодки, а вместе с ним и Усукодарк, которого ничего другое не интересовало, кроме доставшегося ему куска медвежьей шкуры, - он выскребал ее день и ночь.

С нашего наблюдательного пункта открывалась величественная картина льдов, пришедших в движение. Нам не удалось установить какой-либо системы в передвижке льдов, вызванной перевернувшимся айсбергом.

Некоторые каналы закрылись сразу же, а другие тянулись насколько хватал глаз. Вообще же лед ломался с невероятной быстротой. Нам казалось, что если не мешкать, то можно воспользоваться каналами; мы поспешили к лодке, но, к сожалению, слишком поздно.

Перед нами взломался лед и отрезал путь к лодке. За какие-нибудь секунды края льдины разошлись настолько, что уже нельзя было перепрыгнуть на другую сторону. Мы оказались отрезанными от нашей лодки. Итукусук, как бывалый путешественник, сразу же побежал обратно на торос, чтобы установить, нет ли возможности пробраться к Меквусу и Усукодарку. Он окликнул нас и указал налево: там небольшие трещины, и если мы поторопимся, то успеем перескочить.

Мы послушались его совета и побежали изо всех сил, но казалось, что трещина, как живое существо, бежит с нами наперегонки. Она расходилась впереди нас, независимо оттого, как мы бежали - медленно или быстро. Мы вскоре отказались от бесполезной попытки обогнать трещину. Даже совершенно измотавшись, мы не успели бы за ней, да и переберись на другую сторону, встретили бы на пути новые трещины.

Мы вернулись к нашей исходной точке, надеясь, что Меквусу и Усукодарку как-нибудь удастся спустить лодку на воду. Эту мысль высказал Квангак. И действительно, как только лодка опять оказалась в нашем поле зрения, мы увидели, что старик что-то предпринимает. Он прорубил две лунки близко друг от друга и теперь продевал через них веревку, чтобы при помощи такого блока передвигать тяжелую лодку. Он не оглядывался вокруг, не торопился, действуя размеренно и разумно. Для старика Меквусака время никогда не играло никакой роли. Он продолжал бы свое дело независимо от того, потребовало бы оно минуты, часы или дни. Как и все другие эскимосы, он не дорожил временем, а его терпение было безграничным.

Философского отношения Меквусака к жизни я тогда еще не знал достаточно хорошо, а что касается моих пятерых друзей, то напряженность обстановки совершенно вывела их из равновесия. Итукусук опять отправился на наблюдательный пост и на этот раз обнаружил путь, по которому можно пробраться к лодке. В одном месте он увидел взломанный лед, где можно найти льдины для переправы. С трудом нам удалось отобрать одну из них, которая могла бы выдержать трех человек, другие льдины были и того меньше. Итукусук, норвежец и я отправились на этом примитивном эскимосском пароме.

У нас совершенно нечем было грести, если не считать ружья, которое я машинально захватил с собой. Оно пригодилось бы нам при встрече с медведем или тюленем. Я отдал ружье Семундсену, который орудовал им как веслом, а сам лег на лед и греб одной рукой. Как ни странно, сперва я не почувствовал холода. Однако переправа через трещину длилась бесконечно долго, и, когда мы оказались на другой стороне, я уже настолько охоченел, что едва мог подняться.

Семундсена и Итукусука я отправил за веслами, а сам остался сторожить паром. Я прыгал и размахивал руками, чтобы согреться. Вскоре паром переправился обратно и перевез остальных. Наконец нам удалось соединиться с Меквусом, который сумел все-таки протаскать лодку на несколько метров вперед.

Передвижка льдов происходила теперь довольно быстро, и везде виднелась открытая вода в трещинах. Можно было особенно не торопиться. Мы успели изрядно проголодаться и намерзнуть, и прежде всего нам хотелось передохнуть, разжечь костер и сварить медвежатины. Кругом было много тюленей, но мы не могли терять время на охоту, хотя их вид явно разжигал охотничий пыл эскимосов.

Тогда Квангак заявил, что ему надоела медвежатины и он соскучился по сырому тюленьему мясу. Пришлось дать ему ружье, и он отправился на охоту вместе с Пабло де Соуза. Не прошло и нескольких минут, как они вернулись с небольшим жирным тюлененком. Мы съели его в один присест, и нам не пришлось тащить лишнюю тяжесть. Шкуру мы выбросили, голову тоже. У нас не было сейчас настроения возиться с головой, хотя наиболее вкусные вещи находятся именно в ней.

Усукодарк явно не одобрял такую расточительность. Ведь мозг, глаза и губы тюленя - самое вкусное, а ему они не часто доставались. Голову обычно отдавали тому, кто поймал тюленя, чего никогда не мог сделать Усукодарк. Он подобрал голову, разрубил ее и стал высасывать мозг; затем он принялся за глаза и губы.

Даже в самое лучшее время Усукодарка нельзя было назвать красивым, но когда он увлекся своей трапезой, смотреть на него стало страшно: кровь и мозги были размазаны по всему лицу. Мальчик сидел немного поодаль, и мы повернулись к нему спиной, чтобы не видеть его испачканного лица.

Однако Усукодарк сам дал о себе знать. Вдруг он вскочил, отбросил от себя недоеденную голову и громко забормотал что-то нечленораздельное. Оказалось, он увидел вблизи тюленя и добивался, чтобы мы пристрелили зверя. Мы, однако, слишком устали и не нуждались больше в тюленях. Ему же не хотелось отступать. Если мы не хотим охотиться, - пусть! Усукодарк и сам сумеет - вот он нам докажет!

Усукодарк подбежал ко мне - своему доброму другу, который всегда потакал ему, - и схватил мое ружье. Он объяснил мне языком жестов, что ему хочется убить тюленя. Я дал ему несколько патронов. Он вряд ли когда-либо стрелял из ружья, но, конечно, видел, как это делают другие, и поэтому был уверен, что сумеет выстрелить. Усукодарк отошел от нас, и мы перестали о нем думать, тем более, что нас опять стали тревожить льды. Широкая трещина, причинившая нам столько хлопот, соединилась; лед трещал и ломался, образуя новые трещины и закрывая старые.

Одна из этих трещин приблизилась к нашему лагерю, и нам пришлось прервать обед, чтобы оттянуть лодку и перекидать в нее наши пожитки. Мы мучались с тяжелой лодкой и позабыли об Усукодарке, как вдруг раздался громовой удар с той стороны, куда он направился.

Тяжелые льды с огромной силой нажимали с юга и толкали перед собой малые и большие льдины. Некоторые из них становились торчком и затем с грохотом валялись на лед. Усукодарка мы увидели на фоне такой стоячей льдины. Он ничего другого не замечал, кроме тюленя, в которого собирался выстрелить. Все видели, как он вскинул ружье к плечу, а в это время льдина угрожающе нависла над ним. Мой пес стоял подле него так же, как и он, ничего не видя, кроме тюленя.

Невольно мы закричали, что есть мочи, забыв, что бедняга ничего не слышит.

Сделать мы ничего не могли. Трагедия была неизбежна, хотя любой другой мог бы спасти свою жизнь, отпрыгнув в сторону. Усукодарк, правда, повернул голову к нам и увидел, как мы машем, но, наверное, подумал, что мы хотим показать свое восхищение им как охотником. Он счастливо нам улыбнулся и опять отвернулся к тюленю. В этот момент льдина упала. Там, где несколько мгновений назад стояли Усукодарк и собака, была только чистая вода.

Усукодарк умер счастливой смертью, в самый светлый миг своей жизни. Он утонул гордым охотником с ружьем у плеча, готовый к выстрелу. Ничего нельзя было сделать. Мы стояли молча, не находя подходящих слов. Билл Раса повел плечами, как бы желая прогнать печальные мысли.

- Мне и раньше приходилось видеть подобное, - сказал он со вздохом. - Я видел, как лед раздавил человека, хотя он бежал изо всех сил.

Именно в этот момент мы вспомнили о нашей лодке. Она осталась у края льда, когда люди бросились к Усукодарку; только Меквусак не двинулся с места. Мы поспешили обратно и сразу поняли, что вели себя как неразумные дети. Уже издали стало ясно, что лодка, наше единственное средство передвижения, потеряна.

Меквусак был беспомощен в своем одиночестве. Он пытался спасти хотя бы наши вещи. Лед неумолимо напознал, проглатывая лодку. Корма уже исчезла, и никакой пощады от льда нельзя было ждать - его ничем не остановить! Когда мы подоспели к лодке, или скорее к тому, что от нее осталось, Меквусак успел уже вытащить основное из нашей одежды, пищи и снаряжения.

- Старому человеку мало удалось сделать, - сказал Меквусак с извиняющейся улыбкой.

Он не был особенно расстроен. Его, как фаталиста, ничто не трогало: в своей жизни он не раз дрейфовал на льду без лодки, чего не случалось ни с кем из нас. Но все же и мы пытались отнестись к случившемуся с философским спокойствием.

- Ну вот, - сказал Семундсен со вздохом, - мы опять в том положении, в котором ты нас нашел, если не считать, что у нас нет даже лодки.

Положение было не из веселых, но все же не такое тяжелое, как в то время, когда пятерых китобоев несло через море Баффина к острову Саундерса. Сейчас мы во всяком случае знали, где находимся и как выбраться из ловушки; кое-кто не раз бывал в подобных переплетах, да и другие не отчаивались.

- Как быть дальше? - обратился ко мне Билл Раса. - Теперь тебе придется принять командование, поскольку мы вынуждены прибегнуть к новой стратегии, а я в ней ничего не смыслю. Ведь не собираемся же мы сдаться и осесть здесь, не так ли?

- Мы сейчас в лучшем положении, чем раньше, - заверил я его. - Теперь нам во всяком случае не придется тащить за собой тяжелую лодку. Давайте сядем и поедим, а затем приготовимся к прогулке!

Самое важное решение, которое мне предстояло принять, касалось направления нашего дальнейшего пути.

Может быть, попытаться идти к острову Тома в надежде на то, что нам больше не помешает передвижка льдов? Или пуститься по менее опасному пути на материк и добраться до мыса Седдон, где у меня были родственники, которые безусловно побеспокоятся о нас, пока мы не сможем продолжить свой путь?

Наконец я решился на своеобразный компромисс. Я попытаюсь повести свою команду к единственному острову, находившемуся поблизости, к острову Бриант; это изолированный клочок земли - вернее, скала, торчавшая из льда в середине залива Мелвилла. Там во всяком случае мы будем в безопасности, пока не разберемся в ледовой обстановке. Я объяснил свой план и высказался за то, чтобы разделить на три группы. Нам придется шагать по льду немало часов, пока не достигнем острова, и мне казалось, что удобнее двигаться тремя группами, чем всем вместе.

Я решил идти вместе с дедом моей жены и спросил, не пойдет ли Томас Ольсен с нами. Билл Раса и Пабло должны отправиться с Квангаком, а Семундсен и Рокуэлл Симон составят хорошую команду с Итукусукком. Таким образом, объяснил я, в каждую группу войдет эскимос. Всем надо держаться как можно ближе друг к другу, и всегда следовать советам эскимосов.

Наконец, мы разделили наши вещи между группами, бросив то, что больше не могло пригодиться или оказалось слишком тяжелым. Каждая партия устроила себе нечто вроде тобоггана [37], положив на тюленью шкуру самые большие тяжести, чтобы их можно было тянуть веревками по льду. Другие вещи мы связали и несли за плечами; гарпуны, хотя они тяжелы и неудобны, мы взяли с собой, чтобы опираться на них, как на посохи, и испытывать крепость нового льда. У меня было запасное ружье, теперь единственное после того, как Усукодарк унес с собой второе.

Перед тем как отправиться в путь, мы взобрались на небольшой айсберг, чтобы разобраться в состоянии льда и наметить пути продвижения. Насколько можно судить, между нами и островом Бриант не было открытой воды и

поэтому не составляло труда определить общее направление пути. Я был, однако, рад, что мы разделились на три группы, так как довольно часто, как я и предполагал, возникали разногласия относительно того, как двигаться по торосистому льду, и каждая группа зачастую избирала свой собственный путь.

В то время я был еще молодым человеком, мне не раз доводилось ходить по торосистому льду, и я легко приспособился к условиям. Томас Ольсен был много старше меня, но по телосложению походил на медведя, да и сил у него было не меньше. Кроме того, это был умный человек. Он понимал, что находится не в своей стихии, и охотно слушался советов других. На это способны лишь умные люди. Меквусак был старше всех остальных, но ни в чем не хотел показывать своей слабости. Мы постарались нагрузить его меньше других, чаще делали привалы, и он от нас не отставал. Меквусак родился в пути, всю свою жизнь провел в пути, и ничто не могло застигнуть его врасплох или вывести из равновесия.

Мы шли много часов подряд по льду, совсем непохожему на каток. Изредка попадались ровные и легко проходимые участки, но большая часть пути пролегла через высокие торосы; мы взбирались на них с одной стороны и скатывались с другой. Иногда приходилось ползти с большой осторожностью. Встречались и айсберги, такие высокие и крутые, что нам еле удавалось перебраться через них. Зачастую люди были вынуждены обходить полыньи, если обнаруживали их заранее. Иной раз набредали на тонкий лед, неспособный нас выдержать. Томас Ольсен дважды попадал в какую-то мешанину из воды и снега, под которой не было льда. Оба раза его вытаскивали невредимым, но он промокал до костей, и мы ничем не могли ему помочь.

Когда мы приближались к острову Бриант, нам все больше хлопот причиняла открытая вода. Не раз приходилось давать большие крюки, чтобы обходить широкие трещины, а вблизи острова сплошной лед сменился отдельными льдинами, которые становились все меньше и меньше. Однако впереди нас ожидало еще много разочарований. Между льдом и берегом образовался пояс открытой воды примерно в сто метров шириной. До сих пор мы могли перепрыгивать с одной льдины на другую, но теперь дальше идти было невозможно. Вот тогда-то Итукусук взял руководство на себя.

Он был опытным человеком в плавании на льдинах, и ему вскоре удалось найти подходящую льдину, на которой можно перебраться на остров. Мы собрались все вдесятером на льдине, способной выдержать нас, и медленно пустились в путь. Солнце стояло низко над горизонтом; вероятно, время близилось к полуночи, и хотя все очень устали, настроение было хорошее. Мы, очевидно, гордились проделанной работой и радовались, что уверенно движемся к острову.

Рокуэлл долго сидел задумавшись, совершенно очарованный арктической красотой. Вдруг он со вздохом проговорил:

- Это еще красивее Аризоны. Раньше я считал, что нет на свете ничего прелестнее Аризоны!

Мне было жаль, что ему пришлось так много претерпеть, пока он дошел до этого, но я целиком разделял его мнение. Ночь была величественная. Зеленоватая с синевой вода спокойно, как зеркало, отражала белые льдины. Нам казалось, что мы единственные люди на всем белом свете. И скоро уже окажемся на твердой земле, полагали мы, продолжая размеренно грести.

Вскоре все поняли, что наши расчеты преждевременны. Вдоль каменистого берега образовался ледяной барьер, не очень широкий, но вполне достаточный, чтобы не допустить нас к цели переправы. Во время прилива к берегу прибило множество мелких льдин, оставшихся там после того, как вода отошла. И хотя до берега оставались считанные метры, мы не могли высадиться. Ни по льдинам нельзя было пройти, ни раздвинуть их, чтобы подплыть к камням.

Дорога по льдам заняла уже много часов, мы основательно намерзли, и перспектива сидеть и ждать нового прилива ничуть нас не радовала. У эскимосов терпения было предостаточно. Без лишних слов они уселись, приняв обычную свою позу: туловище под прямым углом к вытянутым ногам. Никто из белых никогда бы не посчитал такое сидение отдыхом. Я сел так же, как эскимосы, но пятеро китобоев не могли примириться с таким бездельем.

- Что же нам делать дальше? - спросил Билл Раса и зло посмотрел на меня. - Мы промокли и нам холодно, разве можно сидеть здесь без толку? Да сделай что-нибудь, черт тебя побери!

Я объяснил, что придется ждать прилива; тогда нам, возможно, удастся оттолкнуть одну из льдин и протиснуться к берегу. Это займет несколько часов.

- Ну, а потом? - спросил он раздраженно. - Чего ради мы пришли на этот остров? У тебя здесь есть продукты?

Или, может быть, дом? На кой черт ты затащил нас на эту богом проклятую скалу?

Последние дни явно измотали их нервы. Напряжение, усталость, опасения и разочарования легли на них тяжелым бременем, и вот Билла прорвало. Я вынужден был признать, что наши возможности ненамного улучшатся, даже если мы достигнем острова - не считая, конечно, того, что у нас будет твердая почва под ногами. Но достигнем ли мы острова Тома, зависело только от погоды. Никаких гарантий я дать не мог.

И вот вдруг улетучилось чувство товарищества, помогавшее нам раньше, и прежде всего досталось мне. Мне объявили, что я оказался самым скверным вожаком, которого им приходилось встречать. Надо было оставаться в Туле и ждать, когда можно будет отправиться к югу на санях. А я предложил пуститься в такую безумную поездку, так как боялся за своих женщин в Туле, говорили китобои. Женщины-то сами не боялись, и мне нечего было опасаться. Никто бы и не подумал приставать к Наваране, выкрикнул Билл. Остальные с ним согласились: я во всем проявил себя полным идиотом. Я взял с собой глухонемого мальчика, чтобы доставить ему удовольствие, и мое легкомыслие стоило нам лодки, а теперь привел их к этому проклятому острову, откуда нам, наверное, не уйти живыми.

Теперь и меня разбирала злоба, и я готов был защищаться, видимо, потому, что во многом ощущал их правоту. Ведь о делах надо судить по результатам, и здесь это тоже справедливо, как и повсюду, а результаты наши пока что плачевные. И хотя я был уверен, что могу найти оправдание всем моим поступкам, все же понимал, что мои объяснения только углубят вражду. Я молчал даже тогда, когда и Томас Ольсен, и Семундсен обвинили меня в том, что я легкомысленно отнесся к свалившейся на меня ответственности. Мне не следовало пускаться в путь,

не имея уверенности в успехе. И если бы я хоть мало-мальски разбирался в том, что такое льды, то сразу бы вернулся, как только мы достигли мыса Йорк и увидели, что там делается. Это сказал мне обычно спокойный Ольсен.

Я готов был выйти из себя, когда они стали и дальше нагромождать одно обвинение на другое.

- Старый человек слышит громкие голоса, - сказал Меквусак спокойно, когда наступила пауза. Я не мог не улыбнуться, что еще больше раззадорило остальных. Теперь Ольсен, самый старший из пяти, взял слово и объявил, что остается только одно: <Нечего переругиваться, это не улучшит нашего положения, а надо лишить незадачливого командира его полномочий и снять с него ответственность. Они дураки, что послушались Петера, и теперь, - продолжал он, - верховное командование надо возложить на Билла Расу. Ведь он был первым штурманом, и ему придется отвечать за людей, находившихся под его началом, если они - несмотря на старания Петера - доберутся живыми домой>. Я был достаточно глуп и принял все всерьез, не поняв, что это явилось результатом разочарования и усталости. Я всерьез обиделся и повернулся к ним спиной, ни на что не отвечая. Поскольку ни один из пяти не понимал по-эскимосски, я подсел к моим трем друзьям и завел с ними длинный разговор, что еще больше разозлило остальных. Они сели на другом конце льдины - получилось два враждующих лагеря, полностью игнорирующих друг друга. Китобои слишком устали и промерзли, чтобы долго сердиться, но не хотели признать, что напрасно меня обвинили.

А сам я слишком хорошо понимал свои ошибки, чтобы заговорить первым. Однако я знал, что все предпринятое мною делалось для них же. Я мог бы остаться дома возле Навараны в полной безопасности и предоставить потерпевшим крушение самим решать свои дела, но они просили и умоляли меня отправить их на юг. Я пустился в путь к острову Тома, хотя знал, что это трудное дело, и уж не я виноват в том, что все силы стали поперек - и льды, и погода, и удача.

Спустя несколько часов я не мог уже вспомнить, о чем шел спор или как он начался. Я знал лишь, что они так же голодны, как и я, и мне хотелось предложить здесь же развести костер и сварить мяса, но гордость не позволяла мне начать переговоры о перемирии. Из-за холода и озлобленности я даже не мог трезво оценить наше положение или искать способа покинуть эту льдину. И все же я не хотел признаться себе, что мы находимся в тяжелом положении, а ведь, возможно, мы не доберемся ни до острова Тома, ни вообще до какого-либо другого острова.

Только Квангак сохранил способность мыслить разумно. Пока мы выкладывали обиды и косо поглядывали друг на друга, совершенно позабыв, что голова нам дана, чтобы думать, Квангак потихоньку принялся за дело. Он обнаружил небольшой айсберг вблизи нас, готовый разломиться на две части. Верхняя часть соединялась с нижней довольно тонкой ножкой. Это сравнительно частое явление. Волна, ударяясь о лед, заставляет его в одном месте таять быстрее, чем обычно. Квангак уже часа два подряд обрабатывал своим гарпуном ножку, на которой держалась шапка айсберга. Долгая и упорная работа увенчалась успехом: верхний кусок льда откололся. Он был невелик, и мог выдержать лишь одного человека, но этим куском айсберга можно воспользоваться как паромом. Мы быстро прорубили в нем две дыры и с каждой стороны привязали по веревке. Квангак, перепрыгнув на маленький айсберг, осторожно погреб к острову и вскоре ступил на берег. Эскимос держал одну веревку, а мы за другую притянули примитивный паром обратно. Мы стали переправлять по одному человеку с небольшой частью груза. Когда я последним оказался на берегу, все были так рады твердой почве под ногами, что позабыли о нашей ссоре; мир был восстановлен, и мы, расположившись на пустынной холодной скале, радовались, что находимся на суше.

Меквусак нашел остатки старого костра, на котором другие эскимосы варили пищу. Возможно, это было всего несколько лет назад, а быть может, прошли и столетия - никто этого определить не мог. Старик сейчас же принялся за готовку, а нам велел отдохнуть.

- Молодые любят поспать! - сказал он. - Спустя некоторое время сварится пища, тогда раздастся возглас, который возвестит, что опять появилась работа для зубов.

Никто не протестовал. Мы сейчас же улеглись на холодной скале и тут же уснули.

Когда я проснулся, Итукусук успел поработать своим гарпуном, и для нас был приготовлен свеженький тюлень. Меквусак собрал <топливо> - сухой мох и куски карликовой ивы. При помощи тюленьего жира удалось развести большой костер и для разнообразия приготовить жареное мясо. Мы нарежали его тонкими ломтиками и клали между плоскими камнями на огонь. Запах жареного мяса казался сказочным. Мясо становилось мягким и вкусным в отличие от надоевшего нам вареного; мы вдвоем за один раз уплели всего тюленя.

Наконец, по жилам разлилось приятное тепло, от голода не осталось и следа. Теперь мы спокойно могли обсудить наш дальнейший план, уже не попрекая друг друга. Опять подул ветер с юго-востока, но на этот раз легкий, не вызывавший никакого движения во льдах. Остров Тома ясно виднелся вдаль, но у нас не было никакой уверенности, что между обоими островами лежит сплошной лед, и приходилось настроить себя на то, что нам следует выждать на этих скалах. Теперь у нас под ногами имела твердая земля, и нам приятно было отдыхать у костра.

Меквусак рассказал о своем первом посещении острова Тома много лет назад. Я переводил речь старика совершенно механически, как и во все время путешествия.

- Когда он и его отец впервые пришли в Гренландию, то решили проверить, как далеко можно проехать на юг, - сообщил Меквусак. - Зимой они отправились на медвежью охоту в залив Мелвилла и доехали до самого острова Тома. Отец Меквусака забрался на вершину острова и, когда он увидел, что земля тянется на юг насколько хватал глаз, решил прекратить дальнейшие исследования - иначе никогда не возвратишься домой. Он вернулся в стойбище Эта, севернее Туле, где остановилось его племя.

- Что эскимос подразумевает под словами: <Когда мы впервые пришли в Гренландию>? - спросил Рокуэлл. Ему всегда хотелось все знать. - Откуда же пришел старик?

На этот раз Меквусак был в подходящем настроении, и вскоре мы услышали рассказ о событиях, наложивших отпечаток на всю его жизнь. До этого я знал немного о его примечательных похождениях, но с годами я

прослушал немало историй, рассказанных им. Когда у нас появились дети, он любил развлекать их на сон грядущий. Его истории вряд ли помогали уснуть, но старик был уверен в обратном.

- Мы пришли из страны, расположенной далеко, далеко по другую сторону воды, - сообщил он нам. - Мы жили в краях западного ветра, но были вынуждены сняться, поскольку начался страшный голод. Нашим вожаком и предводителем был Критлак, великий заклинатель и мудрец. Он мог советоваться с камнями, снегом и ветром и понимал, что они ему отвечали.

- О чем же спрашивал великий Критлак? - поинтересовался Рокуэлл.

- Критлак спросил, куда нам направиться, чтобы найти лучшую охоту, и ответы показали, что он был прав. Мы оставили край голода, перебрались сюда через лед и нашли новое место для нашего стойбища. Критлак был настолько великим заклинателем духов, что зимой, когда он ехал впереди наших саней, вокруг его головы виднелось сияние.

Я часто слышал о Критлаке и о его ореоле. Моя жена твердо верила в это и утверждала, что и у сына и у внука Критлака на всю жизнь сохранились следы этого сияния. Ореол Критлака был настолько ярким, что у его потомков в течение поколений на макушке не росли волосы! Я мог засвидетельствовать, что Панигпак, его внук, был лысым - единственный лысый из эскимосов, которых я встречал. Вероятно, эскимосы увидели на кораблях и у членов экспедиции изображение Христа и, обнаружив лысину у своего земляка, связали все воедино.

Рокуэлл Симон продолжал расспрашивать, и постепенно Меквусак рассказал нам кое-что из своей жизни.

Повествование о его примечательных переживаниях я переводил фразу за фразой, а двое других эскимосов, которые, должно быть, слышали это не раз, поддерживали костер.

* * *

Вероятно, Меквусак и его семья прибыли в Гренландию в 1864 году. Тогда он был мальчишкой. Исключительно суровые зимы и плохая охота вызвали голод на всей территории Северной Канады. Поэтому семья Меквусака и другие семьи покинули свои стойбища на севере Баффиновой Земли, чтобы найти себе другое место. Спустя несколько лет они перебрались через Северный Девон на Землю Элсмира и достигли самого узкого места в проливе Смита, где и перешли в Гренландию. Здесь условия существования действительно были лучше. Все пошло так хорошо, что некоторые эскимосы решили вернуться на старые стойбища и сообщить своим родственникам о найденной ими земле обетованной. Именно в этой поездке Меквусак и потерял свой глаз.

Они провели в Гренландии две зимы и пустились в длинный санный путь, обратно на Баффинову Землю. Вскоре их, однако, застигла ужасная снежная буря, и поскольку путешественники, естественно, не могли захватить с собой больших запасов пищи, они опять стали голодать. Уже было съедено большинство собак, но некоторых пришлось оставить, иначе не удалось бы выбраться оттуда живыми. Вскоре все настолько ослабли, что вообще не могли продолжать путь, не подкрепившись, а следовательно, были вынуждены здесь же попытаться охотничьего счастья. Пришлось построить снежные хижины, расположиться лагерем и ждать удачи.

Вместе с другими в этот путь отправились двое мужчин - Миник и Маттак, более сильные, чем другие. Они были хорошими ловцами, но всегда забирали себе значительно больше добычи, чем полагалось, и съедали они тоже больше, чем все остальные. Эти двое отказывались подчиняться общим правилам дележа добычи, и поскольку другие не отличались такой силой, как они, некому было воспротивиться нарушению человеческих обычаев.

Положение ухудшалось, голод одолевал людей. Кое-кто умер. Тем временем Миник и Маттак становились все более нахальными.

Однажды, когда отец Меквусака отправился вместе с другими на охоту, двое здоровенных мужчин ворвались в снежную хижину, разрушив одну из стен. Сразу стало ясно, что они хотят убить кого-либо и затем съесть, чтобы утолить свой голод.

Старший брат Меквусака храбро защищал свою семью, да и сам мальчик помогал ему, чем мог. Все же тем двум удалось убить их мать. Они убили ее на глазах у мальчиков, вытащили труп и положили его на сани; но этого им показалось недостаточным. Они вернулись и опять напали на семью. Теперь Меквусаку пришлось бороться за свою жизнь. В этой отчаянной борьбе ему выбили глаз и гарпуном нанесли два тяжелых удара по шее и спине.

Рана на шее была особенно тяжелой; несколько дней никак не удавалось остановить кровь. Мне часто приходилось видеть эти шрамы на его теле - свидетельство нанесенных ему глубоких ран.

Меквусаку удалось спастись, но он потерял свою мать и маленькую сестру, которых людоеды увезли на санях.

Когда отец вернулся домой с охоты, он решил пуститься в погоню, чтобы отомстить за свою жену и дочь. Он сейчас же погнал собак, но те настолько ослабли, что еле двигались, да и он сам совершенно обессилел, так что ему пришлось отложить погоню и вернуться. Все оставшиеся в живых решили поселиться в одной хижине, чтобы лучше обороняться от людоедов, если они появятся.

Однажды ночью собаки возвестили о чем-то приближении. Это были Миник и Маттак; но когда людоеды поняли, что мужчины дома, им пришлось отказаться от нападения. После этого никто больше их не видел и не слышал о них, но еще долго все боялись, как бы эти страшные люди снова не появились. Пока мужчины находились на охоте, детям приказывали прятаться за шкурами в снежной хижине, но ребята все равно оттуда выбирались, так как им не хотелось сидеть там и мерзнуть. Но еще долго дети вспоминали, как приходилось высматривать, не появились ли те двое.

После этих несчастий ни у кого не было охоты продолжать путь на Баффинову Землю, и путешественники, как только улучшилась охота и все окрепли, повернули на восток с Земли Элсмира и возвратились в стойбище Эта. Здесь переселенцы прожили некоторое время. Но вскоре Меквусаку и его лучшему другу Асаюку захотелось увидеть других людей. Юноши были достаточно храбры, чтобы пуститься в путь для знакомства со своими новыми соотечественниками, которые во многом отличались от живущих на Баффиновой Земле. У гренландцев не было ни каяков, ни лука, ни стрел. Пищу они себе добывали зимней охотой на крупных морских животных. Летом жители этих мест уходили из своих стойбищ и селились на небольших островах, где собирались птичьи базары. Как только лед взламывался и море очищалось ото льда, гренландские эскимосы питались

исключительно птицей. Поэтому Меквусак и его друг направились на остров Саундерса, который летом бывал настоящим раем.

Обоим парням здорово повезло и каждому удалось выменять по большому стальному ножу, какие носят китобои. За такой нож приходилось давать немало песцовых шкур. В те времена у эскимосов были только небольшие тупые ножи, которые они делали из кусков железных метеоритов, лежавших на северном берегу залива Мелвилла. Эти ножи были очень <медленными>. Приходилось зажимать кусок железа между костями нижней челюсти тюленя, так что создавалось нечто вроде небольшой пилки. И тем не менее эти примитивные орудия были лучше каменных ножей, которыми пользовались на Баффиновой Земле. Позже великий Пиули увез эти два метеорита в свою страну, но взамен выдал всем мужчинам племени большие <быстрые> ножи, и эскимосы остались в выгоде.

Меквусак и его другу обладание стальными ножами доставило много хлопот и привело даже к борьбе и убийству. В том же стойбище, где устроились молодые люди, жил великий ловец по имени Миук, который помимо того, что отличался как удачливый охотник, был еще одержим стремлением командовать другими; ему хотелось определять, что каждому следует делать. В то время он один из всего племени обладал стальным ножом. Его охватила ярость, когда он увидел, что двое молодых охотников имеют по такому же ножу, как он. Миук желал оставаться единственным, кто мог быстро освежевать добычу и, таким образом, показывать свое превосходство. Поэтому однажды, когда молодые люди спали в своей палатке, Миук взял их ножи и выбросил в море.

Это вызвало глубокое возмущение Меквусака и Асаюка. Они решили убить могущественного Миука, чтобы отомстить ему. Он всегда был им неприятен из-за того, что старался всеми помыкать, не имея на это никакого права. Молодые люди решили, что за их ножи он заплатит жизнью, и, чтобы поиздеваться над ним, было принято еще одно решение: убить его надо неуклюжими тупыми ножами; этими ножами им теперь приходилось пользоваться вместо замечательных длинных стальных ножей, к которым они уже успели привыкнуть. Однако старыми ножами трудно прорезать толстую кожу, служившую Миуку одеждой. Ведь он был великим ловцом. И вот однажды им удалось застигнуть его врасплох. Охотники готовились к зимнему промыслу и принялись чинить свои сани. Как и все другие, Миук установил сани на каменном помосте, чтобы собаки не могли до них добраться. Двое парней решили воспользоваться моментом, когда Миук поднимет руки, чтобы дотянуться до саней. В таком положении его меховая куртка приподнималась и обнажала живот. В эту минуту Меквусак и Асаюк набросились на него со своими маленькими ножами и убили его.

Меквусак был сильнее Асаюка, и поэтому решили, что он будет пользоваться ножом покойного, пока солнце не скроется осенью. Потом нож перейдет к Асаюку и останется у него до появления солнца. Они решили так чередоваться и в дальнейшем. Другим не трудно было придерживаться уговора, но Асаюк заметил, что обладание таким ножом вызывает множество соблазнов. Говорят, сказал он Меквусаку, что обладание ножом приносит смерть. Не исключено, продолжал он, что спустя год Меквусак так привыкнет к этому ножу, что убьет своего товарища и оставит нож себе. Поэтому Асаюк решил отказаться от ножа в пользу Меквусака, чтобы навсегда сохранить с ним дружбу.

Потом они почувствовали, что остров Саундерса нежелательное место жительства для них обоих, и Меквусак один отправился на юг, чтобы повстречать других людей. Он добрался до мыса Йорк, а оттуда направился через большой залив. Здесь ему пришлось пережить тяжелое время, и он чуть не лишился своего большого ножа. Как-то раз юноша обнаружил огромного медведя, которого, казалось, один человек никак не одолеет. Меквусак бросил в него гарпун, но в этот момент медведь повернулся, и хотя гарпун достиг своей цели, зверь получил лишь незначительную рану. Разъяренный медведь вырвал гарпун из своего тела и бросился на Меквусака. Он подбежал и ударил лапой лучшую собаку Меквусака, его любимицу, обладавшую очень хорошими качествами, и убил ее наповал.

Вдруг медведь бросился наутек. Вблизи возвышался большой айсберг, и зверь скрылся в ледяной пещере. Меквусак пустился в погоню, он очень разозлился, что потерял собаку и гарпун. В самой пещере было темно, как бывает зимой, но Меквусак, обуреваемый злобой и жадной мести, забыл о страхе. Он надеялся, что ловкий стальной нож все сделает за него, и продолжал ползти, пока не натолкнулся на что-то мягкое; это был медведь. Меквусак ударил ножом, но в тот же миг получил удар по затылку и потерял сознание. До сих пор на затылке Меквусака видны следы когтей медведя. Что затем произошло, он не знает. Но когда Меквусак пришел в себя, медведя в пещере не было. Охотник вышел наружу и здесь увидел медведя, сидящего, как человек. Своими передними лапами он отгонял окруживших его собак. Когда Меквусак приблизился, то увидел, что его нож торчит в носу медведя. Зверь неоднократно пытался освободиться от него, ударяя лапой, но явно ослабел от большой потери крови. Своими неуклюжими когтями он никак не мог вынуть нож. Меквусак и сам выбился из сил, но все же ему удалось добить медведя и спасти свой драгоценный нож.

Весной молодой охотник вернулся на мыс Йорк, так как чувствовал себя одиноким, но здесь обнаружил, что его нож не имел такой ценности, как в то время, когда он отсюда уехал. Теперь у многих были стальные ножи. Незадолго до его прихода возле мыса Йорк побывали несколько китобойных судов, и эскимосам досталось много острых ножей. И хотя теперь не только Меквусак обладал ножом, его все же продолжали приветствовать, как человека значительного. Было решено, что Меквусак должен быть блюстителем добрых обычаев и отомстить за надругательство над местным эскимосом.

Незадолго до прихода Меквусака один из самых сильных мужчин, решив показать, что он никого не боится, совершал постыдные поступки. Его звали Тулимак. Это он воспользовался отсутствием одного из охотников стойбища и забрал все имущество из его дома вместе с женой. Если бы охотник был дома и имел возможность обороняться, никто плохого не сказал бы о поступке Тулимака, но сейчас он с чужой женой уехал куда-то далеко, как видно, намереваясь все лето оставаться где-то в заливе. Никто из стойбища не решился помешать Тулимаку; он отличался большой силой и ловко действовал своим оружием. Кроме того, никто точно не знал, где он находится.

Именно Меквусака призывали наказать бежавшего, хотя он предпочел бы отправиться домой к своим родичам.

Многие с надеждой смотрели на молодого человека, когда говорили, что было бы хорошо, если бы нашелся сильный мститель. И Меквусак не мог отклонить такое поручение.

На следующий день Меквусак отправился по льду залива, а все охотники мыса Йорк следовали за ним на большом расстоянии. Уже на следующий день Меквусаку удалось напасть на след саней Тулимака, который привел к тому месту, где бежавший сделал себе снежную хижину. Это было на Апусавике (остров Бриант). Меквусак улыбался, когда рассказывал мне все это. Именно на острове Бриант мы сейчас и находились. Только теперь я понял, почему старик с такой охотой стал рассказывать, когда мы уселись вокруг костра, - именно здесь он совершал свои подвиги. Ему было радостно увидеть это место, воспоминания всплывали в его памяти, и он продолжал рассказывать о том, что случилось на острове Бриант в те далекие годы.

Разбойник Тулимак сразу увез женщину на маленький остров и здесь построил себе снежную хижину. Ему повезло, и он набил тюленей; теперь у него было достаточно жира для светильника и мяса для пищи. Женщина не казалась особенно удрученной тем, что ее похитили; она только для виду сопротивлялась, чтобы оставить по себе хорошую славу. Она очень ценила любовь этого сильного человека; их связь могла бы быть длительной и окончиться совсем по-другому, если бы Меквусак не пришел именно в это время на мыс Йорк. Да и жизнь юноши тоже сложилась бы иначе.

Меквусак приблизился к острову ночью; ничего не подозревая, они спали. Когда Меквусак был уже вблизи хижины, женщина проснулась, услышав скрип саней. Она вышла и, увидя Меквусака, бегущего к ним, быстро разбудила своего друга.

Тулимак вскочил и сразу же понял, в каком он безнадежном положении. Как принято у эскимосов, он спал голым, а оружие свое оставил возле хижины на санях. Тулимак, не успев даже ничего натянуть на себя, наклонился, чтобы вылезти из хижины и схватить гарпун или что-либо другое в надежде защитить себя и свою подругу, но было уже поздно. Меквусак, возможно, не так легко победил бы Тулимака, если бы тот оказался как следует вооруженным и готовым к бою. Теперь же Меквусак напал на голого человека, как только тот вылез из хижины. Он не дал ему даже возможности подняться, со всей силой проткнул его гарпуном и пригвоздил к снегу. - Ты хотя бы дал мне сперва надеть штаны, - проговорил Тулимак, - и тут же умер перед своей хижинкой. Это были последние слова, произнесенные им, - сказал Меквусак, улыбаясь при этом воспоминании.

* * *

Рокуэлл Симон был в восторге от рассказа Меквусака о его богатой приключениями жизни. Но вместе с тем он готов был заплакать от досады, что у него не оказалось бумаги, чтобы все записать. Кроме того, Рокуэлл был ненасытен. Он все понукал старика, чтобы тот рассказывал о других приключениях.

- А что произошло с женщиной, которая убежала с Тулимаком? - допытывался он. - Что ты сделал с ней? Меквусак улыбнулся. - Что делает мужчина с женщиной? Ее муж стремился отомстить бесстыжему Тулимаку, но ничего не было сказано, как поступить с женщиной. И поскольку муж оказался не настолько храбр, чтобы самому бороться за свою жену, то я решил, что ему достанутся только вещи убитого - они мне были ни к чему, а вот женщины мне не хватало. Я увез ее на север, и она жила в моем доме все те годы, которые прошли до ее смерти; она стала матерью моих детей и была хорошей женой и искусной портнихой. Мне она доставила много удовольствия, пока была жива.

Следовательно, женщина, которая убежала с Тулимаком на остров Бриант, была бабушкой Навараны, моей жены! Этого я раньше не знал. Теперь и я заинтересовался не меньше Рокуэлла, и мне хотелось узнать побольше.

- Как же случилось, что они оставили свое первое стойбище по другую сторону великого моря? - попросил Рокуэлл перевести Меквусака.

- Причиной всему был северный олень, - объяснил старик. - Как я уже рассказывал, все решил за нас великий Критлак. Я был тогда маленьким мальчиком, но и сейчас помню наше последнее стойбище на Баффиновой Земле. Помнится мне, что олени исчезли. С каждым годом их становилось все меньше и меньше, и люди переживали страшный голод. Наконец, Критлак, бывший великим закликателем, решил отправиться один, чтобы узнать причину. Он долго путешествовал и, когда вернулся, ему многое стало известно. Он-то и объяснил, почему олени избегали наши стойбища.

Случилось так, что Критлак встретился с великим оленьим духом. Он и рассказал, что людские поступки сильно обидели северных оленей. Когда люди убивали достаточно оленей для своих нужд, они перевозили туши домой, а женщины отрезали головы оленей и бездумно перебрасывали их через плечо, так что головы катились по земле и в глаза набивался песок. Такое обращение было надругательством над душами оленей, и поэтому стада избегали человеческих стойбищ. Критлак повелел, чтобы в будущем только мужчины отрезали головы убитых оленей; с ними следовало обходиться уважительно, так как животные давали пищу. Все прислушивались к словам Критлака и поступали как он советовал.

Поэтому на следующий год олени вернулись - их было множество. Однажды большое стадо оленей спустилось по оврагу, который вел к морю. Ловцы пошли за ними, и те никуда не могли деться. Их погнали к берегу и заставили войти в ледяную воду. Тут ловцы сели в свои каяки. Оленей легко поразить, когда они плавают. Охота продолжалась до тех пор, пока ловцы совсем не измотались и не в силах были поднять руку, чтобы занести копье.

Затем убитых оленей подтащили к берегу, а их было так много, что мужчины не могли сами справиться. Они попросили женщин помочь, но, разгоряченные охотой, совершенно позабыли о предупреждении Критлака. Двум женщинам - матери и дочери - нетерпелось отведать вкусного языка. Как только языки были вырезаны, женщины так заспешили полакомиться ими, что перебросили головы через плечо, не обращая внимания на то, куда они упадут, и опять в глаза оленей попали камешки и песок.

Постепенно было съедено все мясо, и, когда его больше не осталось, охотники опять пошли искать оленей, но найти их не удалось. Животные ушли из нашей местности и никогда больше не возвращались. Теперь, когда

было уже слишком поздно, люди вспомнили о предупреждениях Критлака. Они поняли, что именно поведение тех двух женщин привело к великому голоду, и было решено покарать их, чтобы ублажить оленьего духа и склонить животных к возвращению. С женщинами надо было поступить точно так же, как они обошлись с головами оленей, - им следовало отрезать голову и катать по земле до тех пор, пока их глаза совершенно не покроет песок и глина. Мать и дочь поняли, что их ожидает, и попытались убежать от своей судьбы, но мужчины их настигли. С ними поступили, как приказал Критлак.

Однако оказалось, что все было напрасно, - олени не возвращались. Эти животные подобны ветру; никто не знает откуда они приходят и куда деваются. В ту зиму во многих стойбищах люди голодали, пока Критлак не решил, наконец, что следует переселиться в другие страны, уйти с Баффиновой Земли на восток.

Мы все с нетерпением ожидали дальнейшего рассказа, поскольку прониклись уважением к варварскому прошлому этого доброго и справедливого старика. Рокуэлл Симон молил его продолжать, но нам так и не удалось ничего вытянуть из него.

- Потрачено много слов на давно прошедшие события, - сказал он, извиняясь за свою, как он полагал, неуместную болтливость. - Старые воспоминания вызвали поток слов. Никогда не следует передавать прошедшее молодым людям, живущим в новые времена. Но во всем повинно пребывание на этом острове. Именно здесь умер человек, так и не натянувший штанов. Воспоминание об этом рассмешило меня и привело к тому, что язык развязался!

Я устал переводить каждое слово на английский язык, но все же охотно продолжал бы это делать в течение многих часов, если бы старик согласился рассказывать. Мы продолжали упрашивать его, но он только мотал головой. Нашим домогательствам положил конец приход двух других эскимосов; наши мысли приняли другой оборот.

Эти двое, конечно, и раньше слышали большинство историй Меквусака, и поэтому, незаметно удалившись, забрались на вершину острова. Оттуда хорошо просматривался остров Тома и льды, покрывавшие расстояние до него. Когда они вернулись, Итукусук заверил нас, что мы без особого труда доберемся до острова. Но он все же посоветовал дожидаться утра. Зюйд-вест теперь улегся, и Итукусук предсказывал норд на следующее утро.

Ледовая обстановка изменится, а сон прибавит нам сил. Если хорошенько отдохнуть, считал он, мы сможем перебраться на остров Тома, не располагаясь лагерем по пути.

Все охотно согласилось с таким предложением. Были забыты споры на льдине. Мы улеглись вокруг костра, каждый занятый своими мыслями о рассказах, услышанных нами в последние дни. Я улыбался, думая, что лежу на том месте, где бабушка моей жены потеряла своего похитителя, не успевшего надеть штаны, и откуда ее затем увезли. Вскоре я уснул, чтобы набраться сил для последней попытки достичь острова Тома.

Глава 9 ДОМОЙ

Если посмотреть на карту, то острова Бриант и Тома расположены совсем близко друг от друга. Это означает, что по линии птичьего полета расстояние не так велико. Но, к сожалению, мы не птицы и не могли перелететь с одного острова на другой, и хотя шли по льду, который с возвышенности казался довольно ровным, мы не могли пройти напрямик даже маленького участка. Нам постоянно приходилось петлять, и еще хорошо, что стояла ясная погода и остров Тома все время был у нас на виду. Мы то перебирались через торосы, то вдруг проваливались в снежные ямы; лишь изредка попадались ровные льдины, по которым хоть на коньках бегай.

Последний участок дороги был нелегко, но по сравнению с трудностями длинного пути с острова Саундерса, об этом и говорить нечего. Как и накануне, мы шли тремя группами, но продвигались медленнее: во-первых, сказывалась усталость, во-вторых, и это, пожалуй, главное, наши камики прохудились. Многокилометровый путь по неровному льду сказался на подошвах. У некоторых на камиках протерлись большие дыры, и время от времени мы останавливались, чтобы подложить кусок меха. Такая <починка> держалась недолго, а от воды и вообще не спасала.

Настоящие трудности нам встретились только один раз за этот день. Меквусак входил в мою группу, и я, естественно, предоставил ему самому установить скорость движения. Вскоре мы сильно отстали от других групп. Когда уже примерно полдороги осталось позади, я вдруг заметил, что расстояние между нами и группами Итукусука и Квангака сократилось. Оказалось, что нам снова преградила дорогу открытая вода. На нашем пути лежала трещина, слишком широкая, чтобы перепрыгнуть ее, тянувшаяся далеко-далеко в обе стороны. Лед был толстый и ровный, края трещины острые и чистые, нигде не виднелось льдин, которыми можно воспользоваться для переправы. Цель наших странствий лежала совсем близко, возможно всего лишь в нескольких часах ходьбы (при хороших условиях); теперь же мы опять оказались отрезанными от нее.

Дальше в заливе Мелвилла трещина, конечно, соединяется с открытой водой. Как далеко она простирается, мы сказать не могли, и поблизости не было айсберга, чтобы взобраться на него и произвести рекогносцировку. Если бы нам пришлось обходить трещину, то это заняло бы много дней, а на такое путешествие у нас не хватит сил. Оставалось ждать, пока трещина закроется, но никто не мог сказать, когда это случится, - через несколько дней или через несколько часов; да и льды могли прийти в движение, а тогда они отнесли бы нас обратно к мысу Йорк!

На этот раз слово взяли эскимосы и посоветовали мне изменить план и попытаться достичь мыса Седдон на гренландской земле вместо того, чтобы идти к острову Тома. Дело обстояло так, что нам действительно ничего другого не оставалось: все наше путешествие и потеря лодки оказались напрасными! Нам приходилось отказаться от нашего предприятия в нескольких часах ходу от самой цели. Мыс Седдон действительно казался сейчас единственным местом доступным для нас. Я знал, что мои друзья станут возражать против этого; в особенности Билл Раса готов был сделать что угодно, лишь бы добраться до острова Тома, а теперь мы находились так близко от цели, что Билла уговорить не удалось бы.

На мгновение я задумался. Какие подобрать слова, которые убедили бы их, что у нас действительно нет другого

выбора? Из раздумья меня вывел окрик Квангака. Он позвал меня откуда-то издалека. Вместе с Итукусукком он прошелся вдоль трещины, чтобы посмотреть, нет ли тюленей в воде, и я понял, что они увидели еще одного медведя. Я не был расположен разделять их беззаботную радость по этому поводу, но все же ухватился за удобный случай отвлечься на время от наших проблем.

Медведь стоял на другой стороне трещины и находился слишком далеко, чтобы уложить его выстрелом из ружья, оставшегося у нас. Огромный зверь заметил нас и заинтересовался: он был любопытен, как большинство зверей. Единственно, что можно было сделать, это воспользоваться его желанием разглядеть нас поближе. К такой уловке я прибегал не раз. Я лег на живот у самой трещины и начал плескать воду руками и болтать в воздухе ногами. Медведь сейчас же остановился; некоторое время он смотрел в мою сторону, перед тем как решился узнать, что же это там за зверь. Без малейшего плеска медведь опустил в воду и поплыл к нам. Судя по всему, он боялся, что я могу испугаться, когда замечу его приближение, и убегу; поэтому зверь плыл очень медленно и осторожно, все больше под водой и совершенно бесшумно.

Бедняга не мог ведь предположить, что мы готовы встретить его пулей. Все лежали у края трещины и следили за приближением зверя. Время от времени он всплывал на поверхность подышать и убедиться, что мы не убежали. Он был хитер, как все медведи, и прикрывал лапой свое черное пятнышко на носу, чтобы выглядеть, как плавающий кусок льда. Бесшумно и незаметно он погружался опять и плыл к нам под водой. Зверь явно хотел застигнуть нас врасплох, появившись на поверхности воды у самого края льда, где мы расположились.

Наконец, Итукусук не выдержал. Когда медведь опять появился на поверхности, эскимос выстрелил ему прямо в голову. Никогда я не видел такого выражения удивления у медведя; оно в точности походило на удивление человека, и мы не сдержали улыбки, когда зверь пошел под воду. Через мгновение он всплыл на поверхность. Зверь был очень жирным и поэтому его неподвижная туша высоко торчала над водой.

Как только я увидел плавающего медведя, мне пришла в голову мысль - пожалуй, единственная действительно умная мысль за всю дорогу. Я сразу понял, что теперь нам не придется идти на мыс Седдон, пока еще рано признать себя побежденным. Белый медведь поможет нам перебраться через трещину!

Моим товарищам я не сказал о своей затее, а посоветовал быстрее собрать вещи, разбросанные по льду у трещины. Квангак принес гарпун, и я подтащил им мертвого медведя. Эскимос собрался было вытаскивать зверя на лед, но я велел оставить его в воде. Квангак посмотрел на меня как на сумасшедшего, но подчинился. Я передал ему гарпун и попросил держать медведя у кромки льда, пока я подготовлюсь. Мы все еще таскали с собой два весла с лодки, которыми пользовались то в качестве шестов, то устраивали нечто вроде саней и тянули их за собой на ровных участках. Теперь я подсунил весла под передние лапы медведя и крепко привязал их, так что получился довольно устойчивый <паром>.

Наконец, приготовления были окончены, я попросил остальных отойти в сторону и оттолкнул медведя на середину трещины. Я отошел на несколько шагов, чтобы получить достаточный разбег. Раньше чем другие успели понять, в чем дело, я разбежался что есть мочи, оттолкнулся от края льда, одной ногой ступил на медведя и в следующий миг находился уже на другой стороне трещины. Это было единственный раз в моей жизни, когда я поблагодарил господ бога за то, что он наградил меня длинными ногами. Именно поэтому я и совершил свой рекордный прыжок.

На другой стороне я упал и перекувырнулся несколько раз, но перебрался даже не замочив ног. Когда я встал, все закричали ура. Они полагали, что если один мог перепрыгнуть, то и другие способны на это, но вскоре все поняли, что это не так. Я был выше других ростом и благодаря моим длинным ногам мог прыгнуть дальше, чем остальные. Во всяком случае эскимосы не были на это способны, да и китобои не очень спешили перескакивать. Я подумал, что если они не смогут перепрыгнуть ко мне, то я смогу вернуться к ним и мы опять будем вместе. Пока они решались, я предложил переправить на мою сторону хотя бы наши вещи. Квангак привязал веревку к своему гарпуну и перебросил его ко мне. Я привязал конец к медведю, и мы начали перетаскивать на нем вещи. Тут Билл Раса запротестовал: что толку переправлять вещи на ту сторону, если люди не в состоянии перебраться! Я вынужден был согласиться с этим благоразумным доводом, и мы прекратили переправу. Теперь половина вещей была на моей стороне, но восемь человек оставалось на другой, а трещина как будто еще расширилась за те часы, которые мы провели возле нее. Мне хотелось бы кого-нибудь перетащить на свою сторону, поэтому я предложил переправлять людей так же, как вещи, хотя им и придется намокнуть. Только Итукусук принял мое предложение, хотя и не умел плавать. Он перетащил медведя к себе, залез на него, и я стал тянуть изо всех сил. Под тяжестью человека медведь осел в воду, но совсем не погрузился, и мне удалось удачно перетащить Итукусука. Ноги он промочил насквозь, но на это эскимосы обращают мало внимания. Теперь у меня стало спокойно на душе оттого, что со мной хотя бы один человек.

Все другие продолжали сомневаться, последовать ли за Итукусукком. Кое-кто был слишком тяжел, медведь мог его не выдержать, и никто не имел мужества искупаться в ледяной воде. Нам становилось холодно стоять и ждать, пока остальные решат, как быть. Они все еще обсуждали свое положение, когда пошел отвратительный, мокрый снег. Оставшиеся на той стороне искали другого выхода. Предлагали даже вырубить кусок льда, на котором можно перебраться. Такая работа во всяком случае согрела бы их, и я не стал объяснять, что пройдут часы, а возможно и дни, пока им удастся вырубить кусок льда достаточной величины.

Наконец, старший из моряков, Томас Ольсен, переправился на нашу сторону. Когда другие принялись колоть лед, он спокойно снял одежду до последней нитки, связал ее в узел и положил на плечо, придерживая одной рукой. Он взобрался на медведя, вцепился в него свободной рукой и прокричал, чтобы мы тянули. Мы тащили быстро, но когда подняли его на лед, Томас был полумертв от холода; его поставили на кусок тюленьей шкуры, чтобы он высушился и согрел ноги. Он быстро оделся, и вскоре заверил нас, что теперь ему впервые за много дней по-настоящему тепло.

Билл Раса последовал его примеру. Без труда мы перетащили голого шотландца через трещину, хотя он был гораздо тяжелее Томаса Ольсена и, следовательно, медвежий паром опустился глубже, так что вода доходила Биллу до груди. Теперь паром отправился за следующим пассажиром. Сейчас нас было уже четверо на этой

стороне и только пятеро на той. Рокуэлл Симон уже приготовился; он стоял в чем мать родила с одеждой на плече. Мы опять потянули медведя, как вдруг нас остановил голос Итукусука. Бдительный эскимос все замечал, пока мы были поглощены нашим паромом; теперь Итукусук содрогался от смеха, глядя вдоль трещины. В то время как мы занимались переправой, трещина соединилась в какой-нибудь сотне метров от нас. Теперь мы злились на себя, что не решили чуть-чуть подождать. Вместе с тем мы улыбались от сознания наступившего облегчения и совершенно забыли о бедняге Рокуэлле Симоне, который сидел в ледяной воде, цепляясь за медведя. Мы смотрели на оставшихся четырех человек, спокойно переходивших по прочному льду. Тот, кто на противоположной стороне держал веревку натянутой, чтобы медведь не погружался слишком глубоко, опустил ее, и Рокуэлл стал опускаться в воду. Он закричал благим матом. Мы тут же принялись тянуть, но Рокуэлл уходил все глубже, и вода уже достигла ему до горла. Теперь он держал свою одежду над головой. Когда он оказался совсем близко, я выхватил у него узелок из рук. Мне хотелось помочь ему, но получилось так, что он потерял равновесие и свалился с медведя.

Рокуэлл хорошо плавал и не было опасности, что он попадет под лед, который в этом месте был толщиной в несколько футов. Раса и я потянулись к Рокуэллу, чтобы вытащить его, так как сам он вылезти из воды не мог. Но когда американца тянули, он задел за острые края льдины и содрал кожу на груди, животе и ногах. И хотя это были неглубокие раны, боль причиняли они ужасную. Вид у него был страшный.

Бедняга Рокуэлл ругал нас на чем свет стоит. Он грозил нам самой страшной местью за то, что его якобы нарочно заставили барахтаться в ледяной воде. Он прыгал на льду голый с кровоточащими ранами, выкрикивая злые слова, и был так взбешен, что позабыл даже одеться. Американец еще больше взорвался, когда я предложил ему все же не стоять голым.

- А тебе какое дело? - закричал он. - Я оденусь, когда захочу! И нечего вмешиваться!

Я не мог сдержать смеха: в середине залива Мелвилла на льду стоит голый человек и отказывается одеваться. Засмеялись и другие, а немного погодя и сам Рокуэлл понял комичность ситуации. Тут он так расхохотался, что нам пришлось помочь ему одеться, и мир был восстановлен. Вскоре мы соединились с нашими четырьмя друзьями, которые мирно и спокойно обошли открытую воду, не подвергаясь опасности утонуть или замерзнуть, как остальные. Разделка медвежьей туши не заняла много времени, и мы готовы были преодолеть последний участок пути до острова Тома без дальнейших остановок.

* * *

Дождь со снегом продолжал идти, но мы уже настолько приблизились, что почти все время видели остров, да и лед был здесь неожиданно ровным и легко проходимым. Обычно в такое время в этой части залива Мелвилла бывала или чистая вода, или громоздились торосистые льды после юго-западных штормов.

- К счастью, мы отделались от нашей лодки, - заметил Семундсен улыбаясь. - Если бы нам пришлось тянуть это проклятое бревно, мы без толку надрывались бы множество суток!

Я в общем с ним согласился, но все-таки сказал, что лодка-то была моя, да еще единственная, без которой мне трудно обходиться в Туле.

- Не волнуйся, - сказал великодушный Рокуэлл Симон. - Мы добудем тебе новую лодку, намного лучше. Мы вообще позаботимся, чтобы, спасая нас, ты не имел убытков. Теперь мы достигли нашего места назначения и все будет улажено.

Я только улыбался его тираде. Действительно, остров Тома был нашей целью, но что из этого? У нас нет никакой гарантии, что мы встретим какое-нибудь китобойное судно или какой-либо корабль обнаружит нас, выйдя на поиски. Наше путешествие длилось гораздо дольше, чем предполагалось. <Хортикула> могла давным-давно проследовать на юг, ведь сезон кончался, и большинство китобойных судов уже давно повернуло домой. Ледовая обстановка сложилась в этом году как нельзя хуже, и корабли вообще не могли бы добраться до острова Тома, если бы даже и хотели. Я предупредил китобоев и объяснил, что надо подготовиться к самому худшему: нам не следует обольщаться и считать, что трудности позади, раз уж мы достигли острова Тома.

В этот день на наши нервы легла немалая нагрузка. Мы совершенно измотались, и китобои задирались при всяком неосторожном слове. Подойдя к острову, они заспорили о том, может ли их спасти какое-либо судно, и в особенности, следует ли полагаться на капитана <Хортикулы>. Все были самого плохого мнения о нем. Он, наверное, и не подумал искать отбившихся людей! Его интересуют только киты и возможность на них заработать. Пятеро моряков единодушно осуждали его характер, но их мнения расходились при оценке вероятности застать другое судно, в данном случае было безразлично, какое оно.

Я понимал, что дело принимает критический оборот. Теперь, когда приближалось наше спасение, они внезапно стали ненавидеть друг друга. Билл Раса готов был уже отделиться от нас и уйти один, да и другие с радостью ушли бы, не возьми я всерьез командование на себя. Я заявил, что если они сейчас же не перестанут спорить и не будут мало-мальски по-товарищески относиться друг к другу, я с моими тремя эскимосами тотчас же отправлюсь к мысу Седдон и пусть они тогда выходят из положения как хотят.

Билл и Рокуэлл вскоре одумались и стали говорить спокойно. Они обещали, что не станут больше спорить, но все так измучены и голодны, что хотели бы сделать привал. Португалец чуть не падал от усталости. Когда мы присели, я заметил, что с ним творится что-то неладное. Вдруг на глаза у него навернулись слезы, и он повалился на лед; все его тело содрогалось, он всхлипывал, как дитя. Пабло кричал, что дальше идти никак не может, что он бедный рыбак и не привык ходить по льдам, переносить холод и есть одно мясо. По его мнению, наш поход никогда не окончится. Больше он никуда не пойдет, даже шагу не сделает!

У Томаса Ольсена был немалый опыт обхождения с такими людьми, и он знал, как надо поступать в данном случае. Он подошел к Пабло, поднял его за шиворот и отпустил пару самых крепких оплеух, которые мне когда-либо приходилось видеть. Звук от них разнесся далеко по льду - и плач прекратился. Пабло и не пытался защищаться. Как только Ольсен его отпустил, португалец побежал, куда глаза глядят. Он совсем рехнулся.

- Бедняга! - вздохнул Ольсен. - У него совершенно истрепаны нервы. Я надеюсь, что мы скоро отсюда

выберемся. Мне неприятно бить человека за то, что его нервы не выдерживают!

Он сказал это спокойным тоном, как врач, заставивший пациента принять горькую пилюлю. Ольсен даже не посмотрел вслед Пабло.

- Что с ним делать? - спросил я. - Не можем же мы позволить человеку убежать!

- Оставь ты его в покое, он скоро вернется и тогда продержится несколько дней!

Ольсен был прав. Когда мы решили, что уже отдохнули, и собирались продолжать наш путь, Пабло подошел, не произнеся ни слова. Он выглядел, как всегда, спокойным и замкнутым. Мы двинулись, но шли таким ходом, что улитка преспокойно могла следовать за нами; но все же двигались вперед!

Казалось, что остров отодвигается все дальше и дальше. Я считал, что нам осталось идти всего ничего, но сколько бы мы ни двигались, остров никак не приближался. Мне и самому хотелось поступить так, как Пабло. Тут я принялся за старую игру, к которой всегда прибегал в арктических условиях, когда приходилось преодолевать большие расстояния. Я стал глядеть только вниз. Я смотрел на свои ноги, на ноги товарищей, на лед под ногами, лишь бы не смотреть на остров впереди. Я нарочно не смотрел на него до тех пор, пока хватало терпения. Когда же, наконец, поднимал глаза, я всегда мог заметить, что цель немного приблизилась. Хотя и медленно, но мы все же продвигались вперед. Я продолжал эту игру, пока мы совсем не подошли к острову; нам осталось лишь перелезть через торосы, нагроможденные во время отлива. Теперь мы опять оказались на твердой земле. Остров Тома был под ногами.

* * *

Я не знаю, сколько времени занял у нас последний участок пути. Солнца не было видно из-за тяжелых туч, а все наши часы давно уже перестали ходить. Мы пустились в путь рано утром и, вероятно, уже поздней ночью добрались до северной оконечности острова Тома. Мы собрали последние силы, чтобы втащить на берег вещи, уложенные в своеобразные сани, которые удалось сделать из весел и медвежьей шкуры. Туда же было положено мясо медведя. Несмотря на старость, Меквусак, пожалуй, находился в самом лучшем состоянии. В течение дня я несколько раз предлагал ему присесть на салазки, которые тянули Билл и я, но он отвечал:

- Должно быть, плохая погода вызвала болезнь ушей; я слышу какие-то звуки. Мне вдруг показалось, что Пит? хочет превратить меня в женщину и заставить сесть на сани. Поэтому приходится полагать, что мои уши уже разучились слышать.

Выйдя на берег, мы почувствовали себя победителями. Казалось, все наши невзгоды уже позади и мы достигли мирной гавани, хотя на самом деле у нас не было никаких оснований рассчитывать, что здесь нам будет лучше или что какое-нибудь судно придет за нами. Я же единственное удовлетворение находил в том, что по льдам залива Мелвилла мы прошли в сентябре, когда здесь обычно бывает открытая вода. Я не думаю, что кто-нибудь это проделал до нас, да и вряд ли кому-нибудь еще удастся совершить такой переход.

Мы слишком устали, чтобы испытывать чувство голода; единственное, в чем мы нуждались, - это сон. Как только я прилег, тотчас же почувствовал несказанное облегчение. В течение многих дней, казавшихся мне бесконечными, на мне лежала ответственность за этих людей. Теперь я освободился от этого бремени. Задача моя была решена, и в первый раз с тех пор, как мы вышли из Туле, я мог сказать самому себе: теперь мне абсолютно безразлично, что случится дальше или что теперь надо делать, - я буду спать и только спать и проснусь тогда, когда мне этого захочется.

Меня разбудил холод. Мои штаны покрылись коркой льда, и я настолько замерз, что спать больше не мог. Китобои все еще не очнулись, и Квангак похрапывал в глубоком сне. Только Меквусак и Итукусук были на ногах. Втроем мы принялись обдумывать наше положение. Все гордились тем, что совершили такой огромный и трудный переход; когда выходили из Туле, все выглядело довольно просто! Мы и не представляли себе, что подвергнемся такому риску и встретимся со столь многими опасностями. Однако счастье нам не изменило, и у меня было предчувствие, что нам повезет и в дальнейшем. Погиб Усукодарк. К тому же я потерял лодку и моего доброго пса; это, конечно, немало, но сейчас мне хотелось одного: освободиться от китобоев.

О, если бы появился корабль и забрал этих пятерых, я мог бы тогда вернуться домой, в свой мир с моими друзьями эскимосами.

Большая часть медвежьей туши была с нами. Этого хватит на много дней, а если понадобится, мы сможем добыть тюленей. Первое, что нам следует сделать, это произвести разведку острова и найти укрытие, затем нам нужно установить пост на вершине острова.

Раньше я никогда не бывал летом на Крепиарфикталикке - как эскимосы называют остров Тома. В центре острова имеется небольшое пресное озеро, и около него мы нашли каменные развалины нескольких эскимосских домов. В прошлый раз, когда я был на острове, здесь не хватало снега для постройки дома, и я нашел тогда отвесную скалу у самого берега. Сейчас мы без труда отыскали ее и оказалось, что она нам пригодится. Мы принялись строить нечто вроде палатки, одной из стен которой служила скала. Под углом к ней мы выложили из камней другую стену, а сверху примостили оба весла. Крышу мы устроили из медвежьей и тюленьих шкур.

Во многих местах острова мы нашли игссутит [38] - густорастущее смолистое растение, которое прекрасно горит и когда оно зеленое и цветет, и когда увядшее и сухое. Его можно найти во многих районах Арктики. Оно спасло от замерзания многих путешественников. Здесь было много игссутита. Мы обнаружили также полярную иву. Она хотя и не толще пальца и стелется по земле, но все же может служить топливом наряду с игссутитом. Меквусаку удалось разжечь костер, и мы с Итукусук пошли за медвежьим мясом. Вскоре разнесся замечательный запах жареного мяса, который к тому же распространялся из <дома>; мне эта хижина показалась роскошным домом, хотя она и находилась еще в стадии строительства.

Я пошел и разбудил остальных, все еще спавших крепким сном. Они сразу же почувствовали зверский голод и с превеликой благодарностью принялись за уже готовый вкусный обед.

Мы заморили червячка и сразу же принялись варить следующую порцию. Между тем я объяснил, в каком мы находимся положении. У нас имеется мясо на несколько дней и у меня осталось еще тридцать четыре патрона к

нашему единственному ружью, так что от голода не умрем. Мы должны оградить себя от прихотей природы и поэтому приступили к строительству пристанища, которое скоро удастся завершить.

Дом наш недостаточно велик: когда все соберемся в нем, ноги придется высовывать наружу, но сами будем под крышей и в тепле. Здесь нам придется жить, пока не покинем остров. Наверху надо установить наблюдательный пост. Я ничего не мог сказать о сроках нашего пребывания на острове, но если держаться в норме, не ругаться и тем более не драться, то все будет в порядке. Поэтому я призывал их быть покладистыми, чтобы наше пребывание здесь оказалось как можно более приятным. Они согласились и обещали слушаться меня: Петер остается командиром, как и во время всего путешествия с острова Саундерса, заверили они меня.

* * *

Как только все вдоволь поели, мы поднялись на вершину острова и договорились о дежурстве. Мы захватили самую крупную тюленью шкуру и при помощи камней устроили укрытие для тех, кто будет находиться на наблюдательном пункте. Семундсен первым стал на вахту, а затем мы сменяли друг друга через равные промежутки - как днем, так и ночью. Хотя солнце уже начало заходить за горизонт, по ночам все еще было светло. Теперь дневное светило пошло вниз, и в середине октября оно вообще не будет показываться круглые сутки. После этого солнце появится над Гренландией в следующем феврале.

Первые несколько дней, пока строили нашу хижину, мы радовались и были счастливы, но вскоре уже возненавидели остров Тома всеми фибрами души. Проходил день за днем, а на корабль не было даже намека; дел у нас не было никаких, если не считать попыток усовершенствовать наше жилище. Наша одежда не была достаточно теплой, чтобы защитить нас от холода. Китобои плохо переносили однообразную пищу: они постоянно жаловались на отсутствие хлеба и овощей. Эскимосы добыли несколько тюленей, и я давал морякам свежую сырую печенку - самое лучшее противочинготное средство. Как-то раз нам попался малюсенький тюлененок, желудок которого был полон материнского молока. Я влил эту жидкость в суп, и он оказался не только питательным, но и вкусным. С тех пор мы всегда добавляли немного тюленьего желудочного сока к воде, в которой варилось мясо; это повышало аппетит.

Пабло оказался в более тяжелом состоянии, чем остальные. Он не особенно жаловался, но сильно похудел и ужасно страдал от холода, утверждая, что его кожа слишком тонка для гренландского климата. Я решил поэтому, что ему трудно сидеть наверху и высматривать корабль, но он и слышать не хотел об освобождении от дежурства. Билл также считал, что неразумно освобождать его от обязанностей, так как от этого будет только страдать его гордость и, кроме того, он, пожалуй, почувствует себя еще более слабым. Де Соуза чувствовал себя как бы вне компании, поскольку не говорил достаточно бегло по-английски, чтобы свободно выражать свои мысли. Он совершенно упал духом, и в один из дней с ним опять чуть не случился припадок.

Однажды вечером Пабло ушел один. Лил дождь, стемнело, а настроение у него было самое скверное. И случилось так, что идя по берегу, он набрел на могилы, в которых похоронены семь моряков. Никто точно не знал, ни когда они были зарыты, ни истории их гибели. Предание гласит, что это голландские китобои, которые подняли бунт на судне и были повешены капитаном.

Когда Пабло увидел эти могилы, он мысленно отказался от всякой надежды на спасение. Он вернулся в хижину, и глубокая меланхолия овладела им.

Ему показалось, что эти могилы предвещают его собственную гибель. Скоро здесь станет больше могил, мы все помрем и ляжем рядом с семьей голландцами.

Я пытался сделать все, чтобы утешить португальца. Ничего подобного с нами не случится, объяснил я. Если шотландские китобои не появятся у острова Тома, мы просто перейдем на мыс Седдон, где живут мои друзья и родичи. Они побеспокоятся о нас и дадут нам горячей пищи - за это я могу ручаться.

- А женщины там есть? - спросили Билл Раса и Ольсен в один голос.

Я рассказал им, что там живут всего лишь три семьи, но, конечно, там есть женщины, которые смогут починить нашу одежду и оказать другую помощь. Я с радостью отметил, что их любовь к жизни опять воспламенилась. Мужчина, который готов поговорить о женщинах, - не потерянный человек, и они начали в деталях представлять себе возможную жизнь на мысе Седдон.

Мы ждали и ждали. Дождь сменился снегом, и вскоре разыгрался настоящий снежный буран. Все сгрудилось в палатке, а когда крыша начинала протекать, приходилось класть наверх свежие шкуры. У нас все еще горел огонь, и тепло растапливало жир на шкурах, который капал нам на головы, на лица и за шиворот; некоторые в шутку говорили, что наш вид способен отпугнуть любое судно.

Мы продолжали улучшать свой дом, чтобы только иметь какое-нибудь занятие. Стены подняли выше и нарастили в длину, законопатили отверстия между камнями мхом и ветками ивы. Все гордились своим жилищем, а я лично горжусь им еще и по сей день. Когда я в последний раз был на острове Тома несколько лет назад, дом еще стоял - конечно, без крыши.

С каждым днем становилось темнее. Кажется, что темнота всегда наступает невероятно быстро. Мы уже собирались отменить дежурство по ночам; когда солнце пряталось за горизонт, ничего нельзя было различить, да и в послеобеденное время не было достаточно светло, а в те времена в арктических водах суда по ночам фонарей не зажигали.

Сколько дней мы провели в ожидании? Восемь, десять, двенадцать? Мы потеряли счет времени.

Однажды Итукусук пришел очень возбужденным: он увидел медведя невиданных размеров. Перед этим северный ветер взломал весь лед вокруг острова, и медведь находился на льдине, не достигаемой для нас из-за открытой воды у берега. Эскимосы напрасно пытались выманить зверя на берег. Поэтому Итукусук поднялся на вершину ранним утром, чтобы высмотреть медведя. Было слишком рано, чтобы начинать дежурства, и честь обнаружения судна выпала Итукусуку.

Не переводя дыхания, он добежал до нашей хижины и закричал, что есть мочи:

- Умиарссуар! Умиарссуар!

Я еще спал, но эскимосское слово, означающее корабль, всегда имеет магическое воздействие, независимо оттого, произносится ли оно совсем тихо, чуть различимо, или громко, с нотками птичьего крика и воя собаки. Это слово всегда услышишь, всегда поймешь в хаосе тысячи других звуков. Я вскочил.

- Корабль! Корабль! - закричал я по-датски.

- A ship! A ship! - заорал я по-английски.

Не прошло и нескольких секунд, как все бросились на вершину острова. Итукусук сперва не поверил своим глазам, но теперь уже не было никакого сомнения. Далеко-далеко в море виднелись три мачты. Однако, прежде чем мы смогли определить, идет ли один корабль или два, мачты исчезли. Мы боялись пошевелиться; нам казалось, что все это видение, плод нашей фантазии, мираж, представший перед нашими глазами; однако никто из нас не посмел сказать об этом вслух. В полном молчании мы ждали несколько минут, и мачты вновь показались. Кораблей было два, но они, казалось, шли вверх килем! Китобои пришли в отчаяние. Но я заверил их, что такие миражи - обычное явление в арктических районах.

Вскоре мираж пропал, и вместо него появились два настоящих судна с мачтами наверху. Теперь мы ясно могли различить, что это китобойные суда, а также, что они плыли по направлению к острову. Нам надо было лишь привлечь их внимание и удостовериться, что они заметили нас. Однако сейчас было не время что-либо предпринимать, так как суда находились слишком далеко. Я предложил поэтому спуститься обратно в лагерь и чем-нибудь развлечься, а также поесть еще раз всем вместе.

Другим не очень-то хотелось уходить с наблюдательного пункта. Ведь это красивейший вид из всех возможных, утверждали они, но Ольсен согласился, что все же не мешало бы подкрепиться, пока нам здесь нечего делать. Ему как раз не мешало бы съесть миску горячего медвежьего супа, сказал он, а затем жареного тюленьего мяса. Таких яств он, наверное, скоро не получит.

- Я буду рад, если никогда в жизни не увижу больше ни медведя, ни тюленя, ни моржа! - вскричал Рокуэлл. - Я намереваюсь, - сказал он, - отправиться прямо в Штаты и в ближайшие годы питаться лишь апельсиновым и томатным соком, блинами и кукурузным хлебом.

Мы все посмеялись над его мечтами; теперь нам можно было острить.

Меквусак, как обычно, приготовил пищу и торжественно подал ее, однако китобои никак не могли спокойно сидеть и есть. Рокуэлл вообще не хотел спускаться вниз, а другие то и дело бегали наверх, чтобы посмотреть, продвигаются ли суда. Когда мы, наконец, покончили с нашей последней совместной трапезой на острове Тома, я созвал всех обсудить, что нам предпринять. Нам необходимо, чтобы нас заметили с судов, в противном случае они просто пройдут мимо нас. Подплыть к острову не дают льды. Решили поэтому привязать одну из самых больших тюленьих шкур к длинному веслу. Это должно было изображать наш флаг. Двое с флагом пойдут по льду, пока не встретят судно. Им следовало по пути взбираться на каждый небольшой айсберг и размахивать флагом, пока их не заметят. Знаменосцами выбрали Семундсена и Ольсена. Они сейчас же отправились и вскоре затерялись во льдах.

Все остальные быстро забрались на вершину и обнаружили, что корабли значительно приблизились. Наши товарищи, шедшие по льду, виднелись уже как две черные точки на снегу, но, казалось, они вообще не движутся. Мы считали, что те двое идут слишком медленно, а кто-то заявил, что они делают это нарочно. Рокуэлл высказал предположение, что они, пожалуй, готовы провалить всю спасательную экспедицию, чтобы только еще побыть у женщин на мысе Седдон. Нами настолько овладело нетерпение, что мы всерьез обсуждали эту возможность.

Спустя два часа никто вообще уже не мог различить Семундсена и Ольсена. Впереди явно был торосистый лед, поэтому их и невозможно было видеть, но Рокуэлл высказал предположение, что они провалились в трещину. Меня он уговаривал послать двух других для спасения, но я разъяснил ему, что это напрасный труд. Если мы не можем разглядеть их отсюда, то уж во всяком случае их никак нельзя найти в торосах, ведь на льду следов не остается.

Нам приходилось терпеливо ожидать, а пока суда приближались, мы в корне изменили свое мнение о капитане. Еще совсем недавно капитана <Хортикулы>, да и всех капитанов вообще, мы считали бесчеловечными мерзавцами. Теперь они вдруг превратились в героических и бескорыстных людей, которые делают все для спасения отбившихся китобоев.

Вдруг с Пабло де Соуза опять случился припадок. Он заявил, что не может больше ждать и намеревается пойти навстречу судам. Пабло сказал также, что пойдет один и не станет жалеть, если никогда не встретит нас в этой жизни. До подхода судов оставалось еще много часов, и португалец не отдавал себе отчета, что он совершенно потеряется во льдах. Я пытался объяснить ему, что Семундсену и Ольсену не так-то легко добраться обратно до острова; им грозила опасность быть унесенными на север, а тогда судам никак уже не найти их.

<Нет, - заявил Пабло, - они дезертировали>. Он был уверен, что теперь они уже находятся на борту китобойца, жрут вовсю и плюют на всех нас. Поэтому Пабло готовился пуститься в путь, и я подумывал, что его придется удержать силой. Тут мы опять обнаружили наших двух посланцев. Они возвращались на остров Тома и, достигнув берега, рассказали, что ледовые условия в море ужасные. Их так несло вместе со льдом, что они потеряли всю ориентировку, поскольку каждая льдина вертелась по своему усмотрению. И сейчас, по их мнению, нет никакой возможности достигнуть судов.

Нам ничего не оставалось, как ждать, хотя это было невыносимо тяжело. Надо иметь нечеловеческое самообладание, чтобы сидеть на острове сложа руки, не зная, заметили ли нас на судах. То один, то другой продолжал размахивать самодельным флагом, но так и не видел какого-либо ответного сигнала. Они не давали выстрелов из пушек и не выпускали ракет, как обычно, когда подают сигнал отбившимся морякам.

Поднялся резкий ветер, нагнавший на нас холодный дождь, и трудно было разжечь костер. Но в тот момент мы об этом и не думали, поскольку днем огонь все равно незаметен; кроме того, ветер мог взломать лед, тогда судам будет легче подойти к острову. Все стояли на вершине и наблюдали за ними и готовы были впасть в отчаяние каждый раз, когда суда меняли курс. Люди орали во всю мочь, как будто их могли услышать на кораблях.

Португалец форменным образом впал в истерику. Он кричал, ругался и плакал. И в конце концов им овладело состояние апатии. Больше его ничто не интересует, заявил он нам. Если суда не подойдут до ночи, он и жить не захочет. Когда этот день кончится, он бросится в воду.

Я действительно испугался за беднягу Пабло, но Ольсен велел мне оставить его в покое, он, мол, скоро отойдет. Вскоре настал черед Билла Раса; теперь ему захотелось пойти навстречу кораблю, наши печали скоро развеются, сказал он.

- Вы оставайтесь на своих местах, - сказал нам Билл, - и развлекайтесь, как можете. Я пошел к судам, и не желаю, чтобы кто-либо вмешивался в мои планы; но я обещаю вам скоро вернуться, и тогда ваши тревоги будут позади!

Раса готовился отправиться в путь один. Мы убеждали его, что даже если ему удастся направиться прямо к кораблям, что, впрочем, совершенно исключается при данных условиях, - все равно стемнеет раньше, чем он доберется до них. Дождь усилился, видимость ухудшилась, и он безусловно заблудится, и мы не сможем его разыскать. Однако Раса сказал, что он разбирается в этих делах лучше нас. Может быть, такое предприятие и настоящее безумие, но ему на все наплевать. Он во всяком случае охотнее погибнет во льдах, чем проведет хотя бы еще одну ночь с нами.

В подобных ситуациях я всегда следую тактике моих друзей эскимосов. Я предложил заняться делом, которое могло отвлечь его внимание, а именно: поесть! Я не очень надеялся, что Билл согласится, но мне все же удалось заставить его подумать о чем-то другом.

Билл Раса принялся ругаться по поводу нашей никчемной собачьей еды. Достаточно того, что придется провести еще одну ночь в этой убогой хижине, брюзжал он, да еще смотреть несколько часов подряд на наши похабные, вонючие, бородатые рожи, которые с трудом отличишь от грязи, сала и крови, от всего того сырого мяса, которое мы проглотили... Один наш вид вызывает у него тошноту, сказал Билл, пересыпая слова отборной руганью. И еще есть с нами! Ни в жизни он не притронется к чему-либо, что изготовит этот дикарь. Нет! Нет! Нет! Это, кроме того, опасно, - продолжал он, поскольку еда отравлена. Билл утверждал, что у него такое чувство, будто у него глисты.

- Откуда взялись глисты? - спросил я спокойно.

Эта реплика еще более разъярила Билла.

- А почему я должен это знать? - проревел он в ответ. Его отец всегда говорил, что от сырого мяса заводятся глисты, в особенности если ешь его без хлеба и картошки. Я миролюбиво заметил, что, по всей вероятности, отец Билла не был большим специалистом в этой области. Однако это замечание совершенно вывело его из себя. Он, черт побери, не хочет слышать, как оскорбляют его отца, взревел Билл; пусть его отец не был ученым, но зато он был честным и искусным моряком, которого никогда в жизни до сегодняшнего дня не обвиняли во лжи. Такого оскорбления Билл не мог стерпеть... В тот же момент он налетел на меня. Мы находились в хижине, и раньше чем я сообразил в чем дело, мы оба оказались на полу. Из-за тесноты, да и по своей слабости он не мог причинить мне большого вреда. Я знал, что запросто могу справиться с ним, но Пабло серьезно забеспокоился. Он стал носиться и собирать ножи и другие опасные предметы, выбрасывая их наружу, но вдруг вся эта смехотворная сцена окончилась самым драматическим образом, когда Томас Ольсен прибежал с вершины. - Черт вас всех побери! - закричал он. - Ветер улегся и дождь перестал, пока вы здесь возились. А ну, быстро поднимайтесь и разожгите огонь на вершине!

На улице уже смеркалось, и огонь был бы виден за много миль. Но место, где стояла наша хижина, с моря не было заметно, так что нам пришлось опять взбираться на гору, чтобы разжечь там костер. Драка была забыта, и Билл стоял, вытирая кровь с носа и лица. Мы кинулись собирать все, что способно гореть. Сорвали крышу с хижины, чтобы забрать весла, схватили мох, ивовые ветки и жир и бросились на вершину. Меквусак еще раньше заготовил несколько факелов из прессованного мха, политого жиром.

У нас оставалась еще коробка спичек. Ольсену поручили разжечь костер. Он наколот щепок от одного из весел, полил их тюленьим жиром и зажег несколько спичек зараз, однако они погасли еще до того, как загорелись щепки. Ольсен повторил все снова, но дерево слишком отсырело. Остальные поносили его на чем свет стоит и умоляли быть осторожным со спичками. Но он, наверное, спалил бы бесцельно все наши спички, если бы я не вспомнил, что можно прибегнуть к старому трюку. Я взял патрон, вытащил из него пулю и высыпал половину пороха под щепки, а остаток забил в патроне мхом. После этого я поднес дуло ружья к щепкам и нажал на курок.

Показалось пламя, и в следующую секунду дерево загорелось. Следить за костром мы поручили Меквусаку, поскольку он здорово обходился с горючим материалом. Все остальные насадили на гарпуны факелы Меквусака, подожгли их и начали ими размахивать. Было уже так темно, что судов мы не могли разглядеть и не знали, находится ли еще остров в поле их зрения. Все ждали и ждали, не раздастся ли гул пушечного выстрела, не покажется ли свет ракеты.

Ночь была тихая. На ветер не было и намека. Вскоре до нас донесся грохот - первый признак того, что другие человеческие существа узнали о нашем существовании. Людей мы не встречали ни разу после того, как много недель назад покинули фиорд Мертвецов. Над льдами разнесся гром пушечного выстрела! Увидеть нам ничего не удалось, но, по всей вероятности, только из-за того, что мы не знали, с какой стороны ожидать помощь; однако до нашего слуха донесся явно пушечный выстрел. Несколько минут спустя раздался еще один выстрел, и на этот раз мы смогли заметить вспышку перед тем, как услышали звук. Через три минуты опять выстрелила пушка - это означало, что нас обнаружили. Сомнений быть не могло, и как бы в подтверждение этого китобойное судно выпустило подряд три ракеты.

На Меквусака все это произвело большое впечатление:

- За путешествие пришлось многому научиться, несмотря на старость. Я никогда не думал, что белые могут заставить слушаться падающие звезды и пользоваться ими по своему усмотрению.

* * *

К нашей хижине шли молча. Теперь отъезд настолько приблизился, что нам казалось, будто мы уже

распростились с островом. Конечно, до отплытия оставалось еще много часов, но мысленно мы уже были далеко во льдах на судне, окруженные друзьями.

Я подумал о том, что пятеро китобоев скоро окажутся в теплой каюте и лягут спать на чистые койки. Их будут кормить замечательной теплой пищей, такой, о которой они мечтали, и подавать ее будет кок. Им выдадут новую теплую и чистенькую одежду; не пройдет и нескольких недель, как они окажутся в цивилизованном мире. Мысли эти не вызвали чувства зависти. У меня не было никакой охоты последовать за ними. И все же в моей памяти воскресли забытые уже радости, и я почувствовал некоторую пустоту оттого, что эти пятеро покинут меня, а я вынужден буду пробираться обратно к Туле.

Вернувшись в наш лагерь, мы опять развели костер. Но никто из нас не проголодался, и все так разволновались, что не могли уснуть. У Билла, должно быть, сложилось впечатление, что я заскучал, или же он пожелал помириться со мной после той дурацкой драки. Во всяком случае он пообещал позаботиться о том, чтобы меня снабдили на его судне большим количеством продуктов, хотя известно, что в это время года остается немного табаку, но он уговорит капитана отдать эскимосам столько, сколько возможно. Кроме того, им дадут ножи, дерево и всевозможные продукты питания.

Рокуэлл Симон пытался уговорить меня поехать вместе с ними. Эскимосы могли бы передать дома, что я приеду весной, убеждал он. Рокуэлл считал, что я нуждаюсь в отпуске после этого <кошмара>. Я объяснил ему как можно более дружелюбно, что этот <кошмар> - и есть моя обычная жизнь. Моя жена Наварана ожидает меня дома, и я вовсе не собираюсь покинуть ее. Моя жизнь в Гренландии, заверил я, устраивает меня гораздо больше, чем какая-либо другая. Именно поэтому я и обосновался в Туле.

Казалось, он вполне меня понял и обещал написать обо мне. Как только Рокуэлл Симон приедет домой, то напишет книгу о своем путешествии. Он еще не решил, что произвело на него большее впечатление: эскимосы, которые при всей своей примитивности столь удивительно тактичны и отзывчивы, или я, датчанин, который обосновался здесь, к северу от всех и вся, женился на эскимоске и, как видно, счастлив и доволен, раз не желаю возвращаться.

Я уверял его, что тут во всяком случае нечего удивляться. Не исключено, что моя жизнь в Туле - это бегство от жизни. Я ведь хорошо знал, что здесь, в Гренландии, я кое-что значу. Здесь я влиятельный человек, эскимосы любят меня и слушаются моих советов, а это льстит мне. Я добился уважения, фактически ничего не добиваясь, и нечего мной восхищаться. Ведь речь идет о простой трусости! Я убежал сюда в дикую страну, вместо того чтобы добиться положения на родине.

Рокуэлл терпеливо слушал меня, но я видел, что не убедил его. Он был склонен к романтизму и теперь намеревался сделать из меня героя.

Китобоям было трудно спокойно дожидаться утра, когда можно будет вступить на свой корабль. На этот раз от полной деморализации нас спас Итукусук.

- Тагу! Тагу! - закричал он нам с вершины. - Нанок! Нанорссуак! (Медведь, большой медведь!)

Белый медведь на самом острове рядом с нами! Побежав навстречу Итукусуку, я увидел, как зверь взбирался на скалу - такую крутую, что мы не могли последовать за ним. Несомненно это был тот же медведь, которого Итукусук видел вчера на льду. Костер и запах пищи привлекли его сюда. Теперь у него не было возможности уйти.

Еще было темно, но чувствовалось, что солнце скоро вернется: оно еще далеко за горизонт не уходило. В темноте мы не очень хорошо различали предметы, но все же могли следовать за зверем с гарпунами, ножами и нашим единственным ружьем. Только Меквусак остался на месте, чтобы последить за костром. За свою долгую жизнь он много раз видел медведей и убивал их, так что этот медведь не интересовал его. Он с удовольствием наблюдал за нами своим опытным глазом; такое зрелище доставляло ему большое удовольствие.

Медведь взобрался на наш наблюдательный пост еще до того, как мы приблизились к нему на расстояние выстрела. Там осталась тюленья шкура, и зверь совершенно забыл о нас: он стал принохиваться к шкуре, слизывая то, что еще осталось на ней. Квангак взял мое ружье и выстрелил зверю в голову - вероятно, это был первый и последний белый медведь, которого пристрелили на вершине острова Тома!

Поскольку Квангак убил медведя, ему полагалась вся шкура или столько, сколько он сам пожелает. Как правило, шкуру режут поперек на две или три части с таким расчетом, чтобы из каждой вышло на пару штанов. Из шкуры медведя можно выкроить даже четыре пары. И хотя охотник имеет право взять себе всю шкуру, его всегда провожают издевательской улыбкой, если он этим воспользуется. Его так язвительно поздравляют с замечательной шкурой, в которой он <явно нуждается>, что охотник редко берет себе шкуру целиком. Квангак убил за свою жизнь слишком много медведей, чтобы жадничать, но он все же заявил, что с этого медведя следует снять шкуру целиком, сохранив черный пятачок носа, а также и когти. Его решение меня ошеломило, но тут же я услышал простое объяснение:

- Возможно, что старый капитан пожелает увезти эту шкуру домой в память о своем путешествии по льдам.

Он произнес эту фразу как бы невзначай, будто говорил сам с собой, но я расслышал ее и перевел Томасу Ольсену, который очень растрогался по поводу такого подарка. Эскимосы называли его <старым капитаном> и относились с большим уважением и преданностью к серьезному и молчаливому датчанину. Нельзя было лучше выразить свои чувства, чем это сделал Квангак.

Шкура с медведя была снята очень осторожно, и ее снесли в лагерь вместе с мясом, которое смогли захватить с собой. Теперь, когда мы в последний раз спускались с наблюдательного пункта, уже выглянуло солнце. Было светло, и мы ясно различали корабли. Удалось даже разглядеть несколько темных точек, двигавшихся по льду. Китобойные суда, как видно, остановились у кромки льда и выслали за нами людей.

К моему великому удивлению, я сразу же обнаружил другие черные точки, двигавшиеся по льду, но к кораблю. Мне казалось, что я могу различить собак. Наблюдательный Итукусук также обратил на это внимание и тут же объяснил в чем дело:

- Весьма вероятно, что удастся встретить друзей из Тугтулигссуака! - сказал он тихо. Это эскимосское название

мыса Седдон; именно оттуда шли собаки упряжки.

У нас не было нужды многое тащить с собой; без каких-либо церемоний мы распрощались с островом Тома и спустились на лед. Теперь я больше не принимал решений за китобоев. Билл Раса остался со мной, а остальные четверо разбрелись по льду, стараясь найти самый легкий путь к судну. Сам я решил подождать и потолковать с людьми из Тугтулигссуака. Вскоре они действительно подошли к нам. Оказалось, что это Митерк и Иггиангуак, дядя и двоюродный брат Навараны. Эскимосы охотились по молодому льду на медведей недалеко от своего стойбища. Они остались ночевать на льду, потому что в темноте трудно добираться домой: лед во многих местах был тонок. Увидев наш костер, они направились сюда, выяснить, кто здесь находится. Эскимосы надеялись - если появился корабль, то можно что-либо выменять.

Я был счастлив, что увидел их; ведь это означало, что наше продвижение к мысу Седдон будет просто приятной прогулкой. Теперь осталось лишь попрощаться с китобоями. Биллу так нетерпелось попасть на судно, что он не мог стоять здесь и долго разговаривать с эскимосами. Ему, однако, было приятно узнать, что если бы не подошли корабли, мы благополучно добрались бы до мыса Седдон.

Еще до того как мы пустились в дальнейший путь к судам, трое из четырех китобоев вернулись. Путь им преградила широкая трещина во льдах, и пришлось бы сделать большой крюк. Поэтому они решили, что присоединятся к нам во избежание несчастий в тот момент, когда они так близки к спасению. Только Пабло де Соуза пошел своим собственным путем. У него не хватило терпения дожидаться нас, но я знал, что он в состоянии добраться до судов, хотя это потребует больше времени и сил.

Одного из эскимосов я попросил забраться на айсберг, чтобы отыскать наиболее удобный путь; мы выбрали дорогу, самую легкую для собак. Четырем усталым китобоям я посоветовал сесть на сани. Каждая упряжка могла без особого труда взять двух пассажиров и одного эскимоса в качестве погонщика. Таким образом они могли бы мигом домчаться до кромки льда, где их подберут судовые шлюпки.

Билл запротестовал. Он не соглашался оставить меня одного, но я объяснил, что так будет практичнее. Упряжки могут взять только двух человек. Но если двигаться быстро, то, как только они встретят своих товарищей моряков, одну из упряжек можно послать за мной. Тем временем я буду продвигаться пешком.

Перед тем как усесться в сани, Билл хотел что-то еще сказать мне. Он не намеревался сейчас выражать свою благодарность за все, что я сделал для них, заметил он, это можно сделать потом, на судне. Ему хотелось лишь сказать, что они, все пятеро, совещались между собой и решили, что жаль оставлять меня одного здесь, в Гренландии, среди <дикарей>. Это было бы неправильно, разъяснил Билл. Сейчас мне представился замечательный случай улизнуть, и он посоветовал мне уехать с ними. В благодарность за все мытарства, которые я взял на себя, и за жертвы, принесенные мною ради него и его товарищей, Раса гарантирует мне хорошую работу, а гренландцев я время от времени смогу навещать. Он был убежден, что больше всего я хочу вернуться в цивилизованный мир, но до сих пор не имел возможности это сделать. Они были уверены, что я чувствую себя одиноким и несчастным, а также, что какие-то темные стороны моего прошлого вынудили меня проводить свои дни здесь, на забытом богом клочке земли. Теперь они предлагали мне свою помощь, чтобы устроить мой побег!

Я и не пытался объяснить Биллу, как глубоко он ошибается - это было бы бессмысленно. В душе я посмеялся над ним и сказал, что мои хорошие друзья эскимосы относятся с еще бóльшим состраданием к нему и его четверым товарищам, чем он ко мне. Эскимосы и в самом деле горевали по поводу того, что такие замечательные парни, как эти пятеро, вынуждены возвращаться в страну, где нет ни льдов, ни снегов, где нет ни китов, ни медведей, ни тюленей, за которыми можно было бы охотиться. Я и сам разделял чувства эскимосов, но ничего не сказал, а лишь обещал Биллу обсудить его предложение, когда мы будем на борту. После этого они уехали. Ольсен и Билл сели на упряжку Митерка, а Рокуэлл и Семундсен к Иггиангуаку. Собаки сорвались с места и понесли. Китобои махали мне, и один из них крикнул, что к моему приходу будет готов обед и кофе.

Квангак, Итукусук и я пошли вслед за ними пешком, а старик Меквусак вернулся на остров Тома. За свою жизнь он насмотрелся на белых людей, объяснил эскимос мне, и у него нет больше охоты совершать прогулки по льду лишь для того, чтобы встретить других китобоев. Он подождет нас на острове и приготовит вареное мясо к нашему приходу. После этого он повернулся к нам спиной, а мы двинулись по направлению к трем мачтам, которые виднелись вдалеке. Шли довольно быстро, так как нам вовсе не хотелось, чтобы нас отнесло назад. Собаки упряжки свернули далеко на юг, чтобы обойти разводья во льдах, но спустя полчаса мы неожиданно опять увидели их перед собой; они мчались во весь опор по ту сторону трещины. Оказалось, что упряжки перебрались через открытую воду на большой льдине и теперь направлялись прямо к кораблям. Я мог различить, что две лодки были спущены на воду; люди пытались пробраться среди льдин навстречу упряжкам. Двое эскимосов на санях энергично махали нам, указывая налево. Только спустя некоторое время я понял причину их возбуждения. Митерк и Иггиангуак обнаружили медведя и устремились за ним, не обращая никакого внимания на суда.

Они повернули на запад, несмотря на протесты своих пассажиров. Мы хорошо видели все происходящее. Эскимосы отпустили собак, и те, бросившись вперед, вскоре окружили зверя. Началась отчаянная борьба. Собакам удалось задержать медведя, пока эскимосы подбежали с ружьями. Прошло всего несколько минут, и все было кончено. Медведь лежал мертвым, а собак удалось усмирить. Эскимосы несмело возвращались к своим саням. Китобоям не терпелось, и они толкали перед собой сани, не дожидаясь Митерка и Иггиангуака.

Мы побежали изо всех сил, чтобы поспеть туда до того, как медведь будет освежеван, чтобы и нам досталась часть добычи, но вскоре дорогу нам преградила трещина, слишком широкая, чтобы перепрыгнуть ее. Мы остались на месте, а упряжки понеслись дальше; двое эскимосов махали руками и указывали в сторону медведя. - Оказывается, что придется еще справляться с чужим медведем, - посмеялся Итукусук. - Они хотят, чтобы мы освежевали их добычу!

Нам пришлось сделать большой крюк, и когда мы, наконец, подошли к убитому зверю, сани уже скрылись из виду. Я оставил Итукусука и Квангака заниматься медведем, а сам направился быстрыми шагами в сторону трех мачт,

которые виднелись за высокими торосами. Далеко впереди слышался лай собак, и я шел на этот звук, который указывал мне направление. Взобравшись на высокий торос, я увидел, что дальше пути нет, впереди была открытая вода - широкий канал, через который никак не перебраться. Мне опять пришлось бы делать большой крюк; увидя людей впереди, я понял, что опоздаю.

Я ничего не слышал; казалось, что сижу в театре и присутствую на пантомиме. Мне стало ясно, что произошло у открытой воды, и я не чувствовал ни разочарования, ни горечи.

Упряжки добрались до края сплошного льда. Лыдины становились меньше и меньше, и, наконец, собакам дальше не было пути. Правда, лодки уже приближались. Я видел, как обе партии машут друг другу и переговариваются. Казалось, что лодки тоже не могут дальше продвинуться. Тут несколько моряков выскочили и втянули лодки на лед, хотя они были тяжелые и неуклюжие. Другими словами, им приходилось поступать точно так же, как нам, когда мы продвигались по заливу Мелвилла. Они перетаскивали лодки через лыдину, снова спускали на воду и в конце концов все же добрались до людей на упряжках.

Я видел, что все были очень взволнованы. Ольсен и Билл Раса указывали на меня, но моряки отрицательно качали головами. Спор продолжался еще некоторое время, но затем моим друзьям пришлось уступить. Они сели в лодки и долго махали мне руками.

Я понял все, что произошло. Суда явно затирало льдом. Они сильно задержались, так как много времени провели в поисках отбившихся китобоев; была уже осень, и каждый час мог оказаться роковым. Капитаны не могли ожидать, пока китобои попросят со своими спасателями. Мои друзья хотели сдержать свое обещание и снабдить меня кое-чем из судовых запасов. Билл со своей стороны хотел еще сделать попытку уговорить меня уехать из <этого снежного ада>, как он называл страну эскимосов. Спасенные хотели поблагодарить меня за то, что я для них пустился в опасное путешествие, которое они считают теперь, когда оно позади, очень интересным. Я мог представить себе, как переругивались между собой моряки. Если бы я был цивилизованным человеком, они бы подождали еще часа два. Но они не могли рисковать из-за сумасшедшего отшельника, женатого на <туземке>, который вбил себе дурь в голову и живет здесь среди эскимосов.

Вскоре лодки выбрались из льдов и стали быстро продвигаться к судам. Мои друзья продолжали махать мне, и я провожал их взглядом, пока они не вошли на палубу. Потом повернулся и медленно направился обратно на остров Тома.

* * *

Собачьи упряжки нагнали меня, когда я подходил к Итукусуку и Квангаку, которые все еще возились с медведем. Митерк рассказал мне, что произошло, и очень сердился. Эскимос с мыса Седдон не понял многого из разговора китобоев, но изумился тому, что их стремление попасть к себе на родину было сильнее желания отблагодарить Питы, который спас им жизнь. Если бы не помощь Питы, они погибли бы.

Я попытался объяснить ему, что мы расстались друзьями и меня нечего благодарить. Мы прошли вместе через ряд испытаний, и китобои оказались приятными людьми и хорошими спутниками. Нечего об этом говорить. Я просто перебрался необычным образом через залив Мелвилла. А вообще-то много раз переправлялся и делать это придется еще не раз. Вот и все.

Как всегда, Меквусак развел жаркий костер. Когда мы пришли, у него уже было готово для нас мясо. У старика было миролюбивое и веселое настроение. Я спросил, что его так радует?

- Имеется много оснований радоваться, - сказал он со вздохом удовлетворения. - Теперь можно опять разговаривать как люди, без того, что у твоих ушей кружатся непонятные слова. Случилось так, что совершена поездка, о которой можно будет многое рассказать друзьям, когда мы вернемся домой. Белые оказались неплохими спутниками, но все же испытываешь большую радость, избавившись от них. И ясно, что для Питы лучше жить среди людей, которые понимают его речь и дают ему возможность жить по обычаям этой страны.

- Опять настало время, когда можно спать без крыши над головой, - сказал Итукусук улыбаясь. - Иной раз, проснувшись, хорошо увидеть звезды над головой, как подобает мужчинам. У белых людей тонкая кожа, и они боятся холода. Ты, Пит?, как брат нам, а у белых особые желания. Хорошо, когда с нами ты один, Пит?.

Я вздохнул. Возможно, что на душе у меня было тяжело, но я полностью согласился с моими друзьями, когда смотрел, как исчезают за горизонтом мачты судов.

ПРИМЕЧАНИЯ

НАЧАЛО СБОРНИКА

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ П. ФРЕЙХЕНА (переводы на русский язык)

Возможно, список не полон, но углубленный поиск в Сети ничего более не дал.

1. Фрейхен П. Моя гренландская юность. ?
2. Фрейхен П. Великий ловец. ?
3. Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилла. М.: Географгиз. 1961. - 232 с.
4. Фрейхен П., Соломонсен Ф. Когда уходят льды. М.: Географгиз. 1963. - 446 с.

Электронный энциклопедический словарь; дополнено (75.000 слов; 2000 г.)

ГРЕНЛАНДИЯ. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ

Гренландия - остров в Северном Ледовитом океане, крупнейший в мире. Территория Дании (с 1953 г.); пользуется самоуправлением с мая 1979 г.

Гренландия открыта норвежскими викингами под предводительством Эрика Рыжего (986 г.), основавшими там ряд поселений. Колонии викингов в Гренландии продержались, по-видимому, вплоть до XV в., после чего исчезли. Вторичное открытие острова произошло в 1576 г. (английский капитан Фробишер).

Площадь острова составляет 2176 тыс. км²; население - более 55,7 тыс. человек (1993 г.), в том числе гренландцев (эскимосов) - около 90%. Административный центр - Готхоб.

Свыше 80% территории Гренландии занято покровным ледником мощностью до 3400 м. Объем льда составляет 2,6 млн. км³. Высота рельефа до 3700 м (гора Гунбьерн). У берегов ежегодно образуется 13-15 тыс. айсбергов.

Климат морской субарктический и арктический, на леднике - континентальный. На побережье тундровая растительность, много птиц. Обитают: северный олень, мускусный овцебык, белый медведь, песец и др.; в прибрежных водах моржи, тюлени и др.

На северо-востоке Гренландии находится Гренландский национальный парк. Добыча криолита, руд цветных и редких металлов. Рыболовство, морской промысел. Рыбоконсервные заводы, овцеводство, оленеводство.

Н. Крымова

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Источник:

Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилла. Пер. с датск. Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи. М.: Географгиз. 1961. - 232 с.

Петер Фрейхен - полярный исследователь с мировым именем и известный датский писатель - родился в 1886 году в маленьком датском портовом городке Нюкэбинг-Фальстер. Море с детства влекло его к себе, будило его любознательность и фантазию. Окончив филологический факультет университета [1] (в квадратных скобках - нумерация примечаний, помещенных в конце всех текстов сборника), Фрейхен в 1906-1908 гг. впервые участвовал в экспедиции, исследовавшей Гренландию. В 1910 г. вместе со своим большим другом Кнудом Расмуссеном [2] он основал полярную факторию-станцию Туле, которой руководил несколько лет (1913-1919). В 1921-1924 гг. он был участником еще одной гренландской экспедиции, занимаясь картографированием острова. Большую часть своей жизни Фрейхен провел в путешествиях и исследованиях. Дважды на собаках пересек Гренландию, возглавлял киноэкспедицию на Аляску, был на Гудзоне, изъездил Северную и Южную Америку, крайний север Норвегии и Швеции (Лапландию) и снова и снова возвращался в ставшую дорогой его сердцу Гренландию (в конце 1940-х и в 1950-х годах) - к народу, жизнь, нравы и язык которого он так хорошо знал. Гренландские эскимосы заслуженно считали его своим братом - «настоящим инуитом».

Дважды Фрейхен побывал в нашей стране, участвуя в советских арктических экспедициях в 1928 и 1937 гг. Дружеские отношения связывали его с советскими полярниками, в частности с академиком О.Ю. Шмидтом [3]. Фрейхен всегда был хорошим другом Советского Союза.

Но не только полярным исследователем был Петер Фрейхен, он завоевал себе широкую известность и как писатель. Он автор многочисленных произведений - научных трудов, документальных повестей, художественных рассказов, романов, пьес. Его романы «Моя гренландская юность» и «Великий ловец» были переведены на русский язык. Одна из книг «Сибирские приключения» посвящена его второму пребыванию в Советском Союзе. В течение нескольких лет Петер Фрейхен был председателем Союза датских писателей. Буквально за несколько дней до смерти он закончил свой последний труд «Книгу о Семи Океанах». «В этой книге, - писал Фрейхен, - я попытался рассказать о науке и о мечтах, о фактах и о фантазии, делающих Семь Океанов бесконечно притягательными».

Фрейхен выступал и как актер, снимался в фильмах Голливуда.

Знаменитый датчанин был членом географических обществ различных стран мира, в частности, почетным членом Международного общества имени Марка Твена, членом-корреспондентом совета Датского арктического института и др. Среди полученных им наград - золотая медаль Географического общества имени Ханса-Эгgede, золотая медаль имени Веньямина Франклина [4], золотая медаль Географического общества города Филадельфия.

Умер Петер Фрейхен в сентябре 1957 г. в США, на аэродроме, перед отлетом на Аляску [5].

В 1958 г. в Дании вышла «Книга о Фрейхене», великом исследователе, среди составителей и авторов которой Пипалук - дочь Фрейхена от первой жены, эскимоски Навараны (умершей в 1921 году), брат Навараны (Инутерссуак Увдлуриак), лауреат Нобелевской премии Нильс Бор и другие. Каждый из авторов описывает в этой

книге различные стороны жизни и деятельности Петера Фрейхена, экспедиции, участником которых он был, его общественную деятельность, воссоздавая привлекательный образ ученого-гуманиста. Много теплых страниц книги посвящено жизни этого замечательного человека, познавшего душу эскимосов и породнившегося с ними. Книга воспоминаний о Фрейхене - первый памятник замечательному исследователю, писателю и человеку, всю свою жизнь боровшемуся за права на лучшую жизнь эскимосов - небольшого, но мужественного народа. Таким же привлекательным, любившим людей независимо от цвета их кожи, готовым помочь любому попавшему в беду, встает перед читателем Фрейхен со страниц книги <Зверобой залива Мелвилла>.

ПЕТЕР ФРЕЙХЕН: ЖИЗНЬ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ПУБЛИКАЦИИ

Источники:

1. P. Freuchen (1886-1957). "Books and Writers".

<http://www.kirjasto.sci.fi/peterfre.htm>. (2003)

2. Ekbergh S. A Life in the Frozen North. Peter Freuchen in Greenland. 1999. <http://www.greenginger.com/north.html>. (2003)

Перевод, компиляция и незначительные дополнения:

Готье Неимушый (Gautier Sans Avoir)

Апрель 2003 г.

Петер Фрейхен - датский журналист, писатель и путешественник, основавший вместе с Кнудом Расмуссеном (1879-1933) исследовательскую станцию в Туле (1910 г.). Помимо Арктики, Фрейхен посетил также и Южную Африку (1935 г.). В своей автобиографической книге "Mingr?nlandske ungdom" (1936 г.) он писал, что никогда не планировал стать исследователем Арктики, хотя и имел с детства любовь к морю. Как писатель-путешественник (a writer-adventurer) он входит в ряды таких знаменитостей, как Генри Стэнли, Томас Лоуренс и Тур Хейердал. Петер Фрейхен родился в Нюкэбинг (Nyk?bing) на острове Фальстер (Falster). В восемь лет он уже имел собственную маленькую лодку и все свободное время проводил в плаваниях - учеба в школе не очень интересовала его. Заведя дружбу с портовыми моряками, Фрейхен наслушался историй о дальних странах. В молодости он какое-то время он изучал медицину в Университете Копенгагена, но чувствовал, что эта профессия не была его призванием. В свое первое путешествие в Гренландию Фрейхен отправился в 1906 г. Три года он провел на необитаемом северо-восточном побережье Гренландии, в течение которых три члена экспедиции погибли при снятии карты местности. Молодой Петер Фрейхен прожил один целый месяц на научной станции, борясь с одиночеством и волками, которые сожрали семь его собак. Но для него все обошлось благополучно. С 1910 по 1924 гг. Фрейхен участвовал в целом ряде экспедиций вместе с известным полярным исследователем Кнудом Расмуссеном. В частности, в 1912 г. - в первой так называемой <Экспедиции Туле>, а в 1921-1924 гг. - в <Пятой экспедиции Туле>, где Фрейхен занимал должность картографа и натуралиста.

По возвращении в Данию из своего первого путешествия в 1907 г. он писал статьи в газете "Kristeligt Dagblad", опубликовал ряд рассказов в журнале "Familie-Journalen", и, в конечном счете, получил степень магистра искусств университета. Совместно с К. Расмуссеном он провел лекционный тур и работал репортером либеральной газеты "Politiken". В 1910 г. П. Фрейхен собирал в Гренландии экспонаты для датских музеев, а в 1913-1920 гг. заведовал колонией в Туле. Эти годы Фрейхен жил с инуитами (или эскимосами, как он их называет), причем вел чисто эскимосский образ жизни.

Фрейхен имел отрицательное мнение о деятельности христианских миссионеров - он считал, что они разрушают эскимосские традиции и не понимают этого народа.

Понять же белому эскимосов было нелегко. Вот эпизод, приведенный S. Ekbergh (вероятно, на основе какой-то публикации П. Фрейхена):

<Амарак, эскимосская девушка, распустила свои черные волосы и позволила им струиться под восхищенным взглядом молодого датского моряка... Чтобы произвести хорошее впечатление на молодого человека..., она заранее вымыла свои замечательные волосы в большом чане человеческой мочи, используемой для дубления кож. Но в результате интерес к ней моряка упал так низко, как вода в заливе во время отлива>.

В 1911 г. Фрейхен женился на эскимоске Мекупалук (Mequiraluk), взявшей имя Наварана. Она сопровождала его в некоторых его более поздних исследованиях. Вместе с Навараной Фрейхен посетил Копенгаген: она хотела видеть его родину. Но Наварана не понимала, как женщина может жить в Дании, где нет ни тюленей, ни белых медведей, и каждый должен покупать еду в магазине. Однако она пришла в восторг от балета.

Наварана умерла в 1921 г. во время эпидемии гриппа и похоронена на старом кладбище в Упернавики. Поскольку Наварана не была крещеной, местная церковь отказалась участвовать в погребении, и сам Фрейхен похоронил ее.

<Как хороша наша страна летом! - пробормотала она счастливо. - Долго-долго стоят такие дни - тихие и теплые, а солнце светит все время. Одна беда, что в такую погоду люди становятся ленивыми...> (Наварана в романе <Зверобой залива Мелвилла>. 1956. Перевод: Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи; 1961.)

Фрейхен осел в Дании, где приобрел маленький островок, Enhoje. В 1924 г. он снова женился - на Магдалене Лауридсен (Magdalene Lauridsen).

"Gr?nland, Land og Folk" [приблизительно: <Гренландия, земля и народ>], его первая книга, была опубликована в 1927 г. В том же году увидел свет его первый роман - "Storfranger".

В 1926 г. Фрейхен получил обморожение ноги, ее ампутировали, и он не смог далее продолжать свою исследовательскую деятельность. Но он продолжал путешествовать. В 1932 г. Фрейхен снова побывал в Гренландии - на сей раз его экспедицию спонсировала студия <Метро-Голден-Мейер> ("Metro-Goldwyn-Mayer studios"). Он сыграл главную роль в фильме про эскимосов (1933 г.), где изображалась жизнь эскимосского

охотника и его семьи.

В конце 1930-х гг. Фрейхен посетил Россию (Сибирь) и написал книгу <Сибирские приключения> ("Sibiriske Eventyr").

Первые книги Фрейхена о путешествиях вышли в 1920-х гг. Среди его наиболее известных трудов - <Зверобой залива Мелвилла> (1956), где Фрейзен описывает свою жизнь с женой-эскимоской, добычу китов на китобойном судне, охоту на тюленей и белых медведей. Он также приводит истории, рассказанные его друзьями-эскимосами о себе и своих приключениях. Белые люди, которые не умеют выживать в Арктике, были постоянным источником бесед эскимосов. Конфликт между различными культурами показан с пониманием и юмором.

Роман Фрейхена <Ивалу, эскимосская жена> ("Ivalu, en Roman fra Polareskimoernes Land"; 1930) явился его данью Наваране. Ивалу - эскимосская женщина, услышавшая историю о белых людях. Она узнает, что они очень падки на женщин и встречает Карла Босена (Karl Boesen), называемого Боси. После смерти мужа Ивалу, Митсерка (Mitserk), ее новый муж Миник (Minik) обращается с ней плохо [или <удовлетворяет ее плохо> - "treats her badly". - Г. Н]. В конечном счете Ивалу становится женой Боси.

В "Nordkaper" (1929) рассказана история полярной охоты на китов, а "Hvid Man" (1943) является историческим романом о жизни датской колонии в Гренландии в начале 1700-х гг.

После возвращения в Данию в 1920-х гг. Фрейхен вступил в ряды социал-демократов и работал в газете "Politiken". Он стал также главой кинокомпании.

Во время Второй мировой войны Фрейхен, будучи настроенным резко антинацистски, был в рядах датского подполья. Его поймали оккупировавшие страну немцы и приговорили к смерти. Однако Фрейхен сумел скрыться в Швецию и перебраться оттуда в США.

На своей новой родине Фрейхен жил в Нью-Йорке и имел загородный дом в штате Коннектикут. Его третья жена, Дагмар Кон, была способным иллюстратором.

Сын Фрейхена, который не мог выносить европейской жизни, вернулся в Гренландию; Пипалук (Pipaluk), его дочь, училась в Дании (дети от Навараны).

Фрейхен являлся членом совета (a member of the council) Королевского Географического общества Дании и членом Географического общества США. Среди его поздних, очень популярных работ была опубликованная в 1957 г. <Книга о Семи Океанах> ("Book of the Seven Seas").

П. Фрейхен умер от сердечного приступа в Элмендорфе (Elmendorf), штат Аляска, 2 сентября 1957 г.

Избранные работы:

GRONLAND, LAND OG FOLK, 1927

STORFANGER, 1927

ROMMINGSMAND, 1928

NORDKAPER, 1929 - The Sea Tyrant (Морской тиран)

IVALU, 1930 - Ivalu, the Eskimo Wife - suomennettu (Ивалу, эскимосская женщина)

FLUKTEN TILL SYDAMERIKA, 1935

MIN GR?NLANDSKE UNGDOM, 1936 - Nuoruuteni GrOnlannissa

MIN ANDER UNGDOM, 1937

SIBIRISKE EVENTYR, 1939

DIAMANTDRONNINGEN, 1941

HVID MAN, 1943 - White Man - Valkoinen mies eskimoiden parissa

ESKIMOFOTTOLLINGER, 1944

SOLFJED, 1944

LARIONS LOV, 1948 - The Law of Larion

ESKIMODRENGEN IVIK, 1949 - Eskimopoika Ivik

NIGGER-DAN, 1951

I ALF FRIMODIGHED, 1953

VAGRANT VIKING, 1954

FREMDELES FRIMODIG, 1955

FANGSMAEND IN MELVILLE-BAGTEN, 1956 - PyyntimiehiO Melville lahdella

The Legend of David Williams, 1956 (with F. Salomonsen) (Легенда о Дэвиде Вильямсе)

FRA THULE TILL RIO, 1957

PETER FREUCHENS BOG OM DE SYV HAVE, 1959 - Peter Freuchen's Book of The Seven Seas (with D. Loth) - Peter Freuchenin seitsem?n meren kirja (Книга Петера Фрейхена о Семи Океанах)

Peter Freuchen's Story about Life in the Seven Seas, 1959 (with D. Loth) (Рассказ о жизни на Семи Океанах)

Peter Freuchen's Story about Treasures of the Seven Seas, 1959 (with D. Loth) (Рассказ Петера Фрейхена о Сокровищах Семи Океанов)

HVALFANGERNE, 1959

Adventures in the Arctic, 1960 (ed. by Dagmar Freuchen)

DET ARKTISKE AR, 1961 - Arctic Year (Арктический год)

PETER FREUCHENS BOG OM ESKIMOERNE, 1962 - Book of Eskimos (ed. by Dagmar Freuchen) (Книга эскимосов)

Book of Arctic Exploration, 1962 (Арктическое исследование)

Men of Frozen North, 1962 (ed. by Dagmar Freuchen) (Человек с замерзшего Севера)

The Peter Freuchen Reader, 1965 (ed. by Dagmar Freuchen).

Кандидат исторических наук Л.А. Файнберг

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ П. ФРЕЙХЕНА

<ЗВЕРОВОИ ЗАЛИВА МЕЛВИЛЛА>

Источник:

Далеко на Севере, где Ледовитый океан смыкается с Атлантическим, лежит окруженная льдами Гренландия, самый большой остров на земле. Значительная часть Гренландии покрыта ледником. Лишь прибрежная полоса свободна от льда. Но вечные льды и жестокие снежные бури не испугали людей, которые первыми пришли в эту страну. Случилось это более десяти веков назад.

В нескольких тысячах километров к западу от Гренландии, там, где лишь узкий Берингов пролив отделяет Америку от Азии, появился новый народ, народ полярных охотников и зверобоев. В непрестанной борьбе с природой он мужал и креп, все в большей мере приспособляясь к жизни в Арктике.

Называл себя этот народ инуит, что значит настоящие люди. И они действительно настоящие люди эти инуит, или эскимосы, как их потом называли европейцы [6]. Из каждой схватки с природой эскимосы выходили все более сильными и обогащенными новыми полезными навыками.

Двигаясь к западу от Берингова пролива, эскимосы осваивали и заселяли арктическое побережье Америки. Так они дошли до Гренландии и постепенно распространились по ее берегам. Небольшая группа пришельцев поселилась на крайнем северо-западе Гренландии у залива Мелвилла.

Суровая природа этих мест. К самому берегу подступает ледник. Лишь темные прибрежные скалы не прикрыты его мощным панцирем. Четыре месяца не восходит солнце над этой землей и морозы нередко достигают 50°, а средняя температура января и февраля - минус 30°. Только в июне, июле и августе температура поднимается выше нуля. Часто бушуют штормовые ветры, нередко достигающие силы урагана. Изрезанный трещинами ледник затрудняет передвижение. Не удивительно поэтому, что к концу XVI в., а может быть, и еще раньше горстка поселившихся в этих негостеприимных местах людей потеряла всякую связь с остальными эскимосами Гренландии.

Трудно представить себе, как тяжела была жизнь этих людей, полностью оторванных от внешнего мира. Но полярные эскимосы, а именно так называют зверобоев залива Мелвилла в науке, не вымерли и не иммигрировали на юг Гренландии. Они выстояли в борьбе с природой, хотя это им и дорого обошлось. У них постепенно исчезли бытродные охотничьи лодки-кайки, потому что неоткуда было достать дерева, чтобы их строить, исчезли луки и стрелы и копья для охоты на оленей. И когда в 1818 г. известный полярный исследователь Джон Росс [7] встретился с полярными эскимосами у мыса Йорк, культура их была беднее, чем культура эскимосов, живших в других частях Гренландии. Но зато у полярных эскимосов еще более окрепли и развились такие присущие им черты, как мужество, способность радоваться малому, чувство товарищества и взаимопомощи.

Ко времени встречи с Россом полярные эскимосы считали себя единственными людьми на Земле, и все же, окруженные пустынными ледяными просторами, они не падали духом. Они выстояли и победили природу. Эти замечательные люди заслужили, чтобы им посвящались книги. И такие книги есть. Одну из них вы только что прочли. Ее написал известный датский путешественник и писатель Петер Фрейхен. В начале XX в. он несколько лет возглавлял датскую торговую факторию в Туле и жил среди полярных эскимосов. Чтобы лучше понять, что представляли собой эскимосы в годы пребывания среди них Фрейхена, нам придется вернуться назад и рассказать о событиях, происшедших в жизни полярных эскимосов за те почти сто лет, которые отделяют их встречу с Джоном Россом от приезда к ним Фрейхена. После 1918 г. залив Мелвилла очень часто начали посещать китобойные суда, затем здесь появились и научные экспедиции. Но влияние их на жизнь и культуру эскимосов было пока невелико. Эскимосы видели, как хорошо оснащенные экспедиции белых терпят неудачи и путешественники обращаются к ним за помощью. Поэтому полярных эскимосов вначале мало интересовали орудия труда и средства транспорта, применявшиеся этими экспедициями.

В 60-х годах XIX в. к ним переселилась группа одноплеменников с Баффиновой Земли. Они принесли с собой каяки, луки и стрелы и некоторые другие элементы культуры, утраченные полярными эскимосами во время их изоляции. Однако перелом в хозяйстве полярных эскимосов произошел не тогда, а несколько позднее, в конце XIX в., и непосредственно он был следствием экспедиций Пири к Северному полюсу [8]. С 1892 г. американец Роберт Пири предпринимает несколько экспедиций, чтобы достигнуть Северного полюса. Во время всех этих экспедиций неизменными спутниками и помощниками Пири были полярные эскимосы. В награду за помощь Пири снабжал их огнестрельным оружием, инструментами, хозяйственной утварью и предметами бытового обихода. Так продолжалось 18 лет. Только в 1909 г. Пири удалось достичь полюса, и этим успехом он во многом обязан полярным эскимосам. Пири и сам пишет, что <...мы вряд ли добились бы успеха без помощи наших товарищей эскимосов, их необыкновенной трудоспособности и выносливости...> [Пири Р. Северный полюс: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Географиз. 1948. - 196 с.].

За 18 лет европейские товары стали необходимыми для эскимосов, но источник получения их исчез вместе с окончанием экспедиций Пири. В эти же годы китобойные суда почти перестали посещать северо-западное побережье Гренландии, где живут полярные эскимосы. Судьба этой маленькой народности, трудности, внезапно вставшие перед ней, глубоко взволновали датского этнографа Кнуда Расмуссена, с 1903 г. занимавшегося изучением полярных эскимосов. Расмуссен предлагает датскому правительству основать факторию для снабжения эскимосов всем необходимым, но получает отказ. Тогда он решает сам основать поселок и факторию Туле на берегу залива Мелвилла. В это время молодой Петер Фрейхен, только что вернувшийся из своей первой экспедиции в Гренландию, знакомится с Расмуссеном. С радостью Фрейхен принимает предложение Расмуссена возглавить факторию, и в 1910 г. он едет в Туле, чтобы поселиться там и помогать полярным эскимосам.

В то же время переезд Фрейхена в Гренландию можно рассматривать как попытку бегства <назад к природе>. Правда, Фрейхен нигде и никогда не отрицал цивилизацию вообще. Его переселение в Гренландию выражало лишь стремление уйти от ужасов капиталистической цивилизации и сопутствующей ей звериной конкуренции между людьми. Сам Фрейхен говорил об этом так: <Моя жизнь в Гренландии устраивает меня гораздо больше, чем какая-либо другая. Именно поэтому я и обосновался в Туле... Не исключено, что моя жизнь в Гренландии -

это бегство от жизни... Я убежал сюда, в дикую страну, вместо того чтобы добиться положения среди равных мне на родине» [Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилла. Пер. с датск. Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи. М.: Географгиз. 1961. - 232 с.].

Фрейхен относился к эскимосам с большой симпатией и уважением и вскоре сблизился с ними, а еще через некоторое время он полюбил эскимосскую девушку Наварану и женился на ней. Эскимосы признали Петера Фрейхена своим и называли его Пит?.

Фрейхену был совершенно чужд расизм. Он с большим уважением относился к эскимосам и горячо любил свою жену Наварану. Но различие в их воспитании и образовании, в их отношении к явлениям окружающей жизни иногда давало себя знать и затрудняло взаимопонимание. В этом смысле и надо понимать слова Фрейхена, сказанные им о себе и Наваране:

<Между нами всегда существовала непроходимая пропасть>. Говоря об этом, Фрейхен подразумевал не расовые различия, а только разницу в воспитании. <Ни разные языки, ни разные расы не мешают любви, но невозможно до конца понять человека, получившего совершенно другое воспитание> [Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилла. Пер. с датск. Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи. М.: Географгиз. 1961. - 232 с.].

За годы жизни в Туле Фрейхен пережил много приключений. Об одном из них, о спасении отбившихся от своего судна китобоев, Фрейхен рассказал в книге <Зверобой залива Мелвилла>. В повесть о спасении китобоев Фрейхен умело вплетает рассказы об отдельных эпизодах из жизни своих друзей эскимосов, а также китобоев. Попутно рассказывается о природе Гренландии, о занятиях, жилище и одежде эскимосов и об их обычаях. Некоторые из описанных Фрейхеном обычаев эскимосов могут показаться странными человеку, незнакомому с этнографией. Фрейхен рассказывает, например, о большой свободе брачных отношений у эскимосов, об обычае одалживать свою жену гостю и т.п. Все это не является результатом какой-либо особой распущенности, присущей эскимосам, а просто представляет собой пережиток группового брака, который существовал у всех народов в эпоху первобытнообщинного строя. Брачные обычаи эскимосов и вообще их мораль следует объяснять исходя из общего уровня развития эскимосов, которые вследствие ряда причин и, в частности, неблагоприятных географических условий жизни отстали от многих других народов земного шара и еще недавно жили первобытнообщинным строем. На этом этапе человеческого развития у всех племен были распространены всевозможные магические запреты. Были такие запреты и у эскимосов. Не разрешалось, например, непочтительно обращаться с головами убитых животных. Если этот запрет нарушался, <обиженные> олени, по повериям эскимосов, далеко уходили от охотников, и людей постигал голод. Этим и объясняется суровая кара, которая постигла двух женщин, нарушивших запрет [Фрейхен П. Зверобой залива Мелвилла. Пер. с датск. Р.Б. Коссого, А.Д. Михальчи. М.: Географгиз. 1961. - 232 с.].

За рассказами Фрейхена об эскимосах встает писатель-гуманист, человек с широким кругозором, понимающий и любящий своих героев, независимо от их расы и уровня развития.

Со времени событий, описанных в этой книге, прошло 50 лет. Многие изменилось за эти годы. Изменились и полярные эскимосы.

В XIX и в начале XX в. полярные эскимосы еще не были втянуты в орбиту капиталистической цивилизации. У них бывали преимущественно полярные исследователи, не причинявшие им вреда. Поэтому полярные эскимосы не испытывали тех ужасов капиталистической колонизации, какие пришлось на долю североамериканских индейцев и многих других народов и племен. Капиталистическая цивилизация стала проникать на земли полярных эскимосов только в последнее время, и теперь они во многом уже не те, что прежде. Быстро идет переход от натурального хозяйства к денежному. Происходит классовое расслоение. Более богатые эскимосы покупают моторные лодки, что дает им возможность вести охоту в больших масштабах, чем их бедным сородичам. Богатые охотники - владельцы моторных лодок - начинают эксплуатировать своих бедных земляков. Под влиянием развивающихся капиталистических отношений у эскимосов ослабевают обычаи бескорыстной взаимопомощи. Еще в 30-х годах XX в. один эскимос сильно рассердился на своего соседа, который потребовал с него денег за небольшое количество жира для лампы. Теперь стало почти обязательным платить за все, что один дает другому.

Изменилось направление хозяйства полярных эскимосов. Если в начале XX в. основой его была охота на морского зверя, то в последние 10-15 лет очень большое значение приобретает охота на песцов, так как за их шкурки эскимосы получают деньги.

Многое изменилось и в одежде эскимосов, и в их жилище. Большинство полярных эскимосов теперь живет зимой в деревянных домах, а не в хижинах из камней. В оконные рамы обычно вставлены стекла, а не тюленьи пузыри, как раньше. Многие эскимосы пользуются примусами вместо жировых ламп. Правда, из-за дороговизны керосина жировые лампы еще не вышли из употребления. Летом гренландцы живут не в чумах из тюленьих шкур, а в палатках из покупного дешевого холста, так как зверя стало меньше, и, кроме того, шкуры добытых тюленей эскимосы теперь продают европейским торговцам. Такие палатки - плохая замена чумов. В них холодно и они недостаточно устойчивы. Сильный шторм нередко сметает весь летний лагерь полярных эскимосов. Зимой и весной в качестве временного охотничьего жилища по-прежнему строят куполообразные снежные хижины. Старая национальная меховая одежда эскимосов в основном сохранилась. В дополнение к ней сейчас они носят покупное нижнее белье, бумажные куртки и свитеры.

И все же полярные эскимосы лучше сохранили свою культуру, чем их собратья, живущие в более южных районах Гренландии.

В 1951-1952 гг. и жизни эскимосов поселка Туле произошел большой перелом. По соседству с поселком американцы построили огромную военную авиабазу. Звери ушли подальше от Туле в более тихие места. Эскимосам стало тяжело жить рядом с авиабазой; непрерывный шум, доносившийся с нее, не давал им покоя. Но гренландцам не хотелось покидать насиженные места, где они жили много столетий, где спят в могилах их предки. С горечью эскимосы говорили французскому ученому Малори, что они перестали быть хозяевами своей собственной земли. В 1952 г., когда Фрейхен приехал в Туле навестить своих давних друзей эскимосов, здесь

находилось около семи тысяч американских солдат. Старый друг Фрейхена, последний оставшийся в живых участник экспедиции Пири старик Одарк, печально сказал писателю: <Жизнь сейчас идет не так, как раньше, Пит?. Когда мы были молодыми и сильными, мы сами охотились на медведей, тюленей и моржей. Мы добывали мясо, где нам было нужно. Сегодня, - он вздохнул, - сегодня мясо продается за деньги! У меня достаточно денег. Король дает мне больше, чем мне нужно, но я никогда не опущусь до того, чтобы покупать себе мясо [9]. Я никогда не буду платить своим друзьям за то, чтобы покормить своих собак.

Ты помнишь, когда ты впервые пришел в Туле, Пит?? Я кормил твоих собак и кормил их хорошо. Теперь мясо кладется на весы и каждый кусочек взвешивается. Люди больше не знают, как охотиться на медведя или ловить рыбу. Они ждут, пока рыба сама приплывет и проглотит ленивый крючок. Я никогда не ловил любую рыбу, а только лосося, которого я пронзал своей острой.

Жизнь сейчас идет не так, как во времена нашей молодости. Ты помнишь дом, который ты построил в Туле, Пит?? Первый дом когда-либо построенный здесь. А сегодня здесь город белых людей, и шум, который они производят, разогнал все живое. Белые медведи больше не приходят в залив Мелвилла, тюлени и моржи ушли отсюда на более счастливые охотничьи земли и дикие гуси улетели. Сегодня, Пит?, жизнь кажется мне более тяжким бременем, чем смерть. И смерть не может быть далеко отсюда, когда наша земля стала такой, как сегодня, и когда мои друзья берут деньги за мясо> [P. Freuchen. Vagrant viking. New York. 1953. P. 1-2.].

Чем дальше, тем тяжелее было для эскимосов соседство с американской авиабазой, и в 1952-1953 гг. эскимосы Туле были переселены еще дальше на север, на берега залива Инглфилд.

Зверобоям залива Мелвилла пришлось покинуть свои земли, те земли, на которых они так счастливо и спокойно жили 50 лет назад во времена первого пребывания у них Фрейхена. Но книга Фрейхена об эскимосах Туле не устарела, потому что она рассказывает о героическом прошлом маленького народа, ныне попавшего под тяжелую палу капитализма, и воспекает высокие душевные качества этих победителей Арктики - самых северных людей на земле.

На русском языке книга П. Фрейхена издается с незначительными сокращениями. Опущены лишь некоторые места, не представляющие никакой ценности и интереса для широкого круга читателей.

Центкевичи А. и Ч.

ОСАЖДЕННЫЕ ВЕЧНЫМ ХОЛОДОМ (фрагменты)

Центкевичи А. и Ч. Осажденные вечным холодом. Л.: Гидрометеиздат. 1975. - 208 с.

Гордость <пожирателя сырого мяса>

<...>

В этом непохожем на наш мире - мире арктических понятий свое представление и об учтивости и обходительности.

Петер Фрейхен, датчанин, который поселился в Гренландии и взял в жены девушку-эскимоску, рассказывает, как однажды, потратив десять с лишним дней на поиски добычи, охотники, усталые и голодные, вернулись с пустыми руками в поселок. Они знали, что старик Аугутидлуарссук славится своим гостеприимством, что никто никогда еще не уходил из его иглу голодным. У него всегда хранились какие-нибудь запасы, так как весной и летом, когда тюлени греются на ледяных полях, он непрерывно охотится. Поэтому они направились к нему, предвкушая обильную и вкусную еду. При виде гостей хозяин забеспокоился, беспомощно развел руками и долго говорил, как он огорчен, что должен в этот раз разочаровать уважаемых охотников, что не сумеет их угостить, как ему хотелось бы, так как у него осталась лишь самая малость еды, к тому же <негодной в пищу человеку>.

<Я был уже знаком с эскимосскими обычаями, поэтому не принял всерьез этих сетований, - пишет Фрейхен. - Другие также ожидали терпеливо, пока старик кончит говорить. Он вышел из иглу и через мгновение вернулся с огромным мешком из тюленьей кожи, набитым замороженной птицей. Он еле дотащил его. Схватив топор, он разрубил дичь на куски, разодрал один из кусков и первым взялся за еду.

- Как я сказал, вкус у нее ужасный. Вы бы лучше зашли в другой раз, чтобы мне не было так стыдно. Даже мои бедные собаки и те не захотят дотронуться до такой пищи. Я навсегда уронил себя в ваших глазах.

Никто из нас не придавал никакого значения этой тираде - она была только сигналом к началу пиршества.

Припрятанные в пещере так, чтобы в этот тайник не проникал воздух или, боже упаси, свет, мороженные птицы, хотя и с душиком, оказались чрезвычайно вкусными.

- Ешьте, если вам действительно нравится эта гадость. Могу только сказать, что если бы не ваша любезность, мне пришлось бы выбросить ее, - повторял довольный хозяин.

Спустя несколько часов, когда мы уже успели съесть добрых сто фунтов мяса и никто больше не был в состоянии работать челюстями, Аугутидлуарссук наполнил водой, растопленной из льда, большой котелок и пустил его по кругу. Каждый набирал воду в рот, выплевывал ее позади себя, ополаскивал руки, а затем вытирал их чудесной пушистой шкуркой голубого песка.

- Ваши пальцы пахли бы этой гадостью, которой я вас угощал, и тогда мой позор продолжался бы еще дольше, - заявил скромно хозяин в заключение пиршества.

Таков церемониал эскимосской учтивости>.

* * *

Петер Фрейхен был одним из немногих полярников, которые попали в Арктику чисто случайно. В то же время он был одним из тех, кто много сделал для эскимосов. После первой же арктической экспедиции Фрейхен на всю жизнь связал свою судьбу с Гренландией.

<Ни внутреннее влечение, ни стремление внести свой вклад в изучение земли не влекло меня на Крайний Север, - признается он в своих воспоминаниях. - Я был тогда зеленым юнцом, которому приелось однообразие

повседневной жизни и который был очарован рассказами о приключениях в Арктике и ее героях. Однако прожить этим было нельзя!

С детства меня влекло море. Когда мне было всего восемь лет, мне подарили парусную лодку, и если бы мои учителя вздумали искать того Петера, что так часто прогуливал уроки, они, наверное, нашли бы меня на воде... Позже я поступил на медицинский факультет Копенгагенского университета, поскольку, как мне казалось, именно этот род занятий привлекал меня больше всего.

Однажды в больницу, в которой я работал, привезли жертву несчастного случая. Бедняга был невероятно изуродован: у него был проломлен череп, перебиты ребра, разорваны связки. Все врачи уверяли, что раненый не выживет. Они повторяли это в течение тех нескольких месяцев, пока он упорно отказывался подтвердить их предсказание. И через полгода он поправился. Все в один голос признали это чудом современной медицины и хирургии: человек, созданный из крови и плоти, был воскрешен.

В Копенгаген со всей страны съезжались врачи, обсуждая сенсационный случай, осматривали, фотографировали, делали пациенту инъекции и в конце концов неохотно выписали его из больницы. Все мы - врачи, сестры, студенты - смотрели, как он покидал нас. Мы видели, как он остановился на углу, как нерешительно стал переходить улицу. И на наших глазах автомобиль - один из первых, появившихся на улицах Копенгагена - наехал на него и убил на месте...

Этот случай вызвал во мне бессильную ярость и ожесточение. Я понял, что мне, видно, не судьба стать врачом, и тут же ушел из университета. Прослышав, что в Гренландию отправляется большая экспедиция, я упрямил ее руководителя Мюлиуса Эриксона взять меня с собой. Мне кажется, он не пожалел об этом>.

После многих лет, проведенных среди гренландских эскимосов, Петер Фрейхен пришел к выводу, что несмотря на внешнюю суровость и грубоватость, свойственные этим первобытным людям, они зачастую значительно более чутки и деликатны, чем его соотечественники датчане. В доказательство он приводит много примеров. Вот один из них:

<Я проезжал однажды через ледник со своей женой Навараной. Дорога вела круто в гору. Тщетно хлестал я собак, бежавших в упряжке, тщетно кричал на них. Я вконец измучился и начал беспокоиться, что они остановятся на полпути.

- Давай вернемся! - решил я наконец.

- Ты хочешь, чтобы нас подняли на смех? - запротестовала Наварана. - Что скажут женщины в поселке о моем муже? Они засмеют меня. Позволь мне помочь тебе, вдруг у меня что-нибудь получится.

Хотя и неохотно, я все же согласился, так как силы мои были на исходе. Но если уж я сам не справился, то чего же ожидать от слабой женщины?

...При звуках нового, властного голоса собаки сразу же насторожились. Наварана была похожа на фурию: из робкой, скромной девушки, какой я ее знал, она превратилась вдруг в обезумевшую ведьму. Бич щелкал в ее руке, как будто лопалась льдина, ее окрик гулким эхом разносился над ледником. От безжалостных ударов бичом собаки рвались вперед, словно не чувствуя поклажи. Они поняли, что власть перешла в руки того, кто знает, чего хочет, и умеет добиться своего.

Мы мчались вверх по перевалу, как будто бы гнали за медведем. Я с трудом поспевал за санями, все более восхищаясь женой... Вершины мы достигли в небывалом темпе. Теперь можно было замедлить ход, спуск был легким. Наварана робко взглянула на меня.

- Собакам просто стало стыдно, что ими правит жалкая женщина, и они заторопились, чтобы поскорее покончить с этим позором, - скромно пояснила она, передавая мне кнут>.

Тьма, холод, разбухшие от снега тучи, ледяной ветер... Казалось бы, люди, живущие в этих исключительно тяжелых климатических условиях, должны быть замкнуты, молчаливы и угрюмы, как мрачное небо над ними. Ничего подобного. Наоборот, они улыбки и безмятежны, пожалуй, даже больше, чем жители вечно утопающих в лучах солнца и ярких цветах островов Полинезии.

<Эскимосы производят впечатление самых счастливых людей в мире>, - дружно подтверждают исследователи, прожившие не один год среди охотников Гренландии. Эскимоса не сломит даже самая чувствительная потеря, он не способен долго горевать, ему чуждо понятие <вчера>, он не терзается ни тяжелыми воспоминаниями, ни сожалениями о прошедшей молодости. Столь же мало значит для него <завтра>: он не забегает мыслью в будущее, не беспокоится о том, что оно сулит ему. Важно только <сегодня>.

Обладая какими-то неисчерпаемыми, необъяснимыми источниками юмора и безмятежности духа, он видит мир в светлых красках, радуется малейшей победе. А победу он умеет находить во всем. Нужно видеть, как радуется охотник, возвращаясь с нартами, полными убитых тюленей. Да разве мало причин для радости? Не погиб во время погони за добычей, благополучно вернулся к семейному очагу, обеспечил домашних пищей, теперь можно согреться, залезть под шкуры на лежанку и выспаться всласть, можно сразу же утолить голод, стоит только протянуть руку к мясу, которое он добыл, вырвал у окружающей его ледяной пустыни.

И какое же это ни с чем несравнимое чувство радости - во время внезапной пурги в пути спешно выстроить себе иглу, отгородиться от свиста ветра, не ежиться от его студеной порывов, почувствовать себя наконец в безопасности. Закрывая последней глыбой снега вход, охотник-эскимос раздражается смехом. Это смех победителя. Он не сдался злым духам, увернулся, перехитрил их, он умен, отважен - <настоящий человек>, он всегда справится с трудностями. И как же не радоваться этому?

<Смех висит в воздухе>, - гласит старинная и мудрая гренландская поговорка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Если не указано другое, то - примечания составителя сборника.

1. Ошибка Н. Крымовой. Согласно воспоминаниям самого Фрейхена (см. ниже фрагмент из книги Центкевичей) и

материалам с англоязычных сайтов, он изучал вначале не филологию, а медицину.

2. Расмуссен (Rasmussen) Кнуд Йохан Виктор (1879-1933) - датский этнограф и исследователь Арктики. На четверть эскимос. В 1902-1933 гг. - участник и руководитель ряда экспедиций в Гренландию и арктическую Америку (так называемые <экспедиции Туле>), произвел съемку северо-западного (1916-1917 гг.) и юго-восточного (1932-1933 гг.) берегов Гренландии; изучал антропологию, язык и быт эскимосов.

3. Шмидт Отто Юльевич (1891-1956) - российский ученый, государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути, академик (1935 г.), вице-президент АН СССР (1939-1942 гг.), академик АН Украины (1934 г.), Герой Советского Союза (1937 г.). В 1918-1922 гг. работал в Наркомпроде, Наркомфине, Наркомпросе. В 1932-1939 гг. - начальник Главсевморпути. Руководитель экспедиций на <Седове> (1929-1930 гг.), <Сибирякове> (1932 г.), <Челюскине> (1933-1934 гг.), воздушной экспедиции по организации дрейфующей станции <СП-1> (1937 г.). Разрабатывал космогоническую гипотезу образования тел Солнечной системы в результате конденсации околосолнечного газово-пылевого облака. Труды по высшей алгебре (теории групп). Один из основателей и главный редактор Большой Советской Энциклопедии (1924-1942 гг.).

4. Франклин (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706-1790) - американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США (1776 г.) и Конституции 1787 г. Родился в семье ремесленника; работал в типографии. Основал в Филадельфии первую в североамериканских колониях публичную библиотеку (1731 г.), Пенсильванский университет (1740 г.), Американское философское общество (1743 г.). Призывал к отмене рабства негров. По философским воззрениям деист. Сформулировал за полвека до А. Смита трудовую теорию стоимости. Как естествоиспытатель известен главным образом трудами по электричеству, разработал его унитарную теорию. Один из пионеров исследований атмосферного электричества; предложил молниеотвод. Иностранный почетный член Петербургской АН (1789 г.).

5. На англоязычном сайте (см. очерк ниже) указано, что П. Фрейхен умер не при отлете на Аляску, а в Элмендорфе (Elmendorf), штат Аляска.

6. Похоже на ошибку канд. историч. наук Л.А. Файнберга. <Эскимосами> первоначально называли инуитов не европейцы, а североамериканские индейцы, что в переводе с их языка значит просто: <пожиратели сырого мяса>. Эскимосы же называли индейцев севера Канады еще проще: <разводящие гнид>. Прозвище белых - кавдлунаки, в переводе с инуитского означает <собачьи дети> (см. [Расмуссен К. Великий санный путь. М.: Географиз. 1958. - 184 с.]). Вот почему эскимосов Гренландии нельзя называть <эскимосами>, а только гренландцами (иначе могут подать в суд). О том, можно ли называть индейцев <разводящими гнид>, а белых <собачьими детьми>, ничего не сказано.

7. Росс (Ross) - английские полярные исследователи, дядя и племянник: 1) Джон (1777-1856) - руководитель двух экспедиций по отысканию Северо-Западного прохода: экспедиция 1818 г. проследила западный берег Гренландии до пролива Смит и все Атлантическое побережье о. Баффина Земля; экспедиция 1829-1833 гг. открыла о. Кинг-Уильям и п-ов Бутия. 2) Джеймс Кларк (1800-1862) - участник шести арктических экспедиций по отысканию Северо-Западного прохода (1818-1833 гг.). В 1831 г. открыл северный магнитный полюс. В 1840-1843 гг. совершил три плавания в Антарктику; открыл море и ледяной барьер, названные его именем, Землю Виктории, вулканы Эребус и Террор.

8. Пири (Peary) Роберт Эдвин (1856-1920) - американский полярный путешественник, адмирал (1911 г.). В 1892 и 1895 гг. пересек Гренландию. 6 апреля 1909 г. на собачьих упряжках достиг Северного полюса.

9. Как участник экспедиции Пири Одарк получает специальную пенсию от датского правительства. (Прим. Л.А. Файнберга.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Камики - обувь, похожая на унты. (Прим., видимо, перев. Не указано.)

2. Пак (англ. pack; паковый лед) - морской лед толщиной не менее 3 м, просуществовавший более двух годовых циклов нарастания и таяния. В виде обширных ледяных полей наблюдается преимущественно в Арктическом бассейне. Более правильное название - многолетний лед. (Прим. выполнившего OCR.)

3. Глетчер (нем. Gletscher; от лат. glacies - лед) - синоним более употребительного термина <ледник>. (Прим. выполнившего OCR.)

4. Морской попугай - так называют птицу тупик из отряда чистиковых за ее клюв - высокий, большой, сильно сжатый с боков и ярко окрашенный. (Прим. ред.)

5. Ропак - льдина, стоящая ребром. (Прим. выполнившего OCR.)

6. По-видимому, здесь и далее по тексту автор имеет в виду шлюпку, приспособленную для плавания во льдах. (Прим. ред.)

7. Слань - съемный деревянный настил, предохраняющий днище шлюпки от повреждений. (Прим. ред.)

8. Печень рыб, морских млекопитающих и белого медведя очень богата витамином А. Витамины А и Е - единственные витамины, которые токсичны при передозировке. Видимо, у ракообразных несколько другие нормы потребления витамина А. Кстати чайки, например, никогда не едят печень белого медведя. (Прим. выполнившего OCR.)

9. Точное время действия данного романа П. Фрейхен не указал, но по ряду признаков, это - 1911 г. Следовательно, Фрейхену было 25 лет. (Прим. выполнившего OCR.)

10. Пири (Peary) Роберт Эдвин (1856-1920) - американский полярный путешественник, адмирал (1911 г.). В 1892 и 1895 гг. пересек Гренландию. 6 апреля 1909 г. на собачьих упряжках достиг Северного полюса, хотя исчерпывающих доказательств этого не представил. (Прим. выполнившего OCR.)

11. Фредерик Кук (1865-1840) - американский полярный исследователь. Врач в экспедиции Р. Пири в Гренландию в конце XIX в.; врач бельгийской экспедиции в Антарктиду на судне "Belgica" (1897-1899 гг.), где он вместе с Р. Амундсеном (штурман) фактически спас членов экспедиции от гибели. В 1908 г. Ф. Кук, по его словам, дошел до

Северного полюса, хотя и не смог представить убедительных доказательств этому. В последующем соперничестве за приоритет открытия полюса с Р. Пири оба проявили себя не лучшим образом. В 1920-х гг. Кук ввязался в спекуляцию нефтяными месторождениями, был обвинен в незаконных махинациях и осужден на 14 лет тюрьмы (отсидел семь). В 1936 г. Кук обращался в Американское географическое общество с просьбой пересмотреть его дело об открытии Северного полюса (безрезультатно). Написал книгу <Возвращение с полюса> (издана в США только в 1951 г.). (Прим. выполнившего OCR.)

12. Чистиковые - семейство морских птиц отряда ржанкообразных. Длина 15-50 см. Хорошо плавают и ныряют. 22 вида, по побережьям главным образом Тихого океана, а также Северного Ледовитого и северных частей Атлантического океана. 1 вид - бескрылая гагарка - истреблен. В России 18 видов: кайры, чистики (2 вида), конюги, тупики, топорик, гагарка и др. Гнездятся обычно колониями, образуя птичьи базары. Объект промысла. (Прим. выполнившего OCR.)

13. Кавдлунак - эскимосское название белого; означает <собачий сын>. Индейцев же эскимосы именуют <разводящими гнид>. Но попробуй ныне (да и раньше) в Гренландии назвать эскимоса эскимосом (от индейского - <пожиратель сырого мяса>) - по судам затаскает. Эскимоса надо называть <гренландцем>, как негра США - <чернокожим американцем>. (Прим. выполнившего OCR.)

14. Фрейхен <переигрывает>. Эскимосы должны были давным-давно понять, что кавдлунакам нужны не куклы, а именно камни. Ведь эскимосы не умалишенные. (Прим. выполнившего OCR.)

15. Расмуссен (Rasmussen) Кнуд Йохан Виктор (1879-1933) - датский этнограф и исследователь Арктики. На четверть эскимос. В 1902-1933 гг. - участник и руководитель ряда экспедиций в Гренландию и арктическую Америку (так называемые <экспедиции Туле>), произвел съемку северо-западного (1916-1917 гг.) и юго-восточного (1932-1933 гг.) берегов Гренландии; изучал антропологию, язык и быт эскимосов. (Прим. выполнившего OCR.)

16. Гренландский кит (полярный кит); семейство гладких китов. Длина до 21 м. Обитает в Северном Ледовитом океане, Беринговом и Охотском морях. Под угрозой исчезновения. Промысел запрещен. В Красной книге Международного союза охраны природы и природных ресурсов (Прим. выполнившего OCR.)

17. Автор здесь и далее в подобных случаях имеет в виду беспалубную парусно-гребную китобойную шлюпку - вельбот. (Прим. ред.)

18. Тогда сомнительно, что кто-то в вельботе спал - см. выше. (Прим. выполнившего OCR.)

19. Согласно античным географам, Туле - остров у Полярного круга, в 6-ти днях плавания к северу от Британии. Между 350 и 320 гг. до н. древнегреческий мореплаватель Питеас (Пифей) плывал вдоль северных и западных берегов Европы. Открыл о-ва Зеландия, Великобритания и Ирландия, п-ова Бретань и Скандинавский, моря Северное и Ирландское, пролив Каттегат и Бискайский залив. Исследовал берега Норвегии вплоть до Полярного круга, и, вероятно, был первым, кто сообщил о существовании Ледовитого океана. Питеас дошел до <страны полуночного Солнца> - Туле. Термином <Туле> названа археологическая культура эскимосов (X-XVII вв.) на берегах Берингова пролива, в Канаде и Гренландии. (Прим. выполнившего OCR.)

20. Наверное, таким образом Пири пытался нагадить не только Куку, но и его спутникам. (Прим. выполнившего OCR.)

21. Непонятно. Видимо, плохой перевод. (Прим. выполнившего OCR.)

22. Люрик (гагарка малая) - птица отряда Чистики. Масса около 130 г. Гнездится колониями. (Прим. выполнившего OCR.)

23. Скотт Роберт Фолкон (1868-1912) - английский исследователь Антарктиды. В 1901-1904 гг. руководитель экспедиции, открывшей п-ов Эдуарда VII. В 1911-1912 гг. - руководитель экспедиции, достигшей 18.01.1912 Южного полюса (на 33 дня позже Р. Амундсена). Погиб на обратном пути. (Прим. выполнившего OCR.)

24. По другим сведениям, Мэттью Хенсон, сопровождавший вместе с эскимосами Р. Пири к Северному полюсу, был мулатом. (Прим. выполнившего OCR.)

25. В том числе и раздаривал чужих жен. (Прим. выполнившего OCR.)

26. Очень сомнительно, что католический пастор (похоже, что именно католический) нарушил тайну исповеди. Он мог сообщить церковным властям, но дальше бы сведения никуда не попали. Скорее всего они просочились от самого Грина или Мак-Миллана, и только потом были <напечатаны в миссионерской газете>. (Прим. выполнившего OCR.)

27. Как можно видеть из описания дальнейшей жизни П. Фрейхена (см. !Intro_After.rtf), потом он снова <окунулся> в цивилизацию, причем весьма глубоко - даже снимался в фильмах Голливуда. (Прим. выполнившего OCR.)

28. Ныне в России каждый может слышать такие в любом общественном месте. (Прим. выполнившего OCR.)

29. Наверное, капитана Ольсена не поняли только эскимосы, привыкшие спасать своих товарищей даже под угрозой жизни. (Прим. выполнившего OCR.)

30. Вторая Аловвисак в книге. Первая была здоровенная и доступная морякам вдова (см. выше). (Прим. выполнившего OCR.)

31. Американская авиабаза в Туле построена в начале 1950-х гг. (Прим. выполнившего OCR.)

32. Правильно - трихинеллез. (Прим. выполнившего OCR.)

33. Как к эскимосам попал болгарин - непонятно. Это у болгар так. (Прим. выполнившего OCR.)

34. Не ясно, кто поставил <чудо> в кавычки - Фрейхен, переводчик или редактор(ы), но явно не Пабло. (Прим. выполнившего OCR.)

35. Видимо, ошибка переводчика. Откуда в рыбацком поселении епископ? (Прим. выполнившего OCR.)

36. Мормышка - искусственная приманка для ловли рыбы, разновидность блесны. Обычно отливается из свинца и имеет разную форму, чаще всего каплеобразную. (Прим. ред.)

37. Тобогган - сани для катания со снеговых гор лежа. Состоят из одного широкого полоза, загнутого на переднем конце. (Прим. ред.)

38. Игссутит (эск.) - кассиопея (Cassiope tetragonalis). (Прим. ред.)